DISSERTATIONES
PHILOLOGIAE
SLAVICAE
UNIVERSITATIS
TARTUENSIS
43

АННА ГЕРАСИМОВА

Проблема реального реципиента художественного текста: анализ современных читательских практик

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS
43

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS
43

АННА ГЕРАСИМОВА

Проблема реального реципиента художественного текста: анализ современных читательских практик

UNIVERSITY OF TARTU
Press

Отделение славистики колледжа иностранных языков и культур
Тартуского университета

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии по русской литературе 25 сентября 2020 г. решением совета по защите докторских диссертаций по программам германо-романской филологии и русской и славянской филологии Тартуского университета

Научный руководитель: Роман Лейбов, PhD, доцент

Оппоненты: Полина Колозариди (Москва) — кандидат социальных наук, доцент факультета коммуникаций, медиа и дизайна департамента медиа Национального научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Анна Сенькина (Санкт-Петербург) — кандидат филологических наук, независимый исследователь

Защита состоится 20 ноября 2020 года в 12.15 в главном здании Тартуского университета в зале Сената (ул. Юликооли 18–202)

ISSN 1406-0809
ISBN 978-9949-03-481-9 (print)
ISBN 978-9949-03-482-6 (pdf)

Copyright: Anna Gerasimova, 2020

University of Tartu Press
www.tyk.ut.ee

Моему мужу

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Методология 9

0.1. Некоторые предварительные замечания 9
0.1.1. Объект исследования 10
0.1.2. Структура работы 13
0.1.3. Выбор поля и необходимые ограничения 15
0.1.3.1. Выбор поля 15
0.1.3.2. Необходимые ограничения 18
0.2. Методология 19
0.2.1. Бруно Латур и его идея «пересборки социального» 19
0.2.2. Практическое применение методологии в имеющемся исследовательском поле 22

Глава 1. Общий очерк изучения читателей: методы, концепции и история вопроса 24

1.1. Что такое концепция читателя и как она развивалась? 24
1.2. Теоретические концепции имплицитного читателя 27
1.3. Антропологический поворот в изучении читателя 32
1.4. Изучение читательских сообществ 36
1.5. История изучения читателей в России 43
1.5.1. До 1917 года 44
1.5.2. Послереволюционные исследования 54
1.5.3. Синхронные исследования читателей в 1960-е – 80-е гг. 58
1.5.4. Диахронные исследования в российской традиции 67
1.5.4.1. «Формовка советского читателя» 69
1.6. Современные синхронные исследования 82
1.7. Переосмысление имеющихся теоретических концепций 84

Глава 2. Современные читательские практики и где они происходят 86

2.1. Описание поля. Где формируется сообщество? 86
2.2. Структуризация книжного поля. Круг чтения 97
2.2.1. Некоторые предварительные замечания 97
2.2.2. Рейтинги и их типология 98
2.3. Частные списки чтения и их сравнение с общими рейтингами 110
2.4. Некоторые наблюдения за группировкой авторов по периодам 116

Глава 3. Наблюдения над отзывами на школьный канон 120

3.1. Определение школьного канона и описание поля исследования 120
3.2. Тематическая классификация отзывов 123

Глава 4. Требования читателей. Качественные наблюдения 134

4.1. Предварительные замечания 134
4.2. Практики наряду с чтением 135
4.3. Что читатели любят и чего не любят (качественные наблюдения) 141
4.3.1. Первая качественная оценка: явно выраженные требования 141
4.3.2. Неочевидные требования и трудноформализуемые понятия 149
4.3.3. Автометаописания читателей 159

Заключение 168

Список использованной литературы 178

Kokkuvõte 186

Abstract 190

Curriculum vitae 194

Elulookirjeldus 195

Публикации по теме диссертации 196

ВВЕДЕНИЕ. МЕТОДОЛОГИЯ

0.1. Некоторые предварительные замечания

Наша работа посвящена современному читателю, его кругу чтения и практикам помимо чтения. Читатель не так уж часто становится предметом изучения в филологии, по сравнению с двумя другими инстанциями — автором и текстом.

Наш интерес к современному читателю был обусловлен не в последнюю очередь тем, что, в сущности, нам не слишком многое известно о читателе как участнике литературного процесса. Эта инстанция рассматривается весьма по-разному, в результате чего создается впечатление, что исследователи описывают то одну часть этого понятия, то другую, и сосредоточение на одной части идет в ущерб другой.

Долгое время в западноевропейской традиции изучался читатель имплицитный, т. е. читатель как инстанция текста, читатель, достраиваемый из него. Это направление связано с немецкой рецептивной эстетикой, берущей начало в феноменологии Гуссерля и Гадамера [Гуссерль 1999; Гадамер 1988; Гадамер 1991]. Их последователи Ингарден и Яусс разрабатывали уже непосредственно феноменологию чтения [Ингарден 1962; Яусс 1995], базирующуюся на идее о том, что читатель как инстанция содержится в самом тексте и предзадан им (см. подробнее об этом в параграфе 1.2.).

С другой стороны, и в российской, и в зарубежной традиции много изучались данные читательского спроса, абонементов разного рода библиотек, сведения о чтении институционализованных групп — учеников школ или гимназий, крестьян одной коммуны, т. е. групп, объединенных по внеположенному для собственно чтения признаку и/или вынужденных к чтению институцией (см. подробнее об этом в первой главе). Для простоты определения того, к кому относятся эти данные, можно пользоваться понятием «читатель», но это будет именно упрощением. Можем ли мы назвать читателем всякого крестьянина, прошедшего ликбез, всякого красноармейца, который вынужден читать газеты для политинформации или всякую ученицу сельской школы, отвечающую на вопросы по прочитанному ею рассказу «Чем люди живы»?

Еще одна проблема, которая встает перед исследователем, изучающим читателя — полнота данных. Большинство данных, имеющихся в нашем распоряжении — это данные количественные. Они дают нам более или менее точный ответ на вопрос «что читают?», но не отвечают на вопрос «как читают?» и «почему читают?» И тем более мы не находим в них ответа на вопрос, можно ли вообще говорить о читателях как о некоторой общности, и где может проходить граница такой общности? Количественные данные вообще и данные о круге чтения в частности могут стать только подготовкой к ответу на такие вопросы.

Очевидно, что при попытках ответить на вопрос «как?», исследователь, работающий с группой, управляемой институцией, столкнется с огромным количеством ограничений — от влияния институции на собственно круг чтения до влияния на правдивость и полноту ответов. Кроме того, некоторая часть таких работ проводилась не в исследовательских, а в педагогических целях, и эта оптика точно так же вызывает свой спектр ограничений в выборе и трактовке полученных данных. Это касается не только исторических, но и современных исследований, затрагивающих такие вопросы, как спрос абонементов в городских библиотеках, изучение читательских предпочтений на материале практик учеников школ или пользователей библиотек, анкетирования и пр. Лучшие из таких работ оговаривают свои ограничения и особенности взгляда в самом начале — понимая, что пользование библиотеками, например, сейчас далеко не так широко распространено. Даже, собственно, массовые обсуждения книг, т. н. «литературные суды», выступления писателей перед рабочими читателями (см. подробнее об этом параграф 1.5.2.), библиотечная просветительская работа, распространенные в 20-е или 30-е годы, больше говорят нам о книжных и литературных институциях, чем о реальных читателях[1].

Кроме того, на русской почве не только обиходные, но и научные представления зачастую не могут избежать соблазна противопоставить современному чтению ушедший золотой век; этот нарратив базируется, в сущности, на элегических сантиментах старших поколений и воспоминаниях о «самой читающей стране в мире», на веру воспринимаемой младшими поколениями.

0.1.1. Объект исследования

Обратившись к современным читателям, мы должны иметь в виду, что чтение в нынешнем мире претерпело и продолжает претерпевать сильные изменения в связи с тем, что вербальный способ получения информации окончательно перестал быть доминирующим. Теперь человек, покинув образовательную институцию, может больше никогда не обратиться к печатному слову — в этом нет необходимости. Популярная и обучающая информация почти полностью переходит в аудио- и видеоформат. Развлекательную функцию берут на себя сериалы, видеоигры и пр. Таким образом, чтение, особенно рекреационное, постепенно переходит из фонового действия, необходимого для большинства, в разряд специфического хоб-

[1] Эта доминанта была интересно отрефлексирована А. и Б. Стругацкими в «Сказке о Тройке», где участники комиссии постоянно говорят от имени народа: «Товарищ Хлебовводов правильно здесь заостряет вопрос и верно расставляет акценты. Народ любит стихи — се ля мэн сюр ле кёр ке же ву ле ди! Но всякие ли стихи нужны народу? Же ву деманд анпё, всякие ли? Мы с вами, товарищи, знаем, что далеко не всякие. Поэтому мы должны очень строго следовать… эта… определенному, значить, курсу, не терять из виду маяков и… эта… ле вин этире иль фо ле боар» [Стругацкие 1992].

би, сравнимого, например, с вышиванием. Эта метафора может показаться слишком смелой, но именно она помогла нам наилучшим образом понять, каково сообщество читателей, как оно формируется, какие связи в нем преобладают.

В названии диссертации мы обозначили нашего реципиента как реального. Это вызвано прежде всего тем, что мы хотели отделить его от имплицитного, т. е. читателя, как части литературного текста, от модельного читателя (model reader [Эко 2007]), словом, от читателя как конструкта. Затем мы хотели подчеркнуть, что опираемся прежде всего на практические, реальные данные, на прямые высказывания реципиентов, причем высказывания массовые. Иными словами, речь идет о противопоставлении реального, практического — идеологическому и теоретическому (как в термине Realpolitik). Добавим к этому еще то, что процесс восприятия в этом случае в наименьшей мере регулируется автором, следовательно, основная доля активности и выбора смыслов приходится на читателя.

На чтение влияют не только сами тексты, но и способы их потребления: новые практики, новые способы подачи текста, новые конвенции чтения. На то, как мы читаем, куда сильнее повлияло изобретение печати in quarto и in octavo, переход от свитка к кодексу и от чтения вслух к чтению про себя. Поэтому логично предположить, что появление новых носителей информации и новые практики пользования ими точно так же изменят чтение в XXI веке, как меняли его раньше. Как писал историк чтения Роже Шартье: «Чтобы вообще существовать, история чтения должна решительно размежеваться с историей того, что читают» [Chartier, Gonsalez 1992].

В своей работе мы не отказываемся от изучения круга чтения, напротив, нам кажется, что сведения о нем дают почву для интересных выводов и наблюдений. Но в первую очередь в фокусе нашего исследовательского внимания находится не имплицитный читатель, и не отдельный читатель, а сообщество читателей. При этом мы не рассматриваем читателей как людей, владеющих навыком чтения: далеко не все используют сам навык, и еще меньше людей использует его для чтения художественной литературы. Нас же прежде всего интересует именно этот сегмент потребления.

Мы изучаем современного читателя в его спонтанных проявлениях, и, поскольку изменилось само чтение, мы должны предполагать, что изменился и читатель. Мы не вправе оценивать это изменение, а должны лишь его зафиксировать и по возможности понять, почему оно произошло. Вкусы и выбор современного читателя в первую очередь направляются тем, что книги для него — это *развлекательный контент*. Он выбирает то, что должно его увлечь, развлечь и делать это достаточно долго. И нам необходимо, коль скоро мы решили описать этого читателя и сделать какие-то выводы о нем, обратиться именно к его предпочтениям и и постараться сделать это максимально безоценочно. Мы сочли такой подход необходимым потому, что работы, так или иначе затрагивающие современное чтение, порой окрашены сожалением об изменившемся круге чтения

или снижении его популярности. Можно предположить, что круг чтения действительно сильно изменился, но мы не вправе оценивать это изменение, а должны лишь его зафиксировать и по возможности понять, почему оно произошло.

Первоначально в своем исследовании мы обратились к такому виду деятельности читателей, как отзывы. Подробно наш круг ресурсов описан в параграфе 2.1., главным образом это LiveLib — сайт, посвященный любительским рецензиям на книги. Отдельно отзывам на платформе Flibusta посвящена третья глава. Также в качестве дополнительного поля мы использовали свободные обсуждения на различных ресурсах в Интернете, в том числе анонимные. Наш интерес был обусловлен тем, что в случае с отзывами мы имеем дело с непосредственным самовыражением читателя, не инспирированным никакой институцией. Такая среда, как Интернет, только способствовала нам в нашем исследовании: мы видели следы, которые оставляют читатели, и легко могли их зафиксировать. Однако нам быстро стало ясно, что наше первичное определение читателя через его рецензии является неполным и что отзывы не дают нам достаточного представления об изучаемом объекте. Ограничиться в этом вопросе непосредственно текстовым выражением читательских мнений нам показалось бессмысленным по двум причинам.

Во-первых, сами информанты во время невключенного наблюдения и интервью не раз сообщали, что отзывы или рецензии — не единственное, чем они занимаются, функционируя как члены читательского сообщества. В первом же интервью нам сообщили про феномен «книжных игр», и, собственно, раз сам участник тем самым заявил о важности явления, мы не могли обойти его стороной. И все это, конечно, потребовало расширения нашей оптики до более крупного набора практик.

Во-вторых, мы быстро поняли: не все, что говорят читатели о книгах, выражается в формате рецензии. Чтобы собирать эти мнения, мы обращались к дискуссиям на различных ресурсах, смотрели видеоблоги, изучали статистику чтения, наблюдали за книжными играми, книжными марафонами и тому подобной деятельностью.

Это привело нас к идее, что более плодотворным будет изучать современных читателей как сообщество, имеющее собственные, присущие только ему практики, которые и формируют это сообщество [Вахштайн 2013].

Следует остановиться на том, что мы понимаем в нашей работе под практиками. Возможны несколько подходов к этому понятию: (1) фоновое неэксплицированное знание и умение, (2) конкретная деятельность, соединяющая слова и действия (в частности, с таким методом работал Ирвинг Гофман [Гофман 2004]), (3) практическое знание о том, как поступать с людьми или предметами для достижения некоторой цели (т. е. практика как совокупность всего, что мы делаем) и (4) неявные правила или коллективные нормы, по которым сообщество (интерпретативное сообщество — в терминологии Стэнли Фиша (см. ниже в параграфе 2.4.) устанавливает факты, объяснения и смыслы (т. е. интерпретативные практики [Волков,

Хархордин 2008]. Практики также могут рассматриваться либо как фоновые (вся совокупность обычных бытовых действий и разговоров дает нам хороший пример) и неэксплицируемые, либо как раскрывающие, т. е. упорядоченные совокупности практического искусства, которые дают человеку состояться в том или ином социальном качестве («политик», «отец», «плотник», «шаман»), т. е. приобрести идентичность [Там же]. В своей работе мы будем держаться концепций, восходящих прежде всего к Гофману и Фишу, а наши практики будут ближе всего к практикам раскрывающим — они ориентированы на то, чтобы дать возможность участвующему состояться как читатель.

Что касается нашей позиции, что читателей продуктивно изучать именно как сообщество, постараемся сейчас пояснить и ее. Сообщество — один из тех аспектов, которые постоянно ускользают из поля зрения исследователя, в первую очередь в силу того, что в европейской традиции существует концепция читателя-одиночки (solitary reader), равно как и писателя-одиночки (solitary writer), и чтение постулируется (по крайней мере долгое время постулировалось) как индивидуальное занятие [Long 1993]. Такой подход не во всем верен, поскольку он лишает нас социальных и институциональных измерений чтения, важных хотя бы в аспекте описания того, что доступно для чтения, что стоит прочтения (и кто указывает нам это). Мы бы не хотели лишать себя этого измерения.

В этой работе мы, по мере возможности, попытаемся обрисовать «карту местности», пользуясь метафорой и методологией Бруно Латура:

> ...он [картограф. — *А. Г.*] начнет терпеливо прорисовывать береговую линию, позволив ей стать такой же извилистой, какой ее сделала геологическая история. Возможно, покажется глупым фиксировать каждую фигурирующую в отчетах точку просто в координатах долготы и широты, но еще глупее настаивать, что надо придерживаться только данных, вписывающихся в предзаданную геометрическую форму [Латур 2014: 39].

Наш метод заключался в том, чтобы, проследив связи внутри континуума, обрисовать границы самого континуума. Чем больше таких связей мы найдем, тем точнее окажется наша карта и тем точнее мы сможем определить, как выглядит сообщество читателей.

В процессе этой работы мы должны были определить основные узлы интересующей нас структуры, ее важнейших акторов и актантов (см. ниже раздел 0.2.1. о избранной нами методологии), и проследить связи между ними.

0.1.2. Структура работы

Поскольку мы отдельно сосредотачиваемся на вопросе, как именно изменился читатель по сравнению с прошлым, нам понадобилось глубоко изучить историю вопроса. Поэтому **первая глава** диссертации содержит очерк истории изучения читателя и представляет основные концепции изучения этой филологической инстанции.

Далее мы перешли к работе непосредственно с современным читательским сообществом. Сначала нам необходимо было ограничить тот фрагмент карты, который нам предстоит обрисовать в работе. Как мы уже упомянули выше, сообщество, которое мы описываем — это сообщество активных читателей конца 2010-х годов, и составляют его молодые люди, до 35 лет. Это важно обозначить по двум причинам. Первая состоит в том, что только самые старшие из этих читателей формировались в гомогенном советском поле литературы с относительно малым числом издаваемых книг. Становление их читательских привычек происходило в условиях процесса дифференциации книжного рынка, охватывающего все 90-е годы и начало 2000-х. Из этого закономерно следует то, что эти читатели, хотя и близкие по возрасту, не имеют общего круга чтения. Если немного остранить эту метафору, то можно сказать, что мы видим скорее множество небольших пересекающихся кругов чтения, чем один охватывающий всех.

Далее нам пришлось задаться вопросом, где может находиться поле активности таких читателей? Таким местом мы избрали для начала сайт LiveLib, предназначенный прежде всего для читательских рецензий. В процессе включенного наблюдения мы обнаружили, что деятельность активных читателей рецензиями не ограничивается, и это подсказало нам еще одно поле активности — книжных блогеров на YouTube (так называемый BookTube). Помимо этого, мы использовали LiveLib как источник данных для книжных рейтингов и сравнения их с популярными книгами у блогеров с YouTube, об этом говорится во **второй главе**. Для наблюдений мы отобрали тех блогеров, что пришли на YouTube с LiveLib и продолжают так или иначе быть активными и на том, и на другом сайте (не только записывают ролики, но и продолжают писать рецензии). Также мы руководствовались идеей о том, что их круг чтения должен как можно больше различаться. В нашей выборке оказалось 6 блогеров, все это молодые женщины от 20 до 30 лет. Таким образом мы выделили наших основных участников и начали прослеживать связи между ними.

Также на материале LiveLib нам удалось сделать некоторые наблюдения над тем, авторы какой эпохи, помимо самых современных, популярны у нынешних читателей (см. параграф 2.4.).

LiveLib как площадка, по нашим наблюдениям, задумана и создана так, чтобы дать пользователям возможность самопрезентации и объединения в сообщества — посредством не только обсуждения книг, но и иной групповой деятельности. Помимо нее, мы работали также с крупнейшей русскоязычной сетевой библиотекой Flibusta и представленными в ней отзывами на произведения из русского школьного канона. Она привлекла нас прежде всего тем, что, во-первых, представляет собой поле краткого и сверхкраткого отзыва, во-вторых, не дает возможности образовать сообщество, поскольку сама архитектура сервиса не побуждает посетителя ни писать длинные рецензии, ни контактировать с другими посетителями той же страницы. Таким образом, она стала для нас чем-то вроде контрастного по отношению к LiveLib объекта исследования. Всего мы собрали

и обработали 339 отзывов, качественным наблюдениям над ними посвящена **третья глава** работы.

Четвертая глава посвящена качественным наблюдениям над предпочтениями читателей. Здесь мы, используя материалы включенного наблюдения за живыми обсуждениями книг на форумах, а также отзывы на LIveLib и других площадках, пытаемся описать, что привлекает современных читателей в книгах, а что отталкивает, и как их запросы выглядят в исторической перспективе. Помимо этого, мы описываем другие виды деятельности читателей, главным образом опираясь при этом на данные книжных блогеров. В основном это разного рода групповая деятельность, именуемая внутри сообщества «книжными играми» (см. параграф 4.2.). Заключительная часть главы рассказывает об автометаописаниях читателей, то есть о том, как читатели характеризуют сами себя, свои привычки и свое отношение к книгам. Здесь мы руководствовались постулатом Бруно Латура «позвольте авторам говорить самим».

0.1.3. Выбор поля и необходимые ограничения

0.1.3.1. Выбор поля

Поле, в котором мы проводили свои исследования, динамически менялось по ходу продвижения нашей работы. Начиналась она с непосредственной работы с отзывами читателей, которых мы тогда обозначали как «неподготовленных» или «наивных». Поэтому логично, что нас привлек крупнейший и самый популярный русскоязычный ресурс, предназначенный именно для читательских рецензий — LiveLib.ru. Можно сказать, что этот ресурс сейчас единственный в русскоязычном интернете предлагает именно такой пользовательский опыт. По косвенным данным (статистика участников крупных акций) мы можем предположить, что количество сколько-нибудь активных участников измеряется в сотнях тысяч[2].

По мере изучения ресурса мы стали понимать, что его подзаголовок — «социальная сеть читателей» — соответствует характеру взаимодействий и предлагаемому пользовательскому опыту. В частности, стало ясно, что читателей связывает не только обмен мнениями или контентом, но и разного рода игровые взаимодействия, а также мы увидели, как сформированное на платформе LiveLib сообщество перетекает в другие медиумы (YouTube, Instagram), вместе с тем сохраняя своего рода «память о корнях», т. е. первоначальную идентичность, привязанную к LiveLib. Поэтому наше обращение к другим платформам и другим медиумам основано на первоначальной их связи с LiveLib, т. е. нас интересовали не книжные блогеры как таковые и не представленность книжных тем в иных медиумах.

[2] На 15.09.2020 в «Книжном вызове» на платформе участвует более 94 000 пользователей, в 23:55 (GMT+3) на сайте 8316 посетителей.

Мы черпали оттуда, в частности, информацию об игровых взаимодействиях, связывающих пользователей.

На ранних этапах работы мы также задавались вопросом, насколько медиум влияет на высказывание и будут ли отзывы на одной платформе существенно отличаться от отзывов на другой платформе. В качестве сравнения мы привлекли крупнейшую сетевую библиотеку Flibusta.net, котоаря заинтересовала нас не только размером коллекции, но и тем, что она предлагает пользователю принципиально иной опыт, что сказывается на всех уровнях — от дизайна страниц до инструментов доступных пользователю. Позже мы также встроили полученные данные в методологическую рамку акторно-сетевой теории, взглянув на возможность образования связей и их характер в зависимости от платформы (см. главу 3). Таким образом, наше поле постепенно расширялось, вместе с тем, не теряя связи с исходным, равно как и наши представления о том, как взаимодействуют читатели и что их связывает друг с другом.

Помимо этого, мы наблюдали за свободными обсуждениями книг на форумах, в том числе анонимных (включенное и невключенное наблюдение).

В качестве сравнительного материала мы выбрали: для книжных рейтингов — рейтинги магазина Ozon.Ru (как наиболее крупного сетевого ритейлера, обладающего к тому же отлаженной дистрибуцией по всей территории России). Для сравнения платформ — англоязычный аналог LiveLib — Goodreads. Эклектичность нашего поля исследования объясняется тем, что мы, как требует акторно-сетевая теория, следовали за сплетениями акторов вдоль связей, которые они образуют. Иногда это приводило нас в неожиданные места.

Нас интересовали в первую очередь активные читатели, или, как это вернее выразил один из наших респондентов, «люди, привыкшие развлекать себя чтением». Разумеется, в наше поле зрения могли случайным образом попадать и высказывания людей, не читающих активно, однако само наше поле устроено так, чтобы аккумулировать тех, кто читает много и постоянно. Сначала мы сознательно сосредоточились на чтении художественной литературы, однако потом, изучив данные о популярных книгах, мы обнаружили, что «нон-фикшн» и без того занимает очень небольшую часть поля.

Равно как разнообразным оказалось наше поле, столь же разнообразными были и методы, которые мы применяли.

Поскольку работа исходно задумывалась как исследование читательских отзывов, мы начинали со сбора отзывов на LiveLib и Flibusta и объединения этих отзывов в базу. В дальнейшем работа с этой базой оформилась в третью главу диссертации. Однако по мере того, как продвигалось исследование, нам становилось ясно, что поле, с которым мы работаем, устроено сложнее, чем нам казалось первоначально.

Еще на начальном этапе работы мы провели неструктурированное интервью с одним из участников команды LiveLib, который сообщил нам немало ценных сведений о функционировании сообщества и взаимодействиях

в нем, за что мы ему очень признательны. Также мы получили от него первичные сведения о системе рейтингов ресурса, которые очень помогли нам на следующем этапе работы.

Наша работа с данными заключалась в сборе открытых сведений о популярных книгах с ресурса LiveLib. Рейтинги, которые мы собирали, были годичными (2018 и 2019 гг.) и месячными (февраль и март 2019; октябрь 2019). Эти рейтинги мы сравнивали друг с другом по нескольким параметрам (частота встречаемости наименования, автора, количество книг одного автора и др.), а также привлекали для сравнения, во-первых, рейтинг читательских рекомендаций, взятый с того же LiveLib, во-вторых, рейтинги продаж магазина Ozon за сентябрь 2019 г., и в-третьих, книги, упомянутые книжными видеоблогерами (наблюдение с февраля по апрель 2019). Интерес к другой медиа-среде был вызван тем, что мы обнаружили, что рецензенты с LiveLib часть своей деятельности, не укладывающуюся непосредственно в книжные рецензии (например, отчеты о книжных играх), фиксируют в видеоформате. Обнаружив, что это неплохой способ наблюдать за кругом чтения в диахронной перспективе, мы отобрали шесть блогеров, исходно связанных с LiveLib, и наблюдали за их активностью (невключенное наблюдение). Данные о книгах мы вносили в сводные таблицы рейтингов, но этот метод оказался нам полезен и в ином аспекте. На всем протяжении нашей работы мы вели дневник, обозначенный в источниках как ПДА — полевой дневник автора. Туда мы вносили все наблюдения за поведением акторов на прочих ресурсах, кроме Livelib и Flibusta, высказывания на форумах, расшифровки видеороликов и подкастов, комментарии. В качестве метода мы использовали невключенное наблюдение, а также время от времени переходили во включенное, в разновидностях «пассивного участия» и «умеренного участия» [De Walt et al. 1998]. Это позволяло нам, с одной стороны, сохранить дистанцию, а с другой, время от времени направлять обсуждение и получать ответы на нужные нам вопросы. При наблюдении мы отбирали прежде всего такие ресурсы, где обсуждаются популярные в основном нашем поле книги, причем обсуждение ведут активные читатели. Также мы привлекали высказывания из видеоблогов для сбора автометаописаний читателей и дополнили это стихийными опросами о чтении студентов — бакалавров и магистрантов — отделения русской и славянской филологии Тартуского университета (13 письменных анкет, 7 человек при устном опросе, смешанная аудитория, медианный возраст 22 года). Эти сведения играли лишь вспомогательную роль, однако были для нас весьма интересны, и, надеемся, нам удастся использовать их в дальнейшей работе.

0.1.3.2. Необходимые ограничения

Изучая современного читателя в интернете, мы постоянно должны иметь в виду, что выявленные нами особенности могут оказаться (и часто оказываются) не универсальны: наше исследование сфокусировано лишь на страте читателей, представленной на нескольких (хотя и очень важных) ресурсах внутри русского культурного онлайн-сообщества. Статистика популярности, виды деятельности посетителей, поведение и манера обсуждения книг на других ресурсах закономерно будет иной, и сообщества, образуемые ими, также будут иными. Здесь закономерно встает вопрос о влиянии сообщества на выбор видов деятельности и стратегий, но это тема отдельной работы, и мы коснемся этого вопроса лишь косвенно.

Мы отчетливо понимаем, что работаем только с частью большого читательского континуума, есть крупные страты, которые почти полностью от нас ускользают, есть книги, которые ускользают от внимания наших читателей, как, например, книги из длинных и коротких списков литературных премий практически не имеют совпадений с рейтингами развлекательного чтения. Также из нашего рассмотрения выпадает институт литературной критики — для рассматриваемого сообщества он практически не существует (читатели редко упоминают рекомендации критиков в своих прямых высказываниях и не ссылаются на них).

Представление о том, что исследователь, изучающий читателя, описывает только часть континуума, отнюдь не ново: еще в совместной работе венгерских и французских социологов [Josza, Leenhardt 1982] главным выводом стало то, что никакой единой публики, единого читателя не существует, публику формируют очень различные группы читателей:

> But, while our study proves the existence of real systems of reading, it also proves that this reality tends to pluralize the notion of a public, and to undermine any simplistic notion of its unity. When speaking of the public, one frequently sees it as a whole; in actual fact, we only met readers, who form publics according to their sociodemographical characteristics… The public, conceived as an undifferentiated whole in which multiple practices are combined, can no longer be considered as a valid notion where the process of reading is concerned (цит. по [Leenhardt 1980]).

С учетом ограничений выборки, оптики и проч., получается так, что мы пытаемся зафиксировать в трехмерном пространстве положение сложной объемной конструкции, которую видим лишь частично и к тому же не всегда осознаем, что наш взгляд нее не слишком верен, а временами, может быть, и устарел. Но по крайней мере, большинство исследователей сходится в том, что это одна и та же конструкция.

Мы не хотим заявить, будто инстанция читателя важнее инстанции автора и текста, но лишь хотим еще раз подчеркнуть старое заявление Джонатана Каллера: “...one is simply recognizing that the activities of readers provide more and better evidence about the conditions of meaning” [Culler 1980: 51]. Любое обращение непосредственно к читателю, к его практикам,

к тому, что он делает, дает нам непосредственные свидетельства[3] — факты, которым необходимо объяснение [Culler 1980: 51].

0.2. Методология

При подборе методологии мы нашли важные для себя понятия в акторно-сетевой теории. Самые основные ее положения мы изложим ниже.

0.2.1. Бруно Латур и его идея «пересборки социального»

Бруно Латур известен как создатель акторно-сетевой теории (actor-network theory, ANT). Первично она разработана в двух ранних книгах Латура — [Latour, Woolgar 1979] и [Latour 1987]. Здесь мы вкратце изложим состояние и основные положения этой теории в современном ее состоянии (с 70-х годов она в своем развитии претерпела некоторые изменения). Мы опираемся в своем изложении на работу *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory* (2005), русский перевод «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» [Латур 2014], далее все цитаты приводятся по этому последнему изданию. Необходимое предварительное замечание: прежде изложения самой концепции, Латур предлагает отказаться от исходных понятий и оппозиций понятий (социум и социальное, сообщества, материальное-моральное, природное-культурное и пр.), поскольку, как он полагает, внутреннее содержание всех этих терминов не определено, и социологи, в сущности, сами не понимают, что они изучают.

Итак, акторно-сетевая теория рассматривает все взаимодействия в обществе как гетерогенную сеть между различными актантами, причем актанты могут быть и неодушевленными, нечеловеческими (non-humans). Если актант оказывает влияние на других актантов или на содержание связи (нитку сети) между другими актантами, он становится актором. Любой актор для сети равно важен, потому социальный порядок означает прежде всего устойчивую работу всех акторов в сети. Акторы, собственно, выполняя действия, и формируют сеть, составляющую общество. Поскольку на работу и поведение других акторов влияют не только конкретные персоны, но и, например, учреждения, постройки или заболевания, нужно всегда учитывать, что в цепи акторов будут самые разнообразные неодушевленные существа.

---

[3] Здесь уместно вспомнить «уликовую парадигму» Карло Гинзбурга: метод научного познания, основывающийся на изучении «улик» — незаметных на первый взгляд косвенных данных, способных дать информацию о ключевых объектах, в том числе путем достраивания связей между ними [Гинзбург 1994].

Латур исходит из идеи, что если мы будем следовать за акторами и описывать их действия, мы наилучшим образом опишем то, что традиционные социологи (подход которых Латур опровергает) называют социумом.

ANT можно применить к исследованиям в любой сфере (Латур даже настаивает на этом, см. диалог с (воображаемым) студентом в «Пересборке социального»). Но основные точки ее применения — это изучение конструирования научных фактов, изучение технологий, особенно инновационных — т. е. тех, где правила взаимодействия, связи и масштаб акторов еще не предопределены, а также изучение т. н. контроверз — несогласий, противоречий в дискурсе по отношению к объекту, и ситуаций с высоким уровнем неопределенности.

Но, поскольку, повторимся, ANT предлагает очень гибкий инструментарий, мы попытались приложить ее к нашей сфере исследований.

Начало этой работы было, в сущности, чисто латуровским, укладывающимся в известную цитату:

> Как и все науки, социология начинается с удивления. Смятение может выражаться по-разному, но парадоксальное присутствие чего-то невидимого и в то же время осязаемого, само собой разумеющегося и поразительного, повседневного и обескураживающе неуловимого всегда вызывает страстное стремление укротить дикую бестию социального [Латур 2014: 35].

Удивление от того, что есть читатели, которые как-то иначе понимают книги, и, по всей видимости, многие из них разделяют это понимание, хотя и не рефлексируют его как объединяющую силу, было первым импульсом к тому, чтоб начать их изучать.

> ...даже самые рутинные, традиционные и безгласные объекты перестают быть само собой разумеющимися, когда к ним приближаются пользователи, невежественные и неуклюжие в силу определенной *дистанции* — временной дистанции в археологии, пространственной дистанции в этнологии, дистанции умений и навыков в обучении [Там же: 114].

Впервые прочитав высказывание, подобное «Гамлет был козел», и множество других, поддерживающих, разделяющих его, мы задумались: чем их восприятие отличается от условно «нашего» — институциализованного, освященного авторитетами и пр.? И чем оно обусловлено?

Для нас само собой разумеется, что Гамлет не козел, а Наташа Ростова не дура. Не в том смысле, что они находятся на противоположном конце от таких определений (но все еще в рамках той же шкалы), а в том, что к ним вообще эта шкала неприменима. Но кто-то ее применяет — и это неоспоримый факт. Мы фиксируем его и задаемся вопросом — почему?

Сначала мы определяли нашего читателя (реципиента и рецензента) как наивного. Но потом ушли (или, по крайней мере, постарались уйти) от этого определения: хотя оно и имеет свою традицию употребления, оно как бы снижает значимость языка самого актора.

Слишком часто социологи — особенно представители критической социологии — ведут себя как «критичные», «рефлексивные» и «отстраненные»

исследователи, столкнувшиеся с «наивным», «некритичным» и «нерефлексивным» актором [Латур 2014: 82].

Латур движется от идеи о том, что акторам необходимо говорить самим, а не сводить их до «положения простых информантов» [Там же: 61]. Мы опираемся на их свободное высказывание, и это принципиально важный момент. Более того, мы ограничились исключительно их добровольными публичными высказываниями, наблюдаемыми нами извне (своего рода невключенное наблюдение) — нас больше интересовало то, что читатели делают *сами*, чем то, к чему мы могли бы побудить их вопросами.

Далее вставал логичный вопрос: почему мы вообще выделяем наших читателей как отдельную группу? Латур отвечает на это: нет действия — нет группы [Там же: 52]. Они читают, они делают это определенным образом — следовательно, это группа, которую, мы считаем, лучше всего определять ее собственными словами (пусть говорят акторы): *люди, привыкшие развлекать себя чтением*[4].

> ...для того чтобы очертить группу, — не имеет значения, создается ли она впервые или просто обновляется, — вам понадобятся ее представители, «говорящие в пользу» существования этой группы [Там же: 48].

Они исчезнут, только если вдруг перестанут читать:

> Если танцор перестает танцевать, танец прекращается. Никакая инерция не сможет продолжить шоу [Там же: 56].

Нас привлекла и идея вовлечения во взаимодействия объектов: поскольку наши читатели неизбежно взаимодействуют с объектами-книгами[5], и эти объекты неизбежно же влияют на них, казалось более перспективным (хотя и более сложным) рассматривать наравне взаимодействия «книга–читатель» и «читатель–читатель».

Мы постарались уделить внимание и «задаче сборки группы» — т. е., тому, как и чем эта группа поддерживается, расширяется, и как отделяет себя от других. Об этом см. в параграфе 4.2. «Практики наряду с чтением», где речь идет о коллективных занятиях, побуждающих наших читателей привлекать в свои (взаимо)действия еще больше книг[6], и тем самым как бы укореняться в пространстве связей самим и протягивать эти связи шире и дальше.

И, наконец, отсюда мы пришли к метафоре картографирования пространства, не сводя его к условным предопределенным формам:

---

[4] См. [Герасимова 2019].

[5] Из этого следует, что книга является, в терминологии ANT, «фигуративной силой», т. е. актором: «...любая вещь, изменяющая сложившееся положение дел тем, что создает различие, является актором, или, если у нее еще нет фигурации, актантом».

[6] Мы говорим здесь о действии и взаимодействии, опираясь на то, что ANT видит в объектах таких же акторов. Таким образом, взаимодействие между книгой и читателем становится равноправным по отношению к взаимодействию между читателями.

> [ANT] утверждает, что можно проследить более прочные отношения и выявить более интересные структуры, найдя способ регистрировать связи между нестабильными и подвижными системами координат, а не пытаясь сохранить стабильность одной-единственной системы [Латур 2014: 39].

То, что мы записали в этой работе, является (мы надеемся) фрагментом той самой «извилистой береговой линии». Попытка совершить хотя бы часть «муравьиного труда» по описанию представлений современных читателей о книгах, зафиксировать связи и действия внутри сообществ — использование аутопойезиса системы как инструмента (см. параграф 3.3., особенно замечания о «лоре») — вот основная цель и метод этой работы.

> *Регистрировать* не фильтруя, *описывать* не поучая, — вот Закон и Пророки [Латур 2014: 80].

0.2.2. Практическое применение методологии в имеющемся исследовательском поле

Теперь скажем немного о том, как мы применяли описанную теорию к нашему конкретному полю.

Нам с самого начала было очевидно, что мы имеем разного рода акторов (вещественных и невещественных), связанных разного рода взаимодействиями. Если попробовать осмыслить это в терминах теории графов, то мы увидели довольно плотный граф, насыщенный связями (ребрами) между вершинами (акторами). Поскольку те или иные акторы встречались нам много раз, в том числе и в разных функциях, мы могли судить о высокой связности наблюдаемого нами сообщества.

Мы следовали за связями между акторами, и только благодаря этому обнаружили, собственно, сам этот кластер. В нашем случае это выглядело так: мы получили информацию о некоторых взаимодействиях акторов (подробнее см. параграфы 2.1. и 4.2.) и начали искать их собственные высказывания об этих взаимодействиях. Когда мы их нашли, мы обнаружили, что по этим высказываниям можно выявить других участников взаимодействий, т. е. сами взаимодействия и сообщения о них объединяют участников в некоторую сеть. И далее мы уже двигались по этой сети, а также сравнивали данные, полученные в ходе невключенного наблюдения от ее участников, с данными из других полей и других кластеров, в которых задействованы также и эти акторы, но не только они, но и многие другие.

Далее, мы старались не забывать о том, что имеем дело не только с одушевленными, но и с неодушевленными акторами, а также со связями между одушевленными акторами и неодушевленными, что, в общем, является основным фокусом нашей работы — взаимодействие читателя и книги. Мы собирали данные о круге чтения, например, постоянно имея в виду, что эти данные, хотя и окончательно формируются сайтом, все же базируются на действиях пользователей. Таким образом, данные о круге чтения

можно считать фиксацией связей между акторами, выявляющими некоторые не слишком очевидные закономерности, которые трудно было бы увидеть иным способом.

Мы не пытались видоизменить теорию для наших нужд, поскольку она и без того для них вполне подходит — мы отслеживаем связи и фиксируем их, тем самым обозначая неизвестную до этого для исследователей территорию.

Этой диссертационной работы не было бы без усилий и поддержки многих людей. Я бы хотела поблагодарить отделение русского языка и литературы Тартуского университета и Любовь Николаевну Киселеву за постоянное внимание и поддержку, а также своего научного руководителя Романа Григорьевича Лейбова — за веру в мои силы, за активное и в то же время деликатное сопровождение на непростом пути и за саму возможность попробовать себя на научном поприще.

Я также очень признательна команде ресурса Livelib, предоставившей мне очень ценные данные, благодаря которым я смогла развить свои идеи. Я признательна А. И. Рейтблату за критический взгляд и добрые советы, позволившие мне расширить свой научный кругозор. И, наконец, эта диссертация не состоялась бы без всемерной поддержки моего мужа, который не только был для меня опорой и дарил вдохновение, но и создал для работы прекрасную визуализацию данных.

ГЛАВА 1

ОБЩИЙ ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ: МЕТОДЫ, КОНЦЕПЦИИ И ИСТОРИЯ ВОПРОСА

1.1. Что такое концепция читателя и как она развивалась?

Для полного ответа на вопрос, почему мы выбрали именно такую тему исследования, сначала нужно обратиться к самой концепции читателя.

В филологии существует три инстанции: инстанция текста, инстанция автора и инстанция читателя.

Первая из них с самого начала была предметом изучения, без этого не состоялось бы и самой науки. Вторая довольно быстро, по крайней мере в виде автора-биографического, также заняла это место (инстанция внутритекстового автора — более сложный объект, и здесь не место его рассматривать).

Путь третьей к научному описанию был, пожалуй, самым сложным. Несмотря на то, что филология выросла из комментариев и маргиналий, предназначенных именно для читателя, во-первых, потребитель этих комментариев не становился объектом какого-либо научного осмысления, во-вторых, это был весьма специфический потребитель.

Маргиналии, глоссы, указатели подразумевали, что с ними будет работать такой же ученый, какой составлял их [Кавалло, Шартье 2008]. Таким образом, и пра-филолог (комментатор), и его читатель оставались в одном поле, существование других полей для филологии оставалось сомнительным.

Тому было много причин: во-первых, низкая распространенность грамотности. Если судить в относительных величинах, в европейской истории до новейшего времени было несколько взлетов уровня грамотности — в позднеримскую эпоху, в эпоху реформации и в конце XVIII века, что именуется обычно эпохой Просвещения. Однако даже последний подъем, показавший рост более чем в 10 раз [Виттман 2008: 365], означал всего лишь изменение с 0,01 до 1,5% условно «образованного» населения. Второй причиной было то, что книга не была товаром массового производства, более того, до Гутенберга (и даже при нем и некоторое время после) она была товаром производства штучного. Книги писали от руки специальные ремесленники-cartolai, их составляли и переплетали согласно желанию покупателя, рисовали по заказу миниатюры и герб заказчика[7]. Это была особая сфера, как сейчас сказали бы, престижного потребления.

Заметим, что это касается книги как предмета коммерческого. Книга же как предмет религиозный/научный еще менее была подвержена тиражированию: монастырские и позже — университетские скрибы работали ра-

[7] Интересующихся этим вопросом отсылаем к [Графтон 2008].

ди весьма невысокого спроса, хотя и он рос с годами (см. [Зенгер 2008]). Мы не упоминаем здесь о стоимости пергамена (для переписывания Библии требовались шкуры целого стада быков), о сложности работы с ним, о том, что и бумага до начала XIX века отливалась вручную, о стоимости красок и чернил — в целом все это делало книгу предметом дорогим и труднодоступным.

Такое отношение к носителю информации отчасти сохранялось и при его смене, т. е. после перехода на бумагу и после изобретения книгопечатания. Инерция восприятия не позволяла думать о книге как о чем-то доступном каждому, это касалось и состоятельных слоев населения, и бедняков.

Впервые идея о том, что читать могут многие, появилась, как мы уже сказали, во второй половине XVIII века, во время так называемой «революции чтения». Суть ее выражается так: в это время произошел переход от т. н. интенсивного чтения, то есть чтения повторяющегося, комментируемого, маленькими фрагментами, узкого круга неизменных текстов, главным образом священных — к чтению экстенсивному, то есть чтению текстов новых, светских и неповторяющихся.

Современники называли это «эпидемией чтения» и находили в ней нечто нездоровое, как в любой чрезмерной приверженности. Неумеренность в чтении стали называть вредной для здоровья [Виттман 2008: 382–383] и совращающей умы. Последнее отчасти было правдой, если рассматривать совращение как разновидность изменения.

Одна из основных причин такой революции крылась в появлении нового общественного слоя — буржуазии, которая, с одной стороны, была достаточно состоятельна, чтобы иметь доступ к книгам (через библиотеки, или кабинеты для чтения, или посредством покупки), с другой стороны, имела достаточно свободного времени для того, чтобы посвятить его чтению.

Новому слою требовалась и новая идентичность. Юрген Хабермас в своей работе «Структурное изменение публичной сферы» описывает, как добуржуазные сообщества переживают аномийный кризис и распад, приходя к формированию некоторого третьего автономного участника, стоящего над властными и государственными структурами — общественного мнения. Оно позволяет ввести в прежний расклад новое, независимое пространство, предназначенное для публичной критики. Для нас важно, что это пространство в том числе и интеллектуальное, т. е. дающее почву для формирования интеллектуальной независимости [Хабермас 2016]. Именно печатное слово стало наилучшим средством для формирования такой независимости. Книги и чтение для буржуа «...стали экспериментальными полями для самовыражения и анализа» [Виттман 2008: 363].

Отстраняясь от историко-экономического анализа, заметим, что, видимо, именно в это время и появилось представление о читателе как некоторой отдельной инстанции. До изучения его было еще далеко, но признание читателя как действующей влиятельной силы для нас очень важно.

Что касается изучения читателя, то первые систематизированные попытки были сделаны в XIX веке, и главным образом потому, что появилась новая и очень крупная страта читателей[8].

В XIX веке в Западной Европе и в странах, следовавших ее культурному образцу, происходит постепенное увеличение доли грамотных, и более того, доли читающих (владеющие грамотой и читатели — это множества, которые пересекаются, но не совпадают). Эти читатели, которых Уилки Коллинз назвал «неизвестной публикой» и «потерянным литературным племенем» (см. [Лайонс 2008: 401]), предпочитали чтение дешевых романов с продолжением, печатавшихся в газетах, и дешевых же иллюстрированных журналов с анекдотами, рецептами и сенсациями[9]. Разумеется, это были люди с низким уровнем образования, работающие на не самой квалифицированной работе, но, с другой стороны, условия их труда уже позволяли им иметь время на чтение (к концу XIX века рабочий день в Западной Европе становится нормированным и постепенно сокращается).

Нужно отметить, что здесь рост распространенности начального образования, очевидный для XIX века, скорее следовал за ростом читательской аудитории, чем порождал его. По-настоящему обязательная и всеобщая начальная школа в Англии и Франции появилась в 1880-х, когда число грамотных взрослых уже достигало 90% [Там же: 400][10].

Это было первое и единственное, по-видимому, поколение, для которого получение информации из печатных источников не имело никакой конкуренции, пока в XX веке не появились радио и телевидение, а затем и электронные средства массовой информации [Там же: 399].

Исследования читателей тех времен — это прежде всего исследования социологические. Появилась новая «неизвестная публика», которая вызвала интерес и в силу массовости, и в силу активности. Из русскоязычных исследователей этого «нового читателя» можно назвать Христину Алчевскую и Николая Рубакина до его периода библиопсихологии.

Однако исследования тех лет, при всей их ценности, рассматривали читателя скорее как объект приложения усилий, чем как объект изучения. Пристрастия этой новой публики изучались по большей части для того, чтобы скорректировать их до более, на взгляд образованного слоя, приемлемых, обучить читать то, что необходимо читать, а не то, что этой новой публике хотелось. А хотелось им «литературы, уводящей от действительности» — романов с продолжением, приключенческих книг, позднее — детективов. Библиотеки же часто навязывали им образовательную и нравоучительную литературу [Там же: 427].

---

[8] И потому, что общество стало восприниматься как самостоятельный агент.

[9] Эти наблюдения хорошо соотносятся с работами А. И. Рейтблата по тому же историческому периоду в России. См. [Рейтблат 2009].

[10] По-видимому, эта закономерность работает только для Западной Европы: см. [Рейтблат 2009]: в России в аналогичный период было грамотно не более 10% населения (среди горожан — более ⅓).

Такие пристрастия были несвойственны только узкой группе, как сказали бы раньше, прогрессивных рабочих — по большей части самоучек, стремившихся самостоятельно изучать наследие мировой культуры, истории, выучить языки...[11] Огромный пласт мемуаров таких рабочих, в основном чартистов и тред-юнионистов (исследователи обращались главным образом к британскому материалу), наглядно показывает их читательские интересы, однако они, хоть и были частью «новой неизвестной публики», не составляли в ней большинства. Но именно они активно выступали против идей либеральной филантропии, в основе которой лежало желание отучить рабочих от дурных привычек, привить им буржуазные ценности и в конечном счете смягчить социальную напряженность.

Немецкие социал-демократы рассчитывали развивать рабочих, предлагая им сначала развлекательную литературу, а затем постепенно переводя их к чтению книг по общественным наукам (Маркса и Каутского). Но исследования библиотечного спроса показали, что между представлениями социал-демократической партии и реальными запросами читателя лежала пропасть: литературу по общественным наукам брали несколько процентов читателей, основная же масса, до двух третей — романы [Лайонс 2008: 431]. Позднее этим же методом воспользуются советские библиотекари — с несколько большим успехом (но у них было больше рычагов управления).

Отношение к читателю как к социологическому конструкту держалось долго и имело даже свою эпоху взлета (в 20-е гг. в СССР). Смена этого конструкта на иной была обусловлена появлением феноменологии (Гуссерль [Гуссерль 1999], затем Гадамер [Гадамер 1988; Гадамер 1991] с концепцией чтения как первичной артикуляции мира) и, в частности, феноменологии чтения (Ингарден [Ингарден 1962] и Яусс [Яусс 1995] как непосредственные последователи Гуссерля).

1.2. Теоретические концепции имплицитного читателя

Феноменологический подход к читателю рассматривал читателя уже как инстанцию текста. Он исходил из того, что читатель уже некоторым образом предзадан текстом, равно как предзаданы текстом и действия читателя по его прочтению или дешифровке. Разные феноменологи применяли для этого разные понятия: Роман Ингарден говорил о том, что художественный текст принципиально неполон, и читатель должен заполнить в нем лакуны, Ханс-Георг Яусс говорил о горизонте ожидания читателя от текста, Вольфганг Изер — об антиципации (предугадывании) и ретроспекции (пересмотре) как движущих механизмах чтения художественного текста.

Рассмотрим подробнее все три подхода.

[11] В числе таких рабочих М. Лайонс приводит Максима Горького.

Роман Ингарден (*Studia z estetyki*, 1957) начинает свое рассуждение с идеи о том, что художественный текст принципиально схематичен:

> Мы остановимся здесь на одном свойстве структуры литературного произведения, свойстве весьма важном в художественном отношении, а именно на его схематичности [Ингарден 1962: 40].

Изображенные в художественном произведении предметы очерчены «всего лишь несколькими самыми необходимыми штрихами. Об остальном же можно только догадываться». Тут нужно отдельно оговориться, что Ингарден опирается в своих рассуждениях и примерах исключительно на поэзию и не проводит различия между поэтическим и прозаическим художественным текстом.

> Самому же произведению свойственна как раз известная неполнота лирического субъекта, не только характерная для его структуры, но и имеющая в произведении существенное художественное значение. Тот факт, что на фоне бегло и вместе с тем впечатляюще изображенного «пейзажа» на первый план выступает внезапно вспыхнувшее чувство — чувство, которое выражено, но не описано, а лирический субъект почти совсем не определяется, обусловливает специфическое соотношение действующих в произведении сил [Там же: 45].

Задача читателя, как считает Ингарден — заполнить эти пробелы на всех четырех понятийных уровнях (предметов, видов, звуковом и смысловом уровне) [Там же: 41–70]. Конкретизация литературного произведения, по его мнению — есть отдельный эстетический процесс, который следует отделять от самого произведения [Там же: 71].

Ханс-Георг Яусс (*Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft*, 1967) рассматривал идею воздействия на читателя в исторической перспективе. Отталкиваясь от идеи, что история литературы является не эмпирическим явлением, а вымышленным нарративом, составленным во взаимосвязи со строительством нации, он пытался определить заново понятие «истории литературы» в менее историзированных терминах. Более поздние теории литературы, такие, как марксистская и формалистическая, сводили ее к отдельным деталям и их взаимодействию — социальных (марксизм) или структурных (формализм). Яусс же хотел поставить во главу работу читательского восприятия над текстом.

> Если жизнь произведения — не в его автономном существовании, а во взаимодействии произведения и человечества, то эта продолжающаяся работа понимания и активного воспроизводства прошлого не может ограничиваться отдельным произведением. <…> В свою очередь, исторический контекст и взаимосвязь произведений следует видеть во взаимодействии производства и рецепции. Другими словами, литература и искусство только тогда предстают в качестве исторического процесса, когда ряд произведений рассматривается во взаимосвязи не только авторов, но и потребляющих произведения субъектов, т. е., во взаимодействии читателя и публики [Яусс 1995: 52].

Читатель в методе марксистской критики — социальное существо, точно так же, как и автор. Формальный же метод наделяет имплицитного читателя навыками и возможностями филолога. Однако — пишет Яусс — ни один текст не создавался, чтобы быть прочитанным филологом или историком.

> Оба метода лишают читателя его подлинной роли — роли адресата, которому изначально предназначается произведение. <...> коммуникативный характер [литературы] предполагают понимание публики, произведения и нового произведения как отношения диалога… Эти отношения раскрываются во взаимосвязи сообщения и воспринимающего его адресата, в соотношении вопроса и ответа, проблемы и разрешения [Яусс 1995: 56].

Антагонизм исторического и эстетического аспекта, по мнению Яусса, может быть снят при помощи рецептивно-эстетического подхода, исходящего из того, что:

> Литературное произведение не самодостаточно, оно не предлагает каждому наблюдателю один и тот же образ на все времена [Там же: 58].

Здесь Яусс вводит новое понятие, основное в его подходе — горизонт ожидания. Он формулирует его как пред-знание или же как «объективируемую… систему ожиданий».

> Литературный опыт... первого знакомства с неизвестным до сих пор произведением содержит некое пред-знание, которое является моментом самого опыта и на основании которого то новое, что мы здесь замечаем, вообще становится познаваемым [Там же: 60].

> Анализ литературного опыта читателя избегает угрозы психологизма, если описывает восприятие и воздействие произведения в объективируемой референциальной системе ожиданий. Для каждого произведения в исторический момент его появления она состоит из предпонимания жанровых особенностей, формы и тематики известных к этому времени произведений и из оппозиции поэтического и практического языков [Там же: 59].

Литературное произведение, пишет Яусс, не появляется из ниоткуда, оно находится в контексте своих предшественников и современников, настраивает читателя на определенный способ восприятия и тем самым уже в начале вызывает некоторые ожидания по поводу собственных середины и конца. Совокупность таких ожиданий (или «объективную референциальную систему ожиданий») Яусс именует «горизонтом ожиданий». Этот горизонт может оставаться неизменным или меняться в зависимости от жанровых, общелитературных и исторических конвенций.

> Психический процесс в ходе восприятия текста предстает в первичном горизонте эстетического опыта не как произвольная последовательность только лишь субъективных впечатлений, а как реализация определенных указаний, направляющих восприятие [Там же: 60].

Чаще всего горизонт ожиданий остается неизменным в «жанровой или учительной литературе» [Зенкин 2018: 198]. Изменение же этого горизонта может само по себе быть художественным приемом — в качестве самого

очевидного примера Яусс приводит «Дон Кихота», работающего с опрокидыванием формульных сюжетных ходов рыцарских романов. Однако потом эта «эстетическая дистанция», задающая неожиданность нового произведения, становится частью опыта и сама задает горизонт ожидания. Постепенно «значимость нового горизонта ожидания становится… более общей, власть изменившейся эстетической нормы может проявиться и в том, что публика начинает воспринимать произведения, пользовавшиеся в прошлом успехом, как устаревшие...» [Яусс 1995: 64]. Так произошло, в частности (этот пример приводит Яусс), с «Госпожой Бовари» Флобера и «Фанни» Эрнана Фейдо. Два этих романа, фабульно схожих, вышли в один год. При этом роман Фейдо пользовался большей популярностью, Яусс видит причины этого в том, что «Госпожа Бовари» опрокидывала привычные горизонты ожиданий тем, что, во-первых, придавала благородные черты обманутому мужу, а во-вторых, все нравственные оценки были из авторского текста выведены в речь персонажей, что было для эстетики той эпохи непривычно и даже казалось безнравственным[12]. Позднее роман Флобера получил заслуженную известность, и тогда публика санкционировала заданный им горизонт ожиданий [Там же: 66].

Рецептивно-эстетический подход, пишет Яусс, полезен также для представления о том, как читатель прошлых эпох воспринимал текст. Реконструкцию горизонта ожидания, в частности, читателей «Романа о Лисе» можно провести, выделив контекст, который задает автор: он предполагает, что читатели знакомы с сюжетом о Тристане и с другими аналогичными героическими сюжетами, и позднее иронически обыгрывает их [Там же: 67]. Любой интерпретатор текста, утверждает Яусс, должен находиться в «историческом потоке воздействий, в котором пребывает само историческое сознание». Любая модернизирующая норма искажает текст.

Возвращаясь к идее истории литературы, заявленной в названии, Яусс увязывает ее с рецептивно-эстетическим подходом следующим образом:

> В переходе от истории рецепции произведений к событийной истории литературы последняя раскрывается как процесс, где пассивная рецепция читателя и критика переходит в активную… [Там же: 71].

Более сложной была концепция повествовательной идентичности Поля Рикера: в ней постулировалось, что личная идентичность — не имманентное свойство сознания, а результат опосредования уже существующими нарративами (*Soi-même comme un autre*, 1990). Через формирование идентичности нарратива формируется (и становится доступной для понимания) и собственная идентичность индивида. Он понимает себя, понимая тексты, то есть применяет читаемые тексты к обстоятельствам своей жизни и в них находит модели для понимания своей самости. Чтение у Рикера становится операцией применения текста к миру.

---

[12] Что подтверждается знаменитым процессом о «Госпоже Бовари».

> Процесс восприятия повествования читателем, при котором рождаются многочисленные свойства, называется идентификацией. ...мы задаемся вопросом о том, что значит идентифицировать личность, идентифицировать самого себя, быть идентичным самому себе, и здесь на пути к самоидентификации происходит идентификация с другим, которая осуществляется реальным образом в историческом повествовании и ирреальным образом в вымышленном повествовании. Именно в этом проявляется опытный характер мышления, применявшегося нами по отношению к эпосу, драме и роману: овладеть образом персонажа путем идентификации с ним означает подвергнуть самого себя игре созданных воображением изменений, которые становятся созданными воображением изменениями самости [Рикер 1995: 33].

> Итак, повествовательное опосредование показывает, что в самопознании значительную роль играет интерпретация самости. Идентификация читателя с вымышленным персонажем является основным проводником этой интерпретации. И благодаря иносказательному характеру персонажа, «сам», интерпретируемый в плане повествования, превращается в некое столь же иносказательное «я», в «я», изображающее себя в качестве того или иного лица [Там же: 33].

Вольфганг Изер также исходит из концепции Ингардена о «заполнении пробелов в тексте», но продлевает метафору дальше, вводя понятия антиципации и ретроспекции, то есть предугадывания текста и его пересмотра исходя из прочитанного (*The Reading Process: A Phenomenological Approach*, 1972).

> Эти пробелы по-разному сказываются на процессах антиципации и ретроспекции, а, следовательно, и на структуре действительности текста, потому что заполнять их можно разными путями. Поэтому есть тексты с потенциалом к разным реализациям, и ни одно чтение никогда не может полностью исчерпать их потенциал, потому что каждый читатель заполняет пробелы по-своему, исключая тем самым другие способы; в процессе чтения он в одиночку принимает решения о том, как должен быть заполнен тот или иной пробел. Принимая свои решения, читатель имплицитно признает неисчерпаемость текста; и та же самая неисчерпаемость заставляет его принимать решения [Изер 2004: 208–209].

Текст, с точки зрения Изера, развивается прежде всего динамически:

> ...чтение предполагает взгляд на текст в постоянно изменяющейся перспективе, соединение разных фаз и выстраивание таким образом того, что мы назвали действительностью текста. Эта действительность меняется по мере чтения [Там же: 209].

Интерпретация в ходе чтения текста постоянно меняется, читатель обнаруживает, что его интерпретации начинают мешать другие возможные, и это порождает новые пробелы. Неопределенность текста, на взгляд Изера, является неотъемлемым признаком художественности.

> Например, иногда по мере чтения романа мы понимаем, что персонажи, события и фон переменили значение; на самом деле в этот момент мы яснее осознаем возможности иных интерпретаций. Сама эта смена перспектив заставляет нас верить в «жизненность» романа [Там же: 217].

Последовательное прочтение формирует целостный образ, именуемый иллюзией, но эта иллюзия вступает в конфликт с другими возможностями текста, которые были читателем, например, упущены. Постоянные ограничения такого рода заставляют читателя балансировать на грани иллюзии, т. е. вовлечения в текст, и отстраненности. Текст и читатель для Изера — это не объект и субъект, «линия водораздела» проходит внутри читателя, который временно перенимает чужие мысли и становится тем, чем не является.

Все эти концепции объединяло то, что реального читателя в них заменял читатель имплицитный, читатель как концепция. Исследователи эпохи модерна исходили из того, что текст для существования обязан быть не только написан, но и прочитан, поэтому помимо имплицитного автора (отделенного от биографического) в тексте обязан был присутствовать также и читатель. Ю. М. Лотман в статье «Текст и структура аудитории» замечает, что «…всякий текст (в особенности художественный) содержит в себе то, что мы предпочли бы называть образом аудитории, и что этот образ аудитории активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом» [Лотман 1977: 55]. Как мы можем судить, эта формулировка исчерпывающе описывает концепцию имплицитного читателя.

1.3. Антропологический поворот в изучении читателя

Возвращение к реальному читателю произошло в антропологическом подходе. Первичный старт ему дала, скорее всего, французская школа философии, начиная с Ролана Барта, который декларировал не только смерть автора, но и рождение читателя. Эту идею подхватил и развил Мишель де Серто в «Изобретении повседневности»[13] [Серто 2013], где сформулировал, в частности, как и для чего работает повседневное чтение простых людей, или потребителей.

Антропологический поворот окончательно совершился в 1990-х гг. в работах Роже Шартье. В своей программной статье *Labourers and voyagers* [Chartier, Gonsalez 1992] он обозначил основные постулаты этого перехода:

а) Необходимо квалитативное, а не квантитативное изучение социального функционирования книг (кто читал книги, а не сколько было книг и читателей).

б) Чтение должно рассматриваться вместе с практиками тела, описанием помещения, взаимодействием с окружающими. Следует изучать жесты, привычки, телесные практики чтения. Без материальной структуры нет

[13] Название L’Invention du Quotidien следует за Филиппом Арьесом с его invention de l’enfance — «[из]обретением детства».

самого чтения, у него всегда есть материальный посредник — книга, газета, афиша, свиток, вывеска...

В этом состояло отличие нового подхода от теории рецептивной эстетики, которая вообще не учитывала материального посредника, и утверждала, что восприятие и горизонт ожиданий в целом никак не зависят от формы передачи текста.

в) Из предыдущего пункта проистекает следующий: необходимо изучать историю изменения читабельности книги — переход от свитка к кодексу, появление межсловных пробелов (и их связь с переходом от чтения голосом к чтению молча), новые форматы книг, новый шрифт, изменение шрифта внутри книги, параграфы, нумерация, маргиналии, сноски и т. д.

Движение в сторону антропологического подхода было задано и новым направлением т. н. «микроистории» — изучения малых популяций и местечек, бытовой истории, небольших событий, заурядных людей. Из такого рода исследований нельзя не упомянуть «Сыр и черви» Карло Гинзбурга — работу о круге чтения фриульского мельника Меноккио. Микроистория основывалась на «Школе анналов», которая изменила понимание исторического источника, приблизив его к появившейся позднее антропологической методе: «все, что человек говорит или пишет, все, что он изготовляет, все, к чему он прикасается» [Блок 1973: 38]. Другая сторона Школы анналов интересно соотносится с феноменологическим подходом: в той же «Апологии истории» Блок пишет «в наших трудах царит и все освещает одно слово — понять» [Там же: 79].

Антропологическая концепция породила идею изучения практик повседневного чтения, что теоретически было обосновано Мишелем де Серто в «Изобретении повседневности» (*L'Invention de Quotidien*, 1980). В главе, посвященной чтению, он формулирует дихотомию чтения и письма как производства и потребления:

> В обществе, которое становится все более и более письменным, в основании которого лежит власть менять вещи и преобразовывать структуры исходя из моделей письма (научных, экономических, политических), которое постепенно превращается в многоаспектные «тексты» (административные, урбанистические, индустриальные и т. д.), пару «производство-потребление» можно нередко заменить ее эквивалентом и основным выразителем — парой «письмо-чтение» [Серто 2013: 282–283].

Слои общества, не имеющие власти, вынуждены довольствоваться только чтением (потреблением), но не письмом (производством смыслов), последнее зарезервировано за теми, кто имеет некий вес в обществе (символический капитал, если пользоваться термином Бурдьё).

> По природе открытый множественным прочтениям, текст становится культурным оружием, заповедным угодьем, предлогом для создания закона, который должен обеспечить легитимность «буквальной» интерпретации профессионалов и интеллектуалов, облеченных социальной властью. <...> Таким образом именно социальная иерархизация скрывает реальность практики чтения или лишает ее признания [Там же: 288–289].

Не облеченные властью страты (слабые) вынуждены, с одной стороны, подчиняться диктату облеченных властью (сильных; тех, кто устанавливает правила, в этом случае — правила интерпретации текстов), и пользоваться только навыком чтения (=потребления), с другой же стороны, слабые, не имея возможности сопротивляться, творчески перетолковывают эти правила в свою пользу, искажают и пародируют язык власти, становясь в процессе производителями, а не потребителями.

> ...за театральными декорациями этой новой ортодоксии скрывается (как это уже было раньше) молчаливая, трансгрессивная, ироническая или поэтическая деятельность читателей (или телезрителей), которые замыкаются в приватной сфере и ничего не ведают об «учителях» [Серто 2013: 289].

В другой своей работе, *La lecture absolue*, де Серто пишет: «[Читатель] отделился от книг, тенью которых он казался» [Certeau 1982].

Эти соображения особенно важны в свете того, что наша работа произросла именно из исследования читательских отзывов, и есть основания рассматривать практику их написания как практику, конституирующую нового производителя. Когда читатель, ускользнувший от внимания институции, присваивает себе практику, прежде принадлежавшую исключительно тем, кто облечен властью, он становится производителем сам, и сам же волен создавать новые смыслы, не будучи ограниченным никакой институцией, нормой или властью. Сначала он читает, потом начинает писать, тем самым утверждая себя как производителя текстов (см. также «Порядок дискурса» Фуко, где он описывает процедуру производства текста как процедуру запрета и контроля [Фуко 1996b]).

Поскольку антропологический подход традиционно придавал большое значение материальным практикам внутри практики чтения, важным объектом изучения для него стала зависимость чтения от формата и места чтения. Эта зависимость много изучалась в историческом аспекте (в частности, [Амесс 2008; Паркс 2008] — о переходе от чтения вслух к чтению про себя, [Зенгер 2008] — переход от диктовки к собственноручной записи и работе переписчиков глазами, а не со слуха, и окончательное утверждение в связи с этим в европейской традиции межсловных пробелов, появление идеи о том, что библиотека — зона тишины и изменение в связи с этим внутреннего устройства библиотеки [Там же], см. также [Графтон 2008], появление книги малого формата и вследствие этого привычки носить книгу с собой и читать на свежем воздухе [Виттман 2008], см. также [Графтон 2008]) и проч.

Однако мы можем назвать и исследования на современном материале, в частности, [Braslavski et al. 2016]. Это исследование было проведено на материале данных приложения Bookmate[14], работающего как библиотека по подписке.

[14] Bookmate — сервис для чтения электронных книг по подписке, в том числе с носимых устройств. Существует также и на русском языке.

В целом данные этого исследования отражают лишь небольшую часть современного читательского сообщества, поскольку пользователи Bookmate — это жители Москвы и Санкт-Петербурга, молодые, образованные и достаточно обеспеченные[15]. Однако в любом случае число пользователей больше, чем в любых предыдущих исследованиях цифрового чтения (ядро выборки составляет 8 337 пользователей [Braslavski et al. 2016: 3–4].

Согласно этому исследованию, пользователи Bookmate, указавшие мужской пол, читают немного больше, чем женщины, и это расходится со статистикой, приведенной в других исследованиях (в частности, в опросе ВЦИОМ[16] и [Дубин 2008], также [Long 2003] и [Maryl 2008]).

Исследование выявило гендерные предпочтения в жанре[17], но не в самих практиках чтения: количество прочитанных страниц (сессий) повышается в начале января, начале мая и в июле–августе (время каникул, отпусков или длинных выходных). Такое распределение указывает на преобладание в прагматике чтения leisure reading. В течение недели читательская активность растет с понедельника до среды, затем падает, достигая самого низкого уровня в субботу. Авторы предполагают, что у молодых и активных жителей столиц находятся в субботу другие занятия.

В течение дня пики чтения приходятся на утренние часы (10:00–12:00), причем в это время преобладает нехудожественная литература. Художественную же литературу чаще читают во время второго пика, вечером (20:00–00:00). Различий по гендеру здесь практически не наблюдается.

Исследователи также пришли к выводу, что большинство пользователей читает несколько книг параллельно и около ⅔ книг не дочитывает вовсе. Предположительно это связано с системой flat-rate подписки, когда пользователь за фиксированную сумму получает доступ к неограниченному количеству книг. Это исследование важно для нас в первую очередь тем, что оно подтверждает некоторые уже имевшиеся у нас интуиции (связанные с предпочтительным временем чтения или выбором книг), но в то же время открывает новые данные.

Антропологический поворот в истории изучения чтения был очень важен по нескольким причинам: во-первых, он отделил чтение от текста, во-вторых, вернул книге материальное измерение. И, возможно, одно из главных последствий — он вывел на первый план реального читателя и его практические действия, что позволяет нам сейчас перейти к аспектам их изучения.

---

[15] Последнее утверждение базируется на том факте, что среди пользователей ресурса преобладают владельцы дорогостоящих устройств Apple — более 70%, в то время как на российском рынке в целом преобладают пользователи ОС Android.

[16] https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8835 — доступ 23.05.2019.

[17] “As could be expected, some genres are more popular among male readers (Science Fiction & Fantasy, Business, Politics & Society, Technology & Science, History), whereas others are preferred by female readers (Love & Romance, Psychology, Art & Culture, Sports & Health). Female users read notably more children books. There is no significant gender difference in Modern Fiction, Crime & Thrillers, Mystery, Classics, Personal Growth, and Religion” [Braslavski et al. 2016: 6].

1.4. Изучение читательских сообществ

Последний аспект инстанции читателя, который нам хотелось бы рассмотреть — это сообщества читателей. Чтение исходно не было таким уж одиноким делом, если учесть хотя бы то, что читать молча — достижение позднего средневековья, а феномен вторичной грамотности (чтения вслух для неграмотных) существует в некоторых сообществах и по сей день[18]. Однако сообщества читателей окажутся понятием более узким, чем вообще люди, владеющие навыком чтения. Как мы уже упоминали выше, точнее всего его описывают слова одного из наших респондентов «люди, привыкшие развлекать себя чтением».

Здесь за поддержкой мы обращаемся к концепции Бруно Латура. У него есть два тезиса, на которые мы можем опереться и которые повторим здесь:

Нет действия — нет группы

Позвольте акторам говорить самим

У нас есть действие — активное, экстенсивное[19] чтение (они, как свидетельствуют сами, редко перечитывают). И есть определение самого актора: он считает, что это отличительный признак для его группы.

У нас есть основания верить такому определению.

Попробуем развернуть определение чуть шире: что объединяет таких людей? Ощущение себя именно читателями, ощущение принадлежности к более широкой общности (я не знаю ничего о тебе, но я знаю, что ты тоже читатель). Здесь уместно будет обратиться к некоторым постулатам Бенедикта Андерсона с его «Воображаемыми сообществами».

> Американец никогда не повстречает и даже не будет знать по именам больше чем небольшую горстку из 240 с лишним миллионов своих собратьев-американцев. У него нет ни малейшего представления о том, что они в любой данный момент времени делают. Однако есть полная уверенность в их стабильной, анонимной, одновременной деятельности [Андерсон 2016: 75].

Исторически читательские группы (осознающие себя как группы) — это прежде всего так называемые книжные клубы, формировавшиеся в основном, по понятным причинам, в протестантской традиции. Они служили не только средством объединения, но и поддержания коллективной памяти и вызова традиции [Long 1993: 193].

Изучение именно читательских сообществ — довольно позднее явление, однако одну описательную работу мы не можем не упомянуть здесь. Это «Крестьяне о писателях» А. М. Топорова [Топоров 1930], и, хотя подробнее о ней будет сказано ниже, здесь мы рассмотрим ее в контексте описания сообщества читателей.

А. М. Топоров занимался просветительской деятельностью в сибирской коммуне «Майское утро». Основная часть этой деятельности состояла

---

[18] См. также об этом более подробно [Long 1993].

[19] Для определения «экстенсивного чтения» см. параграф 1.1. «Что такое концепция читателя и как она развивалась?».

в том, что он организовывал чтения вслух с последующим обсуждением книг и фиксировал своеобразные протоколы этих чтений. Поскольку подбор текстов для чтения был довольно эклектичным (в частности, туда попал фрагмент поэмы Пастернака «Спекторский»), а крестьяне, очевидно, недостаточно подготовленными, мы можем видеть самые разнообразные реакции на широкий спектр текстов и разные методы их оценки и анализа.

С этим опытом интересно смыкается другой, проведенный пятьюдесятью годами позже и на другом континенте. Американская исследовательница Дженис Рэдуэй в 1979 г. провела исследование на материале небольшого читательского сообщества в городе Смиттон. После обзора экономико-маркетинговых предпосылок к развитию жанра серийного pulp fiction вообще и любовного романа в частности (среди описанных предпосылок особенно интересна та, что рассказывает о появлении ротационных машин высокоскоростной подачи и о внедрении в типографскую практику особого быстросохнущего клея, что позволяло быстро отпечатывать большие тиражи и тут же пускать их в продажу) [Рэдуэй 2004: 48]. Рэдуэй переходит непосредственно к работе с сообществом. Оно стихийно сплотилось вокруг одной женщины, работавшей в книжном магазине, и основным видом чтения в этой среде были любовные романы.

Большинство этих женщин были замужними домохозяйками с детьми, около ⅔ — неработающими. Рэдуэй провела с ними два анкетирования (пилотное и по его результатам второе, с расширенной анкетой), и несколько качественных интервью. Ее интересовали в первую очередь причины такого чтения, а также то, почему женщины действительно читают любовные романы запоем:

> ...становится понятно, что чтение именно любовных романов является важной составляющей их ежедневных занятий. Пристрастие к чтению этих книг позволяет предположить, что они отвечают глубинным психологическим потребностям женщин [Там же: 88].

Среди причин такого чтения Рэдуэй выделяет следующие (можно было выбирать не более трех вариантов ответа):

1. «Просто снять напряжение» (45% опрошенных)
2. «Чтение — только для меня, это время, которое я трачу на себя» (19%)
3. Желание больше узнать о далеких странах и эпохах[20] (14%) — с этим пунктом также связан повышенный интерес к историческим любовным романам
4. Желание уйти от ежедневных проблем (12%) [Там же: 90].

Такое чтение помогало женщинам избавиться от напряжения, вызванного постоянной опекой над детьми и другими домочадцами, и в то же время создавало «...особое время и пространство, в котором женщина

[20] Этот пункт тесно связан с чувством вины, которое эти женщины испытывали за время, уделенное книгам и формально отнятое у семьи. Им необходимо было чем-то оправдывать перед собой и перед сообществом свое увлечение [Рэдуэй 2004: 142, 148].

полностью предоставлена самой себе, и может сосредоточиться на своих потребностях, желаниях и удовольствиях» [Рэдуэй 2004: 90]. Любовные романы представляли собой более безопасный вариант бегства от проблем, чем алкоголь и антидепрессанты (напомним, что речь идет о 1970-х годах и США), но вызывающий примерно такое же сильное привыкание: большинство читательниц отметили, что читают «каждый раз, как выдается свободная минута» [Там же: 124].

Рэдуэй отметила, что для читательниц очень важна формульность повествования, и все они имеют устойчивое представление о конвенциях жанра:

> Можно сказать, что чтение романов ценится не только за разнообразие описываемых там приключений, но и за неизменность переживаемых ощущений. <...> ...женщины имеют довольно жесткие представления о том, что допустимо в любовном романе, и выказывают разочарование и возмущение, когда эта негласная конвенция оказывается нарушенной [Там же: 93].

Дополнительное интересное наблюдение за практиками чтения этих женщин — то, что они почти никогда не бросают «плохой» с их точки зрения, роман, поскольку «Бросить историю на середине значит оставить героиню в середине ее кошмара, в то время как вы и есть эта героиня» [Там же: 103]. Эмоции, получаемые от чтения, настолько важны для женщин, что большинство из них сходится в том, что конец романа нужно прочитывать заранее, чтобы не разочароваться и не расстроиться.

Оба фактора — желание и возможность отрешиться от чрезмерно тягостной ответственности и создание личного пространства, где женщина посредством тщательно подобранного по эмоциональной окраске чтения может удовлетворить свои эмоциональные нужды, сходные с нуждами героини романа — приводят Рэдуэй к выводу, что любовные романы — это, прежде всего, компенсаторная литература [Там же: 133–134]. Более того, Рэдуэй проводит аналогию между ритуальным повторением мифа и повторяемостью сюжетов в романах [Там же: 259].

Несмотря на то, что исследование проходило на базе существовавшего читательского сообщества, Рэдуэй отметила, что горизонтальные связи в нем были весьма слабы, все объединение шло через продавщицу местного книжного магазина, большую энтузиастку своего дела. Иными словами, эти женщины не собирались, чтобы обсудить романы друг с другом (разве что они имели дружеские отношения помимо этого), однако собравшись для интервью, они были приятно поражены возможностью поговорить о любимом чтении.

Рэдуэй замечает, что сообщество читательниц любовных романов вообще не представляло собой именно сообщества с горизонтальными связями вроде клуба по интересам, а скорее нечеткую структуру, состоящую из читательниц с одной стороны, и из авторов — с другой.

> ...их любимые авторы знают, как сделать их счастливыми, и поэтому [читательницы] чувствуют личную связь с ними, несмотря на разделяющие их километры [Там же: 135].

Читательницы много говорили о любимых писательницах, ездили на встречи с ними, брали автографы — в общем, вели обычную «фанатскую» деятельность, лишь, может быть, в более умеренном виде. При этом сами авторы любовных романов тоже предпочитают такого рода чтение, тем самым разделяя увлечение со своими поклонницами.

Аналогичные англоязычные исследования проводились и позднее, упомянем хотя бы [Long 2003] о женских читательских группах Хьюстона, [Hartley 2001] на материале Великобритании.

Читательские сообщества получили и теоретическое осмысление, особенно в рамках теории читательского отклика (reader-response criticism). Здесь нужно упомянуть Стэнли Фиша и его понятие интерпретативных сообществ [Fish 1980]. Он постулирует, что у текста нет значения вне сообщества, которое его интерпретирует. Сообщество же определяется тем, что имеет некоторый набор конвенций: общие ценности, допущения, схожие стратегии чтения, общий интертекст[21]. В этом подходе текст полностью входит в контекст и поглощается им.

Собственно, в таком подходе дихотомия текст/читатель как объект/субъект сглаживается, поскольку нет текста, кроме того, что сейчас читается, а его значение полностью состоит из того, что предполагает интерпретирующее его сообщество.

В таких сообществах вырабатываются собственные стратегии выбора книг. В частности, об этом писал Мачей Марыл применительно к пользовательским форумам онлайн-гипермаркета «Амазон» [Maryl 2014]. По его наблюдениям, темы с рекомендациями (запросом рекомендаций) и просьбами о помощи (в поиске книги, сюда же отнесены вопросы о том, как закончится книга, есть ли там определенные повороты сюжета) занимают почти половину форума, посвященного женским романам. Таким образом, внутри сообщества происходит персонализация читательского выбора, то есть подгонка книг под конкретные требования читателей. Марыл называет это «книгой, сшитой по мерке». Однако по поводу одного показателя читательницы обычно сходятся: роман должен заканчиваться хорошо. Многие даже персонализируют свой выбор именно вопросом о том, счастливый ли в книге конец, иначе они не будут ее читать.

Это интересно соотносится с работой Риты Фелски *Uses of Literature*, которая, хотя и не посвящена напрямую сообществам читателей, пытается определить, для чего литература нужна среднему читателю, без особенной подготовки, и не имеющему в чтении иной цели, кроме собственно чтения:

> Most readers, after all, have no interest in the fine points of literary history; when they pick up a book from the past, they do so in the hope that it will speak to them in the present. And the teaching of literature in schools and universities still pivots,

[21] В связи с этим интересно наблюдать сообщества любителей и знатоков жанровой литературы: они как никто разбираются в узких конвенциях жанра, и то, что для среднестатистического читателя неочевидно, для них строго обусловлено общим интертекстом.

> in the last analysis, around an individual encounter with a text. <...> Any attempt to clarify the value of literature must surely engage the diverse motives of readers and ponder the mysterious event of reading, yet contemporary theories give us poor guidance on such questions [Felski 2008: 11].

Фелски заостряет свое внимание на "...schism between academic criticism and lay reading" [Там же: 12], подчеркивая их различия. Академическое чтение — это, во-первых, работа, во-вторых, регулируемая существующими конвенциями деятельность, в-третьих, оно требует напряженности, а не расслабления, и в-четвертых, эта практика общественная, разделяемая с другими профессиональными читателями. Обычное же чтение в описании исследовательницы выглядит так:

> The ethos of academic reading diverges significantly from lay reading; the latter is a leisure activity, it is shaped by differing conventions of interpretation, it is undertaken voluntarily and for pleasure, and is often a solitary practice [Там же: 12].

Фелски выделяет четыре побуждающих причины для чтения — узнавание, очарование, знание и шок[22]. Первая напоминает о лакановском «отражении» и концепции повествовательной идентичности Рикера, когда читатель выстраивает себя исходя из имеющегося нарратива.

У человека нет собственного языка для описания того, что с ним происходит, он вынужден заимствовать чужой и приспосабливать его к себе (здесь Фелски отчасти следует за Рикером). Поскольку язык определяет и формирует человека, с помощью этого же языка он осмысляет собственную форму и изменяет ее при необходимости. Язык — это единственное средство самопознания.

Чтение, по мнению Фелски, дает возможность самопризнания через узнавание себя в тексте:

> Reading may offer a solace and relief not to be found elsewhere, confirming that I am not entirely alone, that there are others who think or feel like me. Through this experience of affiliation, I feel myself acknowledged; I am rescued from the fear of invisibility, from the terror of not being seen [Там же: 33].

Вторая причина — очарованность (погружение в текст, захваченность им). Фелски приводит два полярных примера: размышления квир-критика Джеймса Буна о пристальном чтении как об интоксикации, а не о механическом разъятии с одной стороны — и грезы героини фильма Вуди Аллена «Пурпурная роза Каира», охваченной киномиражом до такой степени, что мираж приходит к ней — с другой [Там же: 51–52]. Это противопоставление в принципе является ключевым для работы Фелски: восприятие академическое и восприятие наивное, причем академическое, по ее мнению, сильно проигрывает.

Несмотря на ключевое значение этого понятия (или ощущения) для восприятия произведений искусства, ни теоретики литературы, ни культурологи

---

[22] Они хорошо соотносятся с аристотелевскими терминами из «Поэтики»: анагноризис (узнавание), красота, мимесис, возвышенное.

не уделяют ему достаточного внимания. Очарованность для них, прежде всего, — гурманское наслаждение, наслаждение знатока [Felski 2008].

Фелски отталкивается от тезиса Вебера о «расколдовывании» мира:

> Weber famously claimed that scientific progress has leached the world of any sense of the sacred, of ultimate meaning. “There are no mysterious incalculable forces that come into play... one can, in principle, master all things by calculation. This means that the world is disenchanted…” [Там же: 57].

Однако в условиях современного мира прежний enchantment, заключенный в религиозных практиках и ритуалах, смещается к очарованности или захваченности обычными повседневными практиками и явлениями — от текстов Кафки до рекламы Gap [Там же: 58]. Более того, чтение книг способно настолько увлечь, что само восприятие слов и их графической формы как бы стирается, воображаемый мир полностью поглощает читателя [Felski 2008]. Подобный тип эстетического ответа вовсе не обязательно должен быть вызван произведениями формальной высокой культуры, как принято думать. Не только работа, помещенная в музей или ставшая частью канона, имеет право на множество интерпретаций и глубокое изучение.

Чувственное переживание такой очарованности, по Фелски, имеет свои особенности: в частности, она называет его “double consciousness”, поскольку даже погруженные в это переживание, мы понимаем, что находимся в этот миг в воображаемом мире. Это касается любого современного эстетического опыта — мы отдаем себе отчет в этом состоянии очарованности.

Очарованность имеет значение, поскольку мы обращаемся к произведениям искусства, чтобы как бы выйти на время из себя, побывать в измененном состоянии сознания. И хотя современная критика считает такое восприятие примитивным или детским, новая оптика эмоционального поворота смотрит на него куда менее предубежденно [Там же: 76].

Третья причина чтения — получение из текста знаний[23]. Фелски напоминает о двух метафорах романа — фразе Стендаля о том, что роман — это зеркало, с которым автор идет по большой дороге, и опровергающем ее высказывании Джордж Элиот, заметившей, что это зеркало кривое. Каким бы реалистичным ни был роман, даже если описать его метафорой рентгеновских лучей из Дьердя Лукача, он все равно не отражает действительности как она есть [Там же: 78]. Сложность литературной формы соответствует многообразию мира, но не является его правдивым отображением.

С точки зрения марксистской критики единственным способом для искусства отобразить действительность является передача ее в эстетической форме и выявление тем самым подавленных или исключенных смыслов. Так отношения литературы и действительности приобретают новую форму: они более не иконические (основанные на скрытом сходстве), а индексальные (вызванные подавленной причинностью) [Там же: 80]. Литературный

[23] В исследовании Рэдуэй респондентки также отмечали «новые сведения из книг» (исторические и географические) как важный фактор, побуждающий их к чтению.

текст не может полностью познать сам себя и социальные условия, вызвавшие его к жизни[24], но содержащиеся в нем умолчания и сдвиги, будучи прослеженными, приводят к вызвавшей их причине.

Многочисленные рассуждения о том, что влияет на наше восприятие, вывели термины истины и мимесиса из числа приличных для обсуждения. Однако тем самым литература приобретает значение отрицательного знания, принципиально неправдивого, соответствующего только вымыслу, но не реальности. Таким образом мимесис не сводится к реалистической прозе, но распространяется на прозу модернистсткую, постмодернистскую, а также на поэзию.

Фелски в итоге приходит к выводу, что смысл чтения состоит в том, чтобы обрести более глубокое или расширенное знание о повседневности:

> But one motive for reading is the hope of gaining a deeper sense of everyday experiences and the shape of social life. Literature's relationship to worldly knowledge is not only negative or adversarial; it can also expand, enlarge, or reorder our sense of how things are [Felski 2008: 83].

Знание при этом означает не только пассивное запоминание и воспроизведение, но и активный выбор, упорядочивание, подгонку материала к тому, чтобы сделать его понятным. В своих тезисах Фелски отчасти следует за Рикером с его идеей о том, что мимесис скорее переписывание, чем отражение, и отчасти (в той же мере, в какой и сам Рикер) за Аристотелем, определявшим мимесис как акт творения, а не копирования [Там же: 84]. Мир, о правдивости которого мы можем говорить по отношению к литературным текстам, почти весь передан посредством слова — от шуток до научных фактов. Поэтому сама его правдивость уже фикциональна.

Четвертая причина для чтения — шок: то, что поражает в тексте, вызывает сильные эмоции, которых у читателя нет возможности испытать в реальности. В современной культуре ощущение шока стало рутиной, нашу культуру движет неутолимое желание новых ощущений. Поэтому к шоку мы уже несколько привыкли. И поскольку культура последние сто лет в основном занималась тем, что атаковала собственные основания, имеет смысл отделить первичный шок от более сложных эстетических ощущений.

На взгляд Фелски, эта разница лежит в телесных ощущениях. Шок связан с телесностью:

> ...somatic register of response that receives short shrift in literary criticism, yet that cannot help but intrude into any discussion of shock. Art that disturbs or appalls can trigger a spectrum of physical reactions: a sudden gag in the throat; unbidden, unwanted tears; an involuntary flinching away from a too-graphic image… [Там же: 117].

[24] Ср. известную теорему Гёделя о неполноте.

Он отрывает нас от эстетики и возвращает непосредственно к биологии:

> We are rudely ripped from aesthetic reflection to the baseline workings of biology, confronted with the stark evidence of our involuntary responses: the manufacturing of adrenalin, the acceleration of heart rate, the constriction of blood vessels [Felski 2008: 117].

С другой стороны, стремление к шоку произрастает из унылости существования, выхолощенной современности, слишком безопасной жизни — они заставляют стремиться к чему-то подлинному и сильному, как внезапный удар ножом. Шок, таким образом, становится реакцией на современность. Как примеры таких текстов, Фелски приводит «Вакханок» Еврипида, «Пентесилею» Клейста и *La Charogne* Бодлера.

Важный момент применительно к шоку заключается в том, что такого типа читательский отклик (не только шок, но и перечисленные выше три других) выпадают из поля зрения теоретиков благодаря активному внедрению эстетики негативности:

> Thanks to the institutional entrenchment of negative aesthetics, a spectrum of reader responses has been ruled out of court in literary theory, deemed shamefully naïve at best, and rationalist, reactionary, or totalizing at worst [Там же: 132].

Собственно, наша задача в работе — именно изучить эти самые простые, наивные отклики, понять, что именно привлекает или не привлекает читателя в тексте и шире — в книге вообще. Мы пытаемся работать не только в русле понимания и восприятия непосредственно текста, но и обращать внимание на реакцию на материальное измерение книги, на те аргументы, которые неподготовленный читатель приводит в поддержку своего мнения, на тот опыт, которым он делится в рецензии.

1.5. История изучения читателей в России

Историческое развитие чтения в России заметно отличалось от такового в Западной Европе практически по всем параметрам (однако они оставались сравнимыми): меньшее число образованной публики, низкий уровень образования, отсутствие важных для чтения исторических изменений, таких, как Возрождение, Реформация, индустриальная революция, — и даже церковь в России не побуждала людей читать священные книги, а влияние эпохи просвещения было ограниченным [Lovell 2000: 10]. Разумеется, все это не могло не сказываться на том, как выглядело и как развивалось чтение в России.

Здесь мы будем говорить не столько собственно об истории чтения, сколько об истории изучения этого чтения и читателей. Но даже при таком сужении эта тема остается слишком широкой, и за неимением места мы очертим только общий путь этого движения и ограничимся некоторыми

крупными работами, соответствующими тематике нашего исследования, т. е. работающими с прямыми высказываниями читателей[25].

1.5.1. До 1917 года

Систематическая работа с читателем из народа началась, как легко понять, в эпоху Великих реформ. С одной стороны, в этом участвовали частные просветители (в том числе посредством земств и воскресных школ), с другой — государственные учреждения (в частности, был учрежден Особый отдел ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг для народного чтения [Банк 1969: 12], находившийся в сотрудничестве с Главным управлением по делам печати и Учебным отделом Синода). Просветители, в том числе революционно-демократического толка, пытались воспитывать народ, менять его литературные вкусы, государственные учреждения двигались в этом же направлении, но с иной программой. Народ же, в свою очередь, предпочитал лубочную литературу и «уличные листки» (это хорошо соотносится с описанными выше аналогичными процессами в Германии).

В изучении читателей участвовали также Санкт-Петербургский и Московский комитет грамотности. Петербургский комитет составил первый каталог или указатель книг для народного чтения и изучал своими силами читателей — члены комитета собирали на местах высказывания об отношении к чтению и отзывы о книгах. Стоит отметить, что представление комитета об изучаемых читателях было своеобразным — в них не видели полноценных субъектов, скорее детей, что отражалось и в рекомендациях: «Рекомендовалось читать взрослым то же, что и детям: нравоучительные рассказы, отдельные произведения русских классиков, религиозно-нравственную, реже — научно-популярную литературу» [Там же: 29].

Особый отдел ученого комитета Министерства народного просвещения выполнял в этом течении охранительную функцию. Его рецензенты, среди которых были такие фигуры, как А. Н. Майков и Н. С. Лесков, полагали изучаемого читателя «простодушным», поэтому позволять ему читать бесконтрольно не следует, это может привести к «неблагонамеренности» [Там же: 51]. Лесков утверждал, что читатель из народа «стоит на степени развития детского» (цит. по [Там же]). Однако неизвестно, на чем основывались рецензенты в своем мнении, собирали ли они подлинные народные высказывания, и если да, то как и где.

Позднее, в начале 1870-х гг. исследованиями читателей занимались также специально учрежденные комиссии по устройству народных чтений.

---

[25] Среди не рассмотренных работ, в частности, такие: [Эскарпи 1972; Баркер, Эскарпи 1979; Якобсон 1964; Шюккинг 1928; Канторович 1984; Жабицкая 1974; Маслова, Шляпентох 1974; История русского читателя 1973; История русского читателя 1976; История русского читателя 1979; История русского читателя 1982; История русского читателя 2010; Советский читатель… 1992; Гуковский 1966; Выготский 1987].

Они собирали статистические данные о посетителях собственно самих народных чтений, наблюдения ответственных на местах (в основном директоров народных училищ) и отзывы самих слушателей [Савинова 2007]. Интересно, что исследованием читателей через посредство бесплатных читален очень интересовался глава синода К. Победоносцев [Полунов 2010: 213–215].

Среди частных просветителей стоит упомянуть Н. А. Корфа, работавшего с земскими школами Александровского уезда[26] и составившего типовой «Каталог народной библиотеки», А. С. Пругавина, известного исследователя старообрядчества, который также предложил централизованную программу изучения читателей «Программа для собирания сведений о том, что и как читает народ» (напечатана в «Русской мысли» за 1887 г.). В целом же просветители полагали, что, работая с народом, приходится изучать «безмолвные запросы»[27], что народ сам по себе пока молчит.

Занимался народным чтением в том числе и Н. А. Некрасов, в начале 1860-х гг. задумавший издавать свои стихотворения в т. н. серии «красных книжек», распространявшихся через офеней. М. С. Макеев весьма интересно воссоздает экономический замысел Некрасова, отмечая, что проект Некрасова, хотя и выглядел как благотворительный (автор и издатель не получали ничего, деньги доставались посредникам и офеням), был скорее попыткой эксперимента с принципами материальной и эстетической оценки произведения [Макеев 2008: 215–217]. Автор, отказываясь от вознаграждения, демонстрировал бескорыстность намерений, а крестьянин, который все же платил за книжку офене, выражал свое доверие и давал оценку товару. Приведем здесь немаловажную для наших дальнейших рассуждений цитату о характере лубочного рынка как рынка, где в первую очередь важно «удовлетворение», которое читатель получает от книги, и рынка, ориентированного на вкус читателя, без посредников в виде какой бы то ни было институции [Там же].

Не можем мы обойтись и без описания работы Л. Н. Толстого с читателем, куда изучение читателя также, разумеется, входит. Его теория «свободного воспитания» включала также и «свободу чтения». Таким образом Толстой, хотя и занимался подбором и распространением книг, был принципиально против руководства чтением. Однако сам он пробовал давать своим ученикам, в том числе и взрослым, книги, написанные не специально для народа, «общую» литературу, и из этого ничего не вышло. «Главное же затруднение — народ не хочет читать этих книг, а заставить его читать еще не придумано способа…» (Л. Н. Толстой «О методах обучения грамоте», цит. по [Банк 1969: 32]). Это заставило Толстого обратиться к тому, что нравится самому народу, и предпринять некоторые действия

[26] Ныне Запорожская область Украины.

[27] Выражение сотрудника журнала «Книжник» М. Милюкова, в 1865–1866 гг. опрашивавшего московских лубочников и офеней с целью выяснить, что именно предпочитает читать народ.

к изучению читателя. Через журнал «Ясная поляна» он пропагандировал наблюдения за читателем, и получал некоторые отклики, например, от сельских учителей. В целом они не несли ничего нового, читатель из народа по-прежнему предпочитал религиозно-нравственную и лубочную литературу.

Наиболее же важным вкладом Толстого в работу с читателями из народа было создание издательства и книжного склада «Посредник». Идея издательства состояла в том, чтобы заместить дешевую лубочную литературу, рассматривавшуюся как «вредную», более приличными книгами для народного просвещения. Однако оказалось, что офени брали книги «Посредника» неохотно, так как те были чуть дороже лубков.

В работе «Посредника» нам прежде всего интересен опыт изучения читателей. В первые же годы работы «Посредник» публикует два вопросника для тех, кто распространяет книги в народе. В первом содержались вопросы о том, какие именно книги нравятся и не нравятся читателям, и почему. Второй был связан с новым издательским проектом по выпуску научно-популярных книг и практических пособий, и в нем спрашивалось о том, какие суеверия нуждаются в разъяснении и в каких практических вопросах крестьянам нужна помощь книги. Сведения из обоих вопросников были подытожены в статьях, однако конкретные количественные и качественные данные опубликованы не были.

Первым систематизированным изданием, посвященным не только народному чтению непосредственно, но и отзывам читателей из народа (собственно, по большей части читательниц) о книгах, стал трехтомник Х. Д. Алчевской «Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения» (1884–1906). Христина Даниловна Алчевская в 1862 г. создала женскую воскресную школу в Харькове и сама работала в ней (первые 8 лет — проводя занятия неофициально, у себя дома) [Банк 1969: 71].

Отзывы читателей, приведенные в указателе, собственно отзывами не являются: они получены методом «переспроса» (термин принадлежит Алчевской, а сам метод предложен Н. А. Корфом [Там же: 76]). Метод состоит в следующем: ученица пересказывает содержание книги, далее учительница задает ей вопросы о том, как она поняла текст и каково ее отношение к нему. Помимо таких отчетов о «переспросе» в указатель также входят обширные письменные отзывы, полученные от «грамотных простолюдинов» через сельских учителей, а также доклады и записи бесед с «громких чтений» [Алчевская 1888–1906].

Надо отметить, что в указатель вошла не только (и даже главным образом не) художественная литература. Хотя разделение на художественные и нехудожественные тексты у Алчевской не всегда очевидно: например, в раздел исторической литературы вошли переработки «Юрия Милославского» и «Тараса Бульбы», выдержки из поэмы «Полтава», некоторые тексты Марко Вовчок и пр. [Там же].

Интересно отметить, что, если судить по описаниям «переспросов» и записям сельских учительниц, тексты, непосредственно предназначенные для просвещения и образования крестьян (в частности, «Чем люди живы» Л. Н. Толстого), вызывают больше затруднений при пересказе и опросе, чем то, что учительницы именуют «общей литературой» (например, неадаптированные рассказы из «Записок охотника» Тургенева).

…фабула рассказа была передана ею хорошо; на вопросы же, поставленные мною, она отвечала так:

— Какое первое слово узнал ангел? Молчание.

— Чему улыбнулся ангел в первый раз?

— Он на нее улыбнулся, потому что она ему есть дала, накормила.

— А второй раз чему улыбнулся? — «Узнал своего приятеля, ангела».

— А третье что он узнал? — «Без отца, без матери трудно прожить, оно и можно, да трудно». (22)

<...>

… какое первое слово узнал ангел?

— Узнал, что приняла она его хорошо.

— Ну, что ж из этого?

— Вспомнила про Бога и устрашилась его гнева.

— И какое чувство явилось у нее в сердце?

— Жалко ей стало его.

— Что же узнал при этом ангел?

— Что она его пожалела.

— Какое слово узнал он? — «Первое». (23)

<...>

— Чем люди живы? — спрашивала я, после ряда наводящих вопросов.

— Верою в Бога.

— А какую заповедь завещал нам Иисус Христос, когда был на земле?

— Пятую. Я молчу. Десятую! силится поправиться ученица.

— Нет, вспомните, заповедь эта начинается «возлюби»... Девочка молчит. «Ближнего своего», продолжала я. То же молчание.

— А сколько времени вы были в школе? Спрашиваю я. Четыре года.

— Нет, она была меньше, перебивает учительница, знающая биографию девочки, — и вы не так ставите вопрос: — «что отвечал Иисус Христос фарисею, когда тот спросил его о том, какая главная заповедь»?

Девочка отвечает бойко: «возлюби ближнего своего, как самого себя» [Алчевская 1886: 21–23].

Отчасти, возможно, это происходит потому, что вопросы, которые задавали учительницы, в значительной мере опирались на катехизаторскую практику[28] и требовали либо точного знания текста, либо знания правил,

[28] Ср. «Шерамур» Н. С. Лескова:

— Ко мне раз поп пришел, когда я ребят учу: «Ну, говорит, отвечай, что хранилось в ковчеге завета!» Мальчик говорит: «расцветший жезл Аваронов, чашка с манной кашей и скрыжи».

— «А что на скрыжах?»

— «Заповеди», — и все отвечал. А поп вдруг говорил, говорил о чем-то и спрашивает: «А почему сие важно в-пятых?»

по которым следует отвечать. В частности, вопросы «Какие три слова узнал ангел» или «Чему улыбнулся ангел в первый (второй, третий) раз» не имеют прямого ответа в тексте и своей формой вводят в заблуждение неподготовленного читателя.

Отчеты и «переспросы» нельзя воспринимать как точные и беспристрастные интервью антропологов. Надо иметь в виду, что ученицы, во-первых, знали о том, что их будут спрашивать пересказ текста, а во-вторых, как правило, представляли себе сущность задаваемых вопросов и, возможно, также и верные ответы на них. Все это сказывалось и на самом процессе их чтения, и на том, как и что они отвечали учительницам. Сама Алчевская неоднократно отмечала, что едва ли не самое трудное в такой работе — верно сформулировать вопросы, и часто комментировала вопросники других учителей как менее удачные или подсказывающие читателю нужную мысль: «Не всегда нам удается ставить удачные вопросы, часто мы неумело беремся за это дело, и ученица не в силах взять в толк, чего именно от нее требуют» (цит. по [Банк 1969: 78]).

Из исследований народного читателя нельзя не упомянуть «Этюды о русской читающей публике» Н. А. Рубакина. Эта книга была частично составлена на основе изданного ранее «Опыта программы исследования литературы для народа» (опубл. в «Русском богатстве» №№ 5–6, 1889 г.), в той ее части, что посвящена читателю из народа. Рубакин делит всю русскую читающую публику на привилегированную и народную. Последняя интересовала его больше, это заметно и по тому, что часть о читателе из привилегированных классов составлена главным образом на основе статистических отчетов из библиотек, в то время как часть «народная» содержит письма, очерки, описания отдельных читателей. Впрочем, такой подход вызван и тем, что библиотечной статистики по читателям из народа, как указывал сам автор, немного.

Рубакин считал выделенный им новый тип «книжных людей» или «современных начетчиков» важным, определяющим для дальнейших изменений в обществе, и что именно эти люди в слиянии с интеллигенцией из «командующих классов» окажутся главным ресурсом грядущих перемен.

Рубакин, приводя в начале своей книги библиотечные отчеты, отмечает то, что впоследствии, как было показано выше, изменилось: большинство читателей (в некоторых библиотеках до 95% [Рубакин 1895: 89]) составляют мужчины. Впрочем, там же автор отмечает, что «...в бесплатных народных читальнях, где посетители принадлежат, большею частью, к классам не привилегированным, процент читательниц женщин, по-видимому, выше, чем в библиотеках, которыми почти исключительно пользуются классы привилегированные» [Там же]. Здесь Рубакин ссылается на данные

Мальчонка не знает, и я не знаю: почему сие важно в-пятых. Он говорит: «Детки! вот каков ваш наставник — сам не знает: почему сие важно в-пятых?» Все и стали смеяться [Лесков].

Одесской городской библиотеки (11% женщин) и Одесской бесплатной народной читальни (28% женщин).

Также Рубакин обращает внимание на то, что нужно учитывать не только удовлетворенные, но и неудовлетворенные библиотечные требования, и также принимать во внимание то, сколько «оборотов» совершил один том одного автора (при этом, понятно, классические авторы представлены в библиотеке в большем числе томов). При вводе этих переменных становится очевидно, что классики (Толстой, Гончаров и Шеллер-Михайлов), лидирующие по общему числу требований, отступают и дают место модной беллетристике вроде Каронина, Ольги Шапир и Хрущева-Сокольникова (сведения по Самарской библиотеке) [Рубакин 1895: 128]. Рубакин также признает, что именно беллетристика самого низкого разбора с названиями вроде «Полны руки роз, золота и крови» позволяет привлечь к чтению, дать «привыкнуть к толстой книге» тем, кто получил в лучшем случае начальное образование — конторщикам, торговцам, купцам. Такие романы выполняют, по мнению Рубакина, самую главную задачу — приучить публику к чтению, библиотекарь же должен «...показывать читателю хорошие или лучшие книги всех категорий… а пусть выбирает и пусть идет вперед сам читатель» [Там же: 135]. Однако большинство читателей, как пишет Рубакин, «спрашивают… что-нибудь и берут что-нибудь», читая случайно и бессистемно.

Что касается читателей из народа, то Рубакин справедливо отмечает, что среди образованного класса в целом и издателей в частности царит мнение, будто мужику нужны какие-то особенные, специальные книги. В опровержение этого мнения Рубакин приводит слова одного из своих корреспондентов: «...попадется скучная книга — прочтешь четверть книги и бросишь, а, между тем, лица трубят: им непонятны фразы, они не могут читать книг, предназначенных для общества. Нет, народу нужны не *народные* книги, а *дешевые*, потому что он *бедняк*, а не *дурак*» (курсив в источнике) [Там же: 142]. Другой корреспондент выражал свое мнение о «Бедных людях»: повесть показалась ему скучна, он «...не хотел дальше его читать. Так разве это значит, что я не мог его читать?» [Там же: 143]. Даже к некоторым изданиям «Посредника» читатели из народа относились скептически: «...в посту почитаем, а то больно уж поучительны!» [Там же].

Неоднократно отмечавшееся преобладание во владении у крестьян книг религиозно-нравственного содержания, или, как их называли корреспонденты, «книг божественных» на самом деле мало что говорило о читательских предпочтениях самих крестьян: старшие в семье, от которых зависит приобретение книг, считали, что светские книги «не дают ничего хорошего», а божественные «проливают свет». Вопрос чтения книг при этом не вставал, но зато их берегли, хранили у образов, а светские лежали где придется, их раздаривали, они циркулировали в крестьянской среде, выглядели более затрепанными. Таким образом, «божественные книги» покупали не для чтения, а скорее для владения, сродни покупке товаров престижного потребления, светские же книги читались куда более

активно [Рубакин 1895: 151]. В структуре и практиках чтения книг в деревне Рубакин отмечает еще и такую особенность: книги в библиотеке могут формально брать редко, но оставлять их у себя подолгу — это означает, что книгу передают читать родне и соседям. Таким образом, реальное число читателей всегда будет превышать число учтенных библиотекой запросов.

Среди читателей из деревни Рубакин наибольшее внимание обращает на самоучек, на «интеллигенцию из народа», как он их называет [Там же: 167], стремящуюся к самообразованию. Многие из тех, кому он посвятил очерки, не только читали сами, но и создавали небольшие библиотеки для односельчан и старались применять книги в сельскохозяйственной работе [Там же: 173–174].

Вторая группа, которую выделяет Рубакин — фабричные читатели. Помимо того, что они, по сравнению с крестьянами, больше предпочитают светские книги, Рубакин отмечает большую роль т. н. «вторичной грамотности» (чтения вслух) в их читательских практиках. И крестьяне, и фабричные рабочие почти всегда приобщаются к чтению посредством лубочной литературы, чаще всего называя в качестве первой книги «Бову королевича» и «Еруслана». Также роль такого проводника в мир большой литературы играл «Юрий Милославский» Загоскина (наряду и с его сокращенными изданиями), «Ледяной дом» Лажечникова и «Граф Монте-Кристо» Дюма, а также романы Поль де Кока.

В целом наблюдения Рубакина удивительно совпадают с аналогичными сообщениями из Западной Европы (см. упомянутого выше [Лайонс 2008: 428–434][29]), автоописания европейских рабочих повторяют письма их российских коллег.

В дальнейших своих изысканиях Рубакин был склонен к широким теоретическим обобщениям: после революции он придумал и разработал теорию библиопсихологии. Означавшая поначалу изучение психологии читателя и чтения (здесь можно видеть некий предвестник антропологического подхода), она в итоге превратилась в «общую теорию всего». Позволим себе привести только одну цитату:

> Приурочивать библиопсихологию к библиологии и видеть в ней один из отделов этой последней, тоже неправильно: библиопсихология охватывает библиологию целиком, рассматривая книгу, как явление психологическое. Для библиопсихолога техника набора и печатания книг есть психология набора и наборщика, печатника и типографщика, издателя и издательства, покупателя и продавца, книжного спроса и предложения, циркуляции книг и в пространстве и во времени. Все без исключения отрасли книжного дела библиопсихолог изучает как и библиолог, но не иначе как с психологической стороны... Таким образом, и наука о книжном деле является для библиопсихолога психологией

[29] Мартин Лайонс ссылается, например, на автоописания T. Cooper, The Life of Thomas Cooper, written by Himself, London, 1872; J. J. Bezer, Autobiography of one of the Chartist Rebels of 1848, in: Testaments of Radicalism, London, 1977; W. E. Adams, Memoirs of a Social Atom, London, 1903 и др.

книжного дела и всех его отраслей в их взаимном влиянии, в их функциональной зависимости [Рубакин 1928].

Различия между читателем-рабочим и читателем-крестьянином отмечал также С. Ан-ский (Ш.-З. Раппопорт) в собрании очерков «Народ и книга» (первое издание 1901 г.). Его замечания тем ценнее, что он делал их методом, который антропологи сейчас назвали бы «включенное наблюдение»: он жил среди рабочих и устраивал читки в их среде.

> Пребывая в тех же условиях жизни и труда, что мои слушатели, я нисколько не стеснял их своим присутствием, не мешал им высказываться откровенно и свободно, в свойственных им выражениях как о читаемых книжках, так и об их героях, людях других сословий. Мое личное участие в чтении я старался ограничить до минимума.
> Не задавал вопросов, не давал — по крайней мере, во время самого чтения — никаких объяснений, не вмешивался в рассуждения, не останавливал посторонних разговоров, когда ими прерывалось чтение. Выбор книжек я обыкновенно предоставлял слушателям… [Ан-ский 2017: 55].

Опыт Ан-ского во многом разнится с опытом харьковских учительниц, так как он полагал, что чтение интеллигентных людей отличается от чтения людей простых, в том числе и потому, что учительницы объясняли непонятные места, предваряли чтения комментариями и пр.

Выводы Ан-ского вкратце таковы. Народ делит книжки на три раздела: книги божественные, сказки и книги житейские [Там же]. О «божественных» мы уже писали выше, замечания Ан-ского и Рубакина здесь ни в чем не расходятся.

> В общем, отношение народа к религиозной книжке приблизительно такое же, как к церковной проповеди… он часто считает само чтение религиозной книжки богоугодным и душеспасительным делом, а в книжке видит нечто вроде талисмана, предохраняющего от несчастий [Там же: 61].

Сказками народ, по Ан-скому, называет произведения как фантастические, так и реалистические, которые кажутся ему недостаточно серьезными, не удовлетворяют его требований о пользе практической или моральной [Там же: 62]. Таким образом, в сказки попадают и «Бова Королевич», и «Рокамболь».

Ан-ский отмечает, что произведения Пушкина, Гоголя и Некрасова у читателей как деревенских, так и рудничных не то что не вызвали восторга, а просто не были ими поняты. Тогда он перешел к изданиям «Посредника», и, получив некоторую опору на «фактическую правду», читатели слушали их уже более охотно [Там же: 67]. Однако поначалу они воспринимали описанные в книгах события как легендарное прошлое:

> — Вот как в старину было! Вот какие тогда были сапожники!
> — Теперь таких не найдешь, — подтвердил другой.
> — Давно было, а как складно написано, — проговорил с некоторым удивлением молодой парень. — Все обхождение, как теперь. (речь идет о рассказе «Чем люди живы») [Там же: 69].

Однако реалистические тексты воспринимались как документальные[30], более того, читатели задавали вопросы о том, что случилось потом, жив ли герой, подтверждали, что сами его видели или были с ним знакомы.

> И слушатели принимали все бытовые житейские рассказы за правду, несомненную и истинную во всех своих деталях, и довольно долгое время, пока не уловили истинное значение новой книжки, выдвигали эту фактическую правду как достоинство новой книжки… [Ан-ский 2017: 72].

В отношении непосредственно к самой практике чтения вслух шахтеры, к среде которых отсылает Ан-ский, и крестьяне были неодинаковы. Крестьянина, по словам Ан-ского, мало какая книга могла увлечь по-настоящему, шахтеры же готовы были слушать его до поздней ночи. Это обусловливалось разницей их повседневной жизни прежде всего:

> Крестьянин-домохозяин постоянно находится под гнетом мелких и крупных повседневных хозяйственных и общественных забот, шахтер же в свободное от работы время не имеет никаких забот: ни личных, ни (большей частью) семейных, ни хозяйственных, ни общественных [Там же: 79].

Важное понятие для народного читателя у Ан-ского — «указание». Если в книге «все указывается», то есть в ней прямо говорится о том, как жить, то эта книга заслуживает самых восторженных отзывов[31].

Второй базовый критерий оценки книги — собственная жизнь:

> Слушатели применяли все описываемое к своей жизни. Но в то время, когда тенденцию, поучение они применяли к форме: «Вот как сказано, а мы не исполняем», о бытовых сценах и описаниях они восклицали: «Ну, вот точно как у нас!» То есть, в первом случае они неоспоримым критерием ставили поучение; во втором — свою собственную жизнь, на примере которой критически проверяли написанное.

При этом введение фантастического элемента, в частности, ангела или видения, лишало слушателей возможности судить текст, поскольку он теперь относился к категории «божественных». Если же в книге появлялись бесы или черти, то книгу часто вовсе не хотели читать или слушать[32] [Там же: 133].

> ...если Л. Н. Толстой имел в виду сказочной формой придать своим народным книжкам характер, наиболее привычный народному читателю, то цель его не была достигнута. Присутствие в народной книжке чертей и чертенят оказалось на опыте не только совершенно ненужным, но абсолютно вредным [Там же: 138].

Читатели из народа не умели провести различия между фантастическим и реальным, черти и колдуны для них были такой же действительностью,

---

[30] Интересно соотнести это с практикой исполнения эпоса.

[31] Интересно, что к таким книгам причислялось, например, жизнеописание Сократа.

[32] Н. А. Рубакин также отмечал эту нетерпимость к «чертовщине», добавляя, что некоторые тексты Толстого, написанные специально для народа, тем самым лишались многих читателей.

как плуг и шахта. Особенно неудачно выходило, если на фоне реалистического повествования кто-нибудь из персонажей оказывался святым или ангелом, слушатели «...чувствовали себя… неловко, точно им устроили западню, точно посмеялись над их невежеством». Они теперь не могли судить героев книги прежней меркой, а мнения, высказанные раньше, казались им святотатством.

> Не надо забывать, что читатель из народа искренне верит в истинность всего описываемого, для него появление ангела — факт. И так как он не привык, чтобы подобные факты являлись результатом обыденных дел, то он в большинстве случаев превращал следствие в причину: в святости и чуде он видел не следствие богоугодной жизни, а наоборот: человек совершает хорошие поступки, потому что он святой, потому что ему «указано было» [Ан-ский 2017: 134].

Ан-ский также формулирует некоторые важные вещи о читательском восприятии. В частности, читателю из народа непонятна сама идея художественного творчества, он часто относится к книге как к продукту, сделанному за деньги и ради денег кем-то вроде писаря. Идея художественного вымысла также от него полностью ускользает: читатель, как правило, уверен, что все это где-то подслушано и «списано с жизни», а затем механически перенесено в текст[33] [Там же: 153–159].

Читатель из народа, как правило, не запоминает и заглавия книги: Анский пишет, что многие книги из тех, что он читал, переименовывались («Чем люди живы» — «Про сапожника Семена» «Упустишь огонь — не потушишь» — «Как бабы ссорились» и т. д.). Однако название и оформление книги для читателя очень важно: оно играет самую важную роль в выборе книги.

> Для предварительного определения характера и примерной оценки достоинств какой-нибудь книги или статьи в распоряжении культурного читателя имеется довольно много средств и признаков: имя автора, название книги, оглавление, предисловие, название издательской фирмы или журнала, где напечатана статья, отзывы печати, дата и т. п. Изо всех этих признаков для народного читателя доступен только один: название книжки (иногда еще рекомендация знакомых). Только по этому признаку, по одному или нескольким словам в заголовке книжки да еще по картинке, если она имеется, народному читателю предоставляется определить и характер незнакомой книжки, и ее достоинства [Там же: 163].

Поэтому лубочные издатели определенно выигрывали у того же «Посредника», поскольку знали, как кодифицировать в названии содержание и одновременно привлечь покупателя. Крестьянин же или рабочий, видя незнакомое, не говорящее название, мог отступиться от книжки и попросить что-то знакомое, «про Бову» или «про Францыля», потому что в содержании этого чтения он уже был уверен [Там же: 164].

---

[33] В этой связи интересно, что некоторые крестьяне подозревали, будто сочинитель пользуется фонографом.

1.5.2. Послереволюционные исследования

После революции и Гражданской войны исследование читателей продолжили в общем, те же культурники, или, по крайней мере, люди той же формации (например, Я. Ривлин, много писавший в «Красном библиотекаре» о научных методах изучения читателя, был последователем взглядов Рубакина, а Н. К. Крупская в пору своей учительской деятельности брала книги в частной библиотеке Рубакина). Библиотеки входили в централизованную систему учета и снабжения [Абрамов 1970]. Это дало возможность осуществлять исследования на больших массивах данных и обязать библиотеки и/или читателей эти данные предоставлять. Говоря об отзывах и высказываниях читателей 1920-х гг., нужно иметь в виду, что почти все эти отзывы сопровождались сильным административным давлением и что они принадлежали грамотным людям, которые уже пользовались библиотекой. Сколько-нибудь устойчивых методик изучения читателя к этому времени разработано не было, поэтому исследование велось одновременно с разработкой методологии. Библиотечные методисты первых лет советской власти одновременно изучали, каков читатель и какие книги он предпочитает, причем чаще всего две эти задачи сливались воедино.

Здесь также нужно понимать, что в глазах идеологов нового строя, и, в частности, Ленина, первоочередной задачей было не построение новой культуры пролетариата (как это осмысляли марксисты), а быстрая «заплатка» в виде «культурности» — т. е. обучения пролетария тому, как следует вести себя в современном государстве. Ждать новой культуры было некогда. Надо заметить, что эта подмена «культуры» «культурностью», т. е. стандартами цивилизованного поведения и социальными навыками, сыграет заметную роль в дальнейшей разработке этого понятия уже в поздний советский период [Lovell 2000: 15].

Е. Добренко в своей работе о политэкономии соцреализма идет дальше и говорит о «производстве реальности через ее эстетизацию» [Добренко 2007: 27], т. е. о том, что эстетическое производство формировало все остальные конструкции социализма. Культурное образование пролетария, разумеется, тоже играло свою роль в возведении этих конструкций. Вообще, формирование строя, и в конечном счете пересоздания реальности через эстетику было одним из основных инструментов социализма.

С учетом роли библиотек в просвещении масс советская власть нуждалась в централизованном руководстве при изучении читательских интересов, в выработке единства методов и техники обработки материалов. Этому посвящались многочисленные статьи в главном печатном органе библиотечного дела тех лет — журнале «Красный библиотекарь». В качестве инструмента изучения и работы с читателем предлагались различного рода анкеты (позже заклейменные как «библиотечное маклерство» [Клименко 1928/7; Э. К. 1925/8]), карточки учета читательского интереса, адаптированные для упрощения и механизации такого учета [Банк 1926/1], читательские и библиотекарские дневники. Появились работы, посвященные

важности отзывов в изучении читателя, например, А. Щукина в статье «Изучение читателя по отзывам о книгах» пишет: «Отзыв — кусочек жизни, зафиксированный на клочке бумаги; он отражает и быт, и настроения, и убеждения, не только отношение к книге». В статье предлагается анализировать отзывы путем группировки их по типам, затем они сопоставляются с социально-демографическими характеристиками читателя (ключевым здесь являлся уровень образования) [Щукина 1926/1].

Опыт работы с отзывами (свободными и по вопросникам) появляется в статье Л. Поляковой «К вопросу о методике обработки читательских отзывов» с подзаголовком «Рабочий читатель о “Цементе”» [Полякова 1928/9, 11]. Отзывы автор классифицирует по оценке (положительные, отрицательные, положительно-отрицательные и безоценочные), мотивировке, пожеланиям («читателю, писателю, издателю и советской общественности») и восприятию формы и содержания книги. Затем по каждому элементу классификации делаются выводы с учетом социально-демографических характеристик. Так, мы узнаем, что роман «Цемент» был более популярен у мужчин, чем у женщин, и мужчины писали о нем более эмоциональные отзывы.

Крупный методист-теоретик А. Виленкин разработал методику обработки читательских отзывов, которую реализовал в совместных с Б. Банком работах «Деревенская беднота и библиотека» (1927) и «Крестьянская молодежь и книга» (1928) [Деревенская беднота и библиотека 1927; Крестьянская молодежь и книга 1928]. Он предлагал изучать материалы трех типов:

1. Перечни книг, прочитанные изученными группами читателей;
2. Данные о неудовлетворенном спросе;
3. Отзывы читателей о прочитанных ими книгах.

Кроме отзывов о беллетристике предметом анализа стали также сведения о чтении научно-популярной литературы, литературы на темы политпросвещения и литературы практического назначения (книги по агрономии, ветеринарии и проч.) Эти книги занимают две трети объема исследования, но только около половины от всего, что читали за время исследования крестьяне. Авторы изучают крестьян-бедняков в возрасте от 26 до 35 лет и крестьянскую молодежь (бедняки и середняки) от 16 до 25 лет. Полученные результаты анализируются с точки зрения экономического благосостояния, пола, участия в общественной работе и службы в Красной армии. В исследовании, легшем в основу книги «Деревенская беднота и библиотека», сбор данных осуществлялся по всей бывшей Ленинградской губернии, в 1925–26 гг., в нем участвовало 65% сельских библиотек. Были отобраны формуляры крестьян-бедняков (критерии принадлежности к беднякам не уточняются), беспартийных, в возрасте от 26 до 35 лет. Каждая библиотека была обязана предоставить по 10 читательских формуляров с указанием пола, возраста, образования, отношения к общественной работе и, разумеется, авторов и названий книг, которые крестьянин брал. Наблюдения за каждым формуляром проводились в течение 2 месяцев, всего участвовало 308 читателей-бедняков.

В исследовании «Крестьянская молодежь и книга» участвовали все волостные библиотеки бывшей Ленинградской губернии. От каждой использовалось по 5–7 читательских формуляров крестьян в возрасте от 16 до 23 лет, поровну бедняков и середняков, беспартийных, образование — начальная школа. Наблюдения велись с января по март 1926 г.

Если судить по авторам или названиям книг, то непосредственно отзывов на беллетристику было немного. Банк и Виленкин делят их на мотивированные и немотивированные, группируют их по тематике: о плане содержания, о трудности языка, отзывы социального порядка (приводятся в основном правильные идеологически), отзывы эмоционального порядка, эстетического, этического и сексуального. По двум последним подгруппам отрицательных отзывов (в подгруппе «русские классики» в частности) не было найдено [Крестьянская молодежь и книга 1927: 13].

В обоих исследованиях отдельно выделялся пласт литературы современной, послеоктябрьской, и пласт так называемой «классической», дореволюционной литературы, а также переводная литература. Последняя в «Деревенской бедноте...» не была разделена на периоды, а в «Крестьянской молодежи…» были выделены книги современных и дореволюционных переводных авторов. В целом, по статистическим подсчетам исследователей, среди беллетристики крестьяне явно предпочитали русских современных писателей, в частности, Фурманова, Серафимовича и Неверова («Ташкент — город хлебный»). Большой популярностью также пользовались Джек Лондон и Эптон Синклер.

В отзывах крестьяне выражали свое представление о практической пользе как критерии оценки художественной литературы (ср. такие отзывы: «Дано полезное понятие о февральской революции». «Полезная. Учит, до чего доводит водка». «Полезная. Помещено объяснение непонятных слов и азбука Морзе»), а также о нравственных и моральных ценностях, которые должны определять выбор предмета:

> Зачем это только Горький насильников описал. А так бы хорошо. М. 18 лет.
> (М. Горький, «26 и одна»)

> Много написано порнографии. Не понравилось. Ж. 22 лет.
> Не понравилось. Описывается блуд. М. 18 лет
> Стыдно такие книги читать, печатать и в библиотеку покупать. М. 18 лет.
> (Калинников, «Мощи»)

> Хорошая книжка, но не нравится, что есть похабные места. Ж. 29 лет.
> (Неверов, «В садах»)

Заметим, что все эти отзывы были сделаны на популярную беллетристику своего времени. На встречах с писателями рабочие также выражали свой протест против «похабщины» и «чубаровщины» в современных произведениях [Писатель перед судом рабочего читателя 1928].

Как мы видим из вышесказанного, грамотность, в общем, не принесла новому читателю «культурного освобождения» [Lovell 2000: 14], даже если рассматривать чтение в более узком смысле, мы не увидим, чтобы

читатели воспринимали тексты так, как было, собственно, задумано их авторами — они искали скорее «жизненных указаний», чем чего-либо еще. Но об этом подробнее будет рассказано ниже, в параграфе об исследовании Евгения Добренко «Формовка советского читателя».

Анкеты часто не оправдывали себя, плохо составлялись, библиотекари не успевали работать по запросам исследователей и не видели в этой работе практической пользы. Результат, в итоге, не удовлетворял ни исследовательских, ни идеологических запросов. С началом свертывания НЭПа, изменением политического курса народнический, бесклассовый подход предстал на страницах красной печати аполитичным, оппортунистическим и меньшевистским [Беккер 1933/6; Мазнин 1932/3]. Прежние энтузиасты, ходившие в народ «с аптечками и библиотечками», стоявшие у истоков изучения читателей в России, попали в опалу.

В это крайне неблагоприятное для исследований читательской рецепции время А. М. Топоров издал книгу «Крестьяне о писателях» [Топоров 1930].

Краткая история этой книги такова.

В 1920 году на Алтае бедными крестьянами была создана коммуна «Майское утро». А. М. Топоров работал в ней учителем, но еще до того, с 1915 г. он проводил читки среди крестьян. С точки зрения методологии работы Топоров наследовал Ан-скому и Алчевской — он читал книги крестьянам вслух и затем протоколировал обсуждение.

Собеседниками Топорова были почти неграмотные крестьяне, практически ⅔ владели только начальной грамотой, они могли подписать имя или подсчитать деньги. Книги им главным образом читали вслух[34]. В исследовании Топоров вскрыл тот новый социологический пласт, с которым до него не работали.

Отдельно следует отметить, насколько отличался подбор произведений в первом издании книги Топорова и в последующих, уже послевоенных. В первом издании основная масса обсуждаемых сочинений относилась к современной литературе (это беллетристика, поэзия, отчасти драматургия). Некоторые из обсуждаемых текстов, особенно стихотворных, шли подряд в номерах «Красной нови» или «Сибирских огней» за 1928–29 гг. Можно предположить, что А. М. Топоров читал крестьянам то, на что был подписан сам[35].

В послевоенных изданиях появляется отдельный раздел с обсуждениями Пушкина, занимающий до трети всего объема, включаются и другие классические тексты[36].

---

[34] Сведения приводит сам Топоров в разделе «Характеристики крестьян-коммунаров, участвовавших в обсуждении художественной литературы».

[35] В частности, именно так, по-видимому, в обсуждения попал фрагмент поэмы Пастернака «Спекторский», крестьянам очень не понравившийся: «Калина-малина, куричье говно…», «Пастернак этим стихом казну ограбил».

[36] Издательская история и варианты текстов в книге Топорова — предмет отдельного исследования. Здесь мы не имеем возможности уделить этому место (см. [Топоров 1967]).

Нельзя сказать, что отзывы крестьян, зафиксированные Топоровым, заметно отличались от того, что представляли другие исследования народного чтения. Первые публикации записей Топорова в журнале «Сибирские огни» с обсуждением А. Неверова и Л. Сейфуллиной [Топоров 1927/6, 1928/1–2] были приняты очень хорошо. Но Топоров оказался очень удобной фигурой для идеологической атаки — он был как раз «культурником» старой формации (начал работу с крестьянами еще до революции), декларировал беспристрастность и бесклассовость. *Топоровщину* заклеймили в печати и заодно предали анафеме все социологические методы в изучении читателя. Разумеется, книга «Крестьяне о писателях» не была, в строго историческом смысле, последним опытом социологических исследований читателя, но именно официальная борьба с ней довершила уже начатую кампанию по централизации литературного пространства как сверху, так и снизу. Книга Топорова была включена Главлитом в «Аннотированные списки политически вредных книг, подлежащих изъятию из библиотек и книготорговой сети». В СССР на место изучения читателя пришло управление читателем. Следующие попытки появятся только около 1970-х гг.

1.5.3. Синхронные исследования читателей в 1960-е – 80-е гг.

Начиная этот раздел, мы должны отдельно подчеркнуть то, о чем упомянули еще во Введении: чтение в Советском союзе было исполнено социального символизма, что неудивительно, если учесть то, как это чтение пришло к большинству людей — достижение умения читать, читать *хорошо*, увлекаться чтением играло роль социального разграничителя [Lovell 2000: 21], можно даже сказать более резко — социального лифта. И, разумеется, именно чтение стало эмблемой и передатчиком советского концепта *культурности* [Там же].

Не в последнюю очередь это происходило и потому, что из взаимоотношений читателя с книгой был вытеснен рынок — более того, вся риторика вокруг книг имела ярко выраженный анти-рыночный пафос. Демистификация чтения при помощи действий рынка, пишет Стивен Ловелл, была невозможна. Зато таким образом советскому народу, в силу того, что он «самый читающий народ в мире», можно было приписать особую духовность или, по крайней мере, душевную тонкость и возвышенность.

Если мы на минуту обратимся к Полю Бурдье и его концепции поля культурного производства, мы обнаружим там понятие *middlebrow culture*, ориентированной на буржуазного образованного читателя и определяющей самое себя через этого читателя (это обоюдный процесс). Так вот, большим достижением советской культуры было то, что она заполнила собой разрыв между советским читателем и новой культурой, создав

монолитную *middlebrow culture*, соединявшую буржуазные ценности[37] с устойчивостью больших тиражей, свойственных западной массовой культуре. При этом, если в буржуазной культуре, по Бурдье, поле культурного производства противопоставляет себя полю власти, хотя и находится внутри него: что престижно с точки зрения искусства, не всегда экономически успешно [Bourdieu 1993]. Советская культура была полностью лишена этого антагонизма.

Здесь также имеет смысл указать, что советская эстетическая теория была частью соцреализма, а не его метаописанием [Гройс 1993: 13–14]. Это указывает нам, что культурное производство не просто производит эстетические смыслы, но занимается легитимацией властных позиций и само является их частью[38]. Это отличает советскую культурную ситуацию как эпохи позднего социализма, так и более раннего времени, от культурной ситуации, описываемой, допустим, Бурдье.

Повторим здесь, опять же, что, рассматривая исследования читателя в СССР, надо иметь в виду некоторые пресуппозиции. Первая состоит в том, что культура в СССР была полностью противопоставлена рынку. Вторая — в том, что советская культура противопоставляла себя западной, во-первых, по параметру «объединенность — разобщенность» (в этом смысле социалистический реализм как общий гомогенный стиль был большим достижением) и по параметру «сила» (т. е. способность на большие изменения рывками, «большие скачки») — «слабость» (в западной культуре аналогичные процессы если и происходили, то незапланированно, медленно и вяло). Третья вытекает из второй: у советского читателя единый голос, и он объединяет в себе *интеллигенцию* и *народ*, сняв тем самым многолетнее социальное напряжение, существовавшее в русской культуре [Lovell 2000: 39]. Правда, надо иметь в виду, что последняя пресуппозиция существовала скорее в виде долженствования, чем объективной реальности.

Советский читатель и советское «поле литературы» (за неимением лучшего, обозначим континуум издателей, авторов, библиотекарей и идеологов этим термином) взаимно обуславливали друг друга: советское книгоиздание производило книги для советского читателя, а вкус советского читателя формировался выбором этих книг. Причем выбор книг был весьма ограничен — просто в силу того, что не все из издаваемого вообще можно было читать, и литературный канон позднесоветского читателя был невелик, но весьма устойчив: он держался приблизительно до начала 90-х гг., если судить, например, по публикуемым «Книжным обозрением» спискам вроде «100 лучших книг»[39] — там по-прежнему доминируют Дюма, Пикуль и тому подобные авторы, а также книги, издававшиеся

---

[37] Это в некоторой мере подтверждается исследованиями материальной культуры «среднего класса» в Советском союзе после войны, например, [Dunham 1990].

[38] Речь может идти даже о подмене, как это отмечает [Добренко 2019].

[39] См. [100 лучших книг 1991]. Также [Левада, Голов 1990].

в т. н. «макулатурной серии». Из этого следует, что большую часть чтения советского человека составляла художественная литература, и это же показывают количественные исследования, в частности, [Дубин 1990] — 62% библиотечных фондов составляла художественная литература.

Помимо большого исследования библиотеки имени Ленина, вышедшего в 1968 г. под названием «Советский читатель», необходимо упомянуть еще несколько работ, в частности: «Книга и чтение в жизни небольших городов» (В. Д. Стельмах, Беляева) на материале г. Острогожска, сборник статей и эссе «Литература и социология».

Большое лонгитюдное исследование «Советский читатель», вышедшее в 1968 г., базировалось на материалах 168 библиотек из 33 областей и Советского союза. Всего было исследовано 700 рабочих, столько же инженерно-технических работников, 400 преподавателей-естественников, 500 преподавателей-словесников, 1000 старшеклассников, 800 студентов и 2000 селян. Современники отмечали, что такое разделение численности социальных групп не отвечало их реальному распределению в обществе, к тому же детское чтение, к примеру, не исследовалось совсем.

Было получено, помимо других материалов, 6000 анкет, и основные выводы базировались в основном на анкетных вопросах вроде «Интересуетесь ли вы художественной литературой». Положительный ответ на этот вопрос дали 98% рабочих и столько же инженерно-технических работников, но такая монолитность данных исследователей не смутила.

Большая часть раздела о чтении рабочих инженеров (первая глава исследования) посвящена чтению специальной, профессиональной и научно-популярной литературы, в частности, тому, как соотносится ее чтение с уровнем образования и сложностью профессиональных навыков. В разделе о чтении художественной литературы указано, что наибольшей популярностью пользуется «близкая и понятная всем» советская литература. Несколько уступает ей дореволюционная отечественная. В остальном популярность различных авторов среди рабочих, инженеров и техников выглядит так (приводим первые три пункта):

Дореволюционная отечественная литература — Л. Толстой, Пушкин, Чехов;

Советские писатели: Шолохов, Лацис, Горький;

Классики зарубежной литературы: Драйзер, Лондон, Золя;

Современные зарубежные писатели: Ремарк, Хемингуэй, Кьюсак;

[Советский читатель 1968: 97].

Разумеется, есть пул постоянно повторяющихся имен (15–20), за их пределами идет большой разброс, 60 имен упоминаются только 1–2 раза [Там же]. Читатели-рабочие часто затрудняются ответить на вопрос, чем нравится тот или иной автор, не запоминают названий книг. Часто называют в числе прочитанных книги вроде «Кавалер Золотой Звезды» или «Замужество Татьяны Беловой». В числе лучших — трилогия К. Симонова, «Брестская крепость» С. Смирнова, «Дорогой мой человек» и «Я отвечаю за все» Ю. Германа, «Битва в пути» Веры Пановой, из зарубежных —

«Жаркое лето в Берлине» Д. Кьюсак, «Приключения Вернера Хольта» Д. Нолля. Среди поэтов чаще всего отмечали Есенина и классиков школьного канона — Пушкина и Лермонтова, также Рождественского и Евтушенко. В целом исследователи отмечают, что круг чтения рабочих и инженеров отличается незначительно.

Среди молодых жителей села имеется ожидаемый спад в чтении, вплоть до 1–2 книг в год, более заметный среди женщин возраста 20–24 года. С другой стороны, среди мужчин старше 60 лет чтение явно идет на подъем, в связи с выходом на пенсию или переходом на легкий труд [Советский читатель 1968: 121–122]. Первое место среди писателей на селе занимает Шолохов, за ним следуют Симонов и Н. Островский. Вилиса Лациса, Олеся Гончара и Чингиза Айтматова читают почти исключительно в их родных республиках. Интересно отметить, что в латышских селах гораздо больше читают зарубежной литературы, чем на русскоязычной территории, где зарубежные авторы не пользуются популярностью, в особенности, современные. Разумеется, на популярность книг, на спрос сильно влияют экранизации — «Верьте мне, люди», «Человек-амфибия», «Балтийское небо». Сельский электрик даже отметил, что фильм «Идиот» помог ему лучше понять роман [Там же: 154].

В отдельную группу выделены сельские учителя: в подгруппе учителей-естественников и математиков, как и ожидалось, высок интерес к профессиональной и научно-популярной литературе, а также чуть выше интерес к литературе зарубежной. Учителя-словесники мало читают современной литературы, не интересуются литературной критикой, литературу по программе перечитывают редко.

У сельских школьников, в отличие от взрослых, в тройку лидеров входит «Иду на грозу» Гранина. Среди любимых зарубежных авторов у них Войнич, Жюль Верн, Жорж Санд и Гюго (два последних представлены романами «Консуэло» и «Отверженные»). Многие книги рекомендованы учителями, иногда они составляют весь круг чтения.

У школьников городских (в исследование вошли только старшеклассники) есть разрыв между декларируемым интересом к общественно-политической литературе и реальным спросом на нее. В целом ее скорее брали для подготовки докладов и выполнения школьных заданий. Такой же разрыв есть, как ни странно, между интересом к космической теме и спросе на книги о ней. Вероятно, делают вывод авторы, это происходит потому, что интерес удовлетворяется периодикой. Хотя в целом научно-популярная литература пользуется большим спросом (в частности, «Теорию относительности для миллионов» Мартина Гарднера читают не только школьники, но и рабочие).

Среди художественной литературы любимым автором все так же остается Шолохов, следующий за ним Н. Островский заметно отстает. Как любимое чаще всего называется произведение, прочитанное последним. Как и следовало ожидать, интерес вызывает научная фантастика и приключенческая литература (в том числе, например, Лев Шейнин).

Те, кто хочет стать врачом или учителем, а также летчиком или моряком, часто выбирают художественные книги об этой профессии.

Студенты, напротив, читают много дореволюционной классики, точнее сказать, перечитывают ее после школы, но переосмысляют заново. Вот отзыв студентки первого курса МГПУ: «...я поняла, что эти герои могут жить рядом со мной, что их судьба может быть и моей судьбой. Вот тогда-то я начала читать эти произведения по-настоящему, а не как обязательный школьный минимум».

«Если раньше основным для меня был сюжет книги, его занимательность, то сейчас — мысли, психология, философия героев, а значит и автора. Классика, которую «проходили» в школе, воспринимается сейчас иначе» (студентка 5 курса МАИ) [Советский читатель 1968: 257–258]. Второстепенных авторов и произведений в картотеках почти нет.

Естественным образом пользуется спросом литература о молодежи, в том числе и зарубежная («рабочий роман» активно переводился в СССР). Также студенты любят стихи, и после логичных для времени исследования Есенина, Евтушенко, Маяковского и Рождественского следует Шекспир, и только за ним уже Блок.

Последняя часть исследования называется «Изучение читательских интересов — основа руководства чтением». Это очень характерный подход: читательские интересы выясняют только в практических целях, а чтение непременно нуждается во внешнем нормирующем управлении. В целом эта часть резюмирует приведенные данные и выносит рекомендации о том, как библиотеке следует управлять чтением и направлять читателя.

Исследование «Книга и чтение в жизни небольших городов», проведенное на базе города Острогожска Воронежской области, значительно интереснее. Оно проводилось методом включенного наблюдения: исследователи год жили в Острогожске и собирали материал. Исследованы были не только абоненты библиотек, но вообще все потенциальные читатели города, от каждой группы читателей (за исключением детей до 8 лет) было отобрано 10% с соблюдением пропорции пола, возраста, образования и проч., изучение проводилось путем трехкратного качественного интервью. Интересный подход к определению того, насколько активен читатель: исследователи задавали вопрос «Что вы читаете сегодня?» и уточняли, какую книгу опрашиваемый прочел последней и что собирается читать в будущем. Если читатель мог ответить на все три вопроса, его считали активным, если отвечал только на вопросы о том, что он прочел последним и что читает сейчас — малоактивным, и если только на вопрос «что вы читаете сейчас?» — пассивным.

В главе о чтении художественной литературы взрослыми приводится интересная типология читателей (автор В. Д. Стельмах): первая, наиболее многочисленная группа (58%) — это люди постоянно читающие и знающие, что им нравится (другой вопрос, что их предпочтения в основном жанрово-тематические). Вторая группа (20%) также имеет свои предпочтения, но они не направляют чтение, оно случайно и бессистемно, основная

опора — общественное мнение и советы. Третья группа (11%) — случайные потребители книг, не имеющие навыка отбора и довольствующиеся тем, что случайно попадется под руку. Они, как правило, не запоминают ни названий, ни авторов прочитанных книг. Последняя группа, также 11%, свободно выбирает книги, действуя при этом абсолютно самостоятельно, интересуется творчеством конкретных авторов, занимает активную позицию при выборе чтения — например, выписывает издания по каталогам. Этой группе свойственно многообразие мотивов чтения и его многоплановость. Практически только эта группа читает зарубежных авторов, а также любит перечитывать книги [Книга и чтение 1973: 97].

Самыми популярными в небольших городах оказались, во-первых, экранизированные романы (от «Войны и мира» до «Угрюм-реки»), которые читали с целью «разобраться»: «Я не поняла всего в картине, разобраться хочу: кто ведет войну, что за Бородинское сражение. В книге лучше, а там не поймешь» (рабочая, неполное средне бе образование) — или нежелание прощаться с полюбившимися героями: «Там очень хорошие герои играют, особенно о Наташе побольше узнать хочется, так как после кино есть какие-то неувязки» (рабочая, неполное среднее образование) [Там же: 77].

Вторая группа — произведения, опубликованные в «Роман-газете». Это издание было самым удобным поставщиком массового чтения и имело громадную популярность в подписке. Вместе с тем подбор публикуемых книг был весьма специфичен: основное место уделялось писателям, работавшим в жанре социалистического реализма, деревенщикам и почвенникам (в частности, примерно в описываемый период опубликованы Проскурин и Астафьев), однако раз в год в одном из номеров выходил переводной роман или сборник рассказов.

В третью группу вошли произведения, объединить которые под единым наименованием авторам не удалось. Туда вошли, например, «Петр I» Алексея Толстого и «Бардадым — король черной масти» В. Кораблина, воронежского автора, чем, видимо, и обусловлена его популярность. Также упомянуты «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», роман из разряда милицейских «Суд идет». Этот разброс позволяет авторам исследования перейти к вопросу, а не советскую ли литературу главным образом читают жители Острогожска? И это верно, более того, приводятся высказывания вроде таких: «Чему может научить капитализм? А каждая наша книга чему-то учит», «Понятия о жизни у зарубежных авторов нам чужды!», «...не люблю всяких там нерусских названий. Слова попадаются, которых не поймешь. Да и имена у них трудные — 5 минут на имя» [Там же: 79].

Одним из важнейших критериев для читателей из Острогожска является тематическая и жанровая принадлежность книги, т. е. запрос формулируется как «Что-нибудь про войну», «Люблю про шпионов» и пр. Во время опросов назвали главным образом исторические и то, что обозначено как «историко-революционные» романы, детективы (т. е. то, что под этим подразумевалось в советской литературной системе — роман о милиции), произведения о Великой отечественной войне с приключенческим сюжетом

и без него. Учитывая год проведения исследования, надо иметь в виду, что «книги о войне» для значительной части опрашиваемых репрезентировали реальный жизненный опыт. Даже самые активные читатели, читающие без перерыва, имели приверженность к подобному жанрово-тематическому комплексу.

В исследовании приводится много сведений о детском чтении, подросткам и юношеству уделено относительно меньше места, но сделаны интересные наблюдения над мотивами чтения этих двух групп. Чтение подростков отличается от чтения юношества, по мнению исследователей, тем, что первых больше интересует сюжет и интрига, вторых — «...пласт действительности, который лег в основу литературного произведения» [Книга и чтение 1973: 139]. С другой стороны, те и другие, выдвигая как важный критерий жизненность и правдивость текста, жизненность понимают как близость их собственному опыту, а правдивость — как откровенность в описании [Там же]. Интересно, что к лирике учащиеся (имеется в виду — учащиеся средних специальных и высших учебных заведений) довольно глухи, их мало интересует художественная форма, гораздо больше места занимает все та же правдивость, поучительность, «ясный и конкретный ответ на волнующие вопросы» [Там же: 142]. При этом более младшие дети обращают внимание на ритм, рифму, другие особенности формы. Интересно, что они и реально читают больше стихов, чем указывают их как желаемое чтение[40].

Чтению детей и младших подростков посвящен отдельный раздел. В нем особенно ярко заметны два направления. Первое — это нормативность подхода.

Исследователи в первую очередь исходят из того, что нормативно, и как это можно было бы исправить — как, например, в случае, когда выяснилось, что средства аудиовизуальной коммуникации занимают слишком малое место в руководстве чтением, они не просто зафиксировали этот факт, не стали искать причин того, почему жители города (в том числе дети) не слушают и не смотрят передачи о книгах — они стали сами проводить такие передачи и искать пути улучшения взаимодействия в этой сфере [Там же: 170]. Нечто подобное произошло с тем фактом, что дети и младшие подростки читают слишком много книг, по мнению самих исследователей и экспертов, предназначенных для взрослых. Этот факт расценивался как «недопустимый» [Там же: 191] и нуждающийся в корректировке.

Второе — это разрыв между запросами детей, как их зафиксировали исследователи, и их реальным чтением. Например, исследователи отметили, что «лучшую детскую книгу» читает меньшая часть детей, современную зарубежную и классическую литературную сказку вообще называют редко (Кэрролл и Лагерлеф в опросах не упомянуты ни разу, Милн — один раз), из литературных сказок дети называют трилогию о Незнайке

[40] Вероятно, это связано с большим количеством разнообразных стихов в учебниках вроде «Родной речи».

и «В стране невыученных уроков» [Книга и чтение 1973: 201]. С другой стороны, уже в возрасте 10–11 лет дети выражают желание читать «о жизни взрослых», а непропорционально большое место т. н. «книги о войне» занимают как субститут приключенческой литературы и, вероятно, литературы ужасов[41]. Авторы делают вывод, что «реальное чтение не соответствует их [школьников] читательским запросам и потребностям» [Там же: 197–204]. Вместе с тем они указывают, что «идти на поводу у детского восприятия» недопустимо, необходимо воспитывать это восприятие таким образом, чтобы юный читатель учился находить в «книгах разной идейно-художественной проблематики нечто ценное, обогащающее их духовно» [Там же: 216].

Дети 8–9 лет больше ориентируются на смешное, на художественную деталь, на совпадение с их личным жизненным опытом, у младших подростков (10–11 лет) последний критерий переходит в широкую оценку многих качеств книги по принципу «правдоподобия». Этот наивно-реалистический подход затем может сохраняться на протяжении всей жизни. Появление же значимости того, что авторы назвали «идейной стороной произведения», они же сами объясняют тем, что дети в этом возрасте усваивают схему анализа произведения через вопрос «Чему учит эта книга?». И такой подход к анализу также остается надолго.

Дети в небольших городах хорошо осведомлены о вышедших книгах о войне, даже если те издавались областными издательствами, но современная детская литература им попросту неизвестна, ни научно-фантастическая, ни литературная сказка. Зато они жадно хватают любую книгу «о войне», в том числе и мемуары, и очерки (например, «Битва за Сталинград», «Дорога через фронт. Записки партизана»). Авторы приходят к выводу, что именно такие книги попадают в ожидания детей, соответствуют «ожидаемым воздействиям» [Там же: 218]. Точно так же этим «ожидаемым воздействиям соответствует литература о пионерах-героях и книги историко-революционной тематики [Там же: 222].

Авторы исследования также обратили внимание на то, что в детской среде образуются спонтанные читательские сообщества, основанные, во-первых, на обмене книгами, которые трудно достать в библиотеке (например, романы Дюма), а во-вторых, на авторитете главного книгочея и рассказчика. Такие авторитетные фигуры часто формируют «моду на книгу» внутри класса или иного сообщества. Из этого делается вывод, что педагогам и родителям надлежит «тонко управлять через лидеров «модой» на книгу». В то же время учителя часто рекомендуют детям «недопустимые» по возрасту взрослые книги (например, Василя Быкова).

---

[41] Это, возможно, слишком смелое обобщение отчасти подтверждается записью самих исследователей: 10-летний мальчик, найдя книгу на стеллаже, прочел в ней «Немцы разрушили дом» и сразу же взял ее. Впрочем, книга оказалась вовсе не о войне [Книга и чтение 1973: 193].

В сборнике «Литература и социология» 1977 года имеются две статьи, затрагивающие интересующую нас тему. Во-первых, статья Ю. А. Андреева «По земле вологодской», где в эссеистической форме, в частности, приводятся сведения о популярности тех или иных книг в библиотеках Вологодской области. Резюмируя, можно сказать, что читатели более всего интересовались большими советскими эпопеями («Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», «Щит и меч», «Живые и мертвые», «Даурия», «Блокада» и т. п.), советскими романами («Рассудите нас, люди», «Угрюм-река», «Большая родня»), а также некоторыми историческими, фантастическими и милицейскими романами («Сержант милиции»)[42].

Кроме того, в этом сборнике содержится небезынтересная статья «Типы восприятия художественной литературы», в которой исследовательница Л. И. Беляева попыталась классифицировать читателей по способу чтения и восприятия книги.

Исследование было проведено методом качественного интервью (довольно большого охвата — всего их было проведено 246), однако сама реализация более походит на старый опыт харьковских учительниц — слегка модифицированный переспрос. Выбор книг для обсуждения своеобразный: две повести Айтматова — «Тополек мой в красной косынке» и «Джамиля», первая книга эпопеи Чаковского «Блокада», повесть Казакевича «Звезда» и рассказ «Игра с тенью» из сборника рассказов о милиции.

Такой странный набор, видимо, должен был уже на этапе выбора текста заострить различия между типами читателей. Всего их получилось 6 — от 1, воспринимающего текст «целостно, полно и художественно адекватно», до 6, воспринимающего только отдельные фрагменты текста и не способного сколько-нибудь связно выразить свои мысли и ощущения. Также выделялось два полярных типа — с преимущественно эмоциональным восприятием и преимущественно фактическим (второму типу, как легко понять, была предложена «Блокада»).

С учетом методики не очень ясно, насколько восприятие было обусловлено текстом, а насколько собственно кондициями читателя. Разграничение типов происходит чуть более наглядно, интервьюируемые читали один и тот же текст, например, Айтматова, но сравнивать жанровый рассказ и соцреалистическую эпопею не представляется возможным.

Все эти и предшествующие им работы, а также не упомянутые в этом кратком очерке, объединяло отношение к чтению как к важной жизне- и смыслообразующей деятельности. Чтение от нечего делать, случайный выбор книг, отсутствие интереса к чтению как таковому оценивались как явления отрицательные.

Второй, возможно, даже более важный для нашего исследования фактор, заключается в следующем: говоря о чтении, мы по умолчанию подразумеваем чтение художественной литературы. Но большинство исследований советского периода были посвящены в основном чтению литературы

[42] Интересно, что по большей части этих книг были сняты телесериалы.

профессиональной, общественно-политической и пр., художественная литература рассматривалась лишь в одном ряду с ними, но не как превалирующий жанр. И, исходя из нормативного подхода, исследователи закономерно отмечали слабый, недостаточный интерес к общественно-политической, например, литературе и искали возможности его повысить. Все это складывалось в общее отношение к чтению как к работе[43], а не к хобби и не к отдыху. Процесс чтения выливался в процесс работы над собой[44].

1.5.4. Диахронные исследования в российской традиции

Из диахронных исторических исследований нельзя не отметить монографию А. И. Рейтблата «От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века». Историческое измерение этой работы для нас особенно ценно тем, что в нем приводится огромное количество данных о народном чтении в описываемый период, в частности, весьма интересна динамика чтения газет во время войн:

> Так, росту интереса к газете в деревне послужила Русско-турецкая война 1878–1879 гг. (следует отметить, что война вообще всегда усиливала в России интерес к газетам). По свидетельству современного наблюдателя, «газетное дело процветало в последнюю войну, и главными виновниками процветания были крестьяне, которые тогда во множестве становились чтецами и даже подписчиками газет»… Тем не менее, крестьяне медленно приобщались к чтению газет. В конце 1880-х гг. житель одного из сел Воронежской губернии сообщал, что «газеты и журналы местные крестьяне видели издали и имеют о них такое понятие — что «они с картинками, на больших листах», что в них «про войну пишут», о чем нередко и любопытствуют» [Рейтблат 2009: 127–128].

Важно заметить, что эта «малая пресса» для низового читателя — специфические «иллюстрированные листки» — часто содержала в себе беллетристику, в отличие от «большой прессы», и даже сформировала некоторые жанры — в частности, уголовный роман с продолжением.

> В низовой прессе художественная литература присутствовала практически в каждом номере и являлась одним из основных разделов газеты. Для читателей этих изданий она обычно являлась единственным доступным видом литературы, поскольку книги и журналы были дороги, сравнительно высокой была плата за пользование библиотеками для чтения и публичными библиотеками, да и подходящих по уровню изложения книг не хватало. Характерно, что в солидной газетной прессе публиковались обзоры журналов и рецензии на книги (то есть предполагалось, что их читатели обращаются к этим видам изданий), в «малой» же прессе подобные рубрики отсутствовали. Зато здесь культивировались такие газетные жанры, как «роман с продолжением», репортаж

[43] Здесь интересно отметить название статьи В. Ф. Асмуса «Чтение как труд и творчество».

[44] Это поддерживали и сочинения агиографического толка о Ленине, например.

о пожаре, «сценка с натуры», юмористические «мелочи» и т. п. [Рейтблат 2009: 127–128].

Отдельный интерес для нас представляет глава о земских библиотеках: в ней дается довольно широкий очерк читательских предпочтений и роли библиотек в их удовлетворении. А. И. Рейтблат пишет, что земские библиотеки самим фондом «отсекали» часть читателей, в частности, пожилых крестьян, для которых в таких библиотеках не находилось интересного чтения, да и само заведение представлялось им сомнительным. С другой стороны, читателям лубочной литературы предлагаемые книги казались слишком нравоучительными. Третий факт — страх перед книжным знанием как перед новым и чуждым, к тому же нацеленным на ухудшение жизни крестьянина:

> «ничего нет для народа полезного в книгах, только нарушают (то есть портят, развращают. — А. Р.)». По отзывам библиотекарей, такие крестьяне «держатся старой привычки. Если что-нибудь расскажешь про новое, то и говорят, что старое не рони, а вновь не заводи», «читаешь ему газету или книжку, а он только и твердит, что это выдумало земство, да на нас натягивают большую подать» [Рейтблат 2009: 181].

Интересно, что в характеристике читательской аудитории начала XX века отмечается интерес к leisure reading:

> Сельский учитель, исполнявший одновременно обязанности библиотекаря, так характеризовал читателей: «Можно заохотить крестьян к чтению только книгами легкого содержания, ибо у многих, особенно у молодых крестьян, сложился такой взгляд на книгу, что она в свободное время должна доставлять удовольствие…» [Там же].

Земская библиотека и школа, пишет А. И. Рейтблат, были для деревни практически единственным источником нового (мы бы сказали — модерного) мировоззрения, однако трудность состояла в том, что, получив некоторое начальное образование, выпускники таких школ либо возвращались к привычному им миру, переставали читать и утрачивали усвоенные знания, либо продолжали читать и оказывались в изоляции. Именно эта последняя часть в основном и обращалась к библиотеке как к источнику «новой» (а не старинной — «божественной» или лубочной) книги.

Впрочем, запросы на религиозно-нравственную литературу по-прежнему составляли от трети до половины всех требований, а составляли они меньшинство фонда, поэтому крестьяне, заинтересованные в такого рода чтении, быстро прочитывали имеющиеся книги и более в библиотеку не заходили.

А. И. Рейтблат приводит данные Московского статистического сборника за 1884 г. о круге чтения крестьян, пользовавшихся земскими библиотеками:

> Из книг религиозного содержания с наибольшим интересом читаются жития святых и описания монастырей; из книг исторического содержания отмечены как наиболее читающиеся: рассказы Петрушевского про старое время на Руси,

> рассказы о Петре Великом, о Владимире Святом, о Суворове и разные исторические повести и рассказы, в числе которых и рассказы военные. Из поэтических произведений наших классических писателей указываются: повести и рассказы Григоровича, «Тарас Бульба» и «Вечера на хуторе» Гоголя, «Капитанская дочка» и сказки Пушкина, «Князь Серебряный» А. Толстого, все рассказы графа Л. Н. Толстого («Бог правду любит», «Чем люди живы», «Из Ясной Поляны» и пр.; «рассказы Л. Н. Толстого читаются крестьянами всех возрастов нарасхват», — сообщают некоторые преподаватели), стихотворения Кольцова и Некрасова» [Рейтблат 2009: 185].

Как мы видим, эти данные не совсем соответствуют непосредственным наблюдениям Алчевской и Ан-ского, к тому же неизвестно, имелись ли в библиотеках лубочные книги и авантюрные романы — возможно, если б имелись, крестьяне проявили бы к ним интерес.

Однако, говоря о фондах земских библиотек, нельзя забывать, что их наполнение весьма жестко регулировалось, особенно с 1890 г., когда был выпущен специальный каталог книг для бесплатных народных читален, и все прочие издания в них были запрещены.

Отметим также небольшую статью А. Вдовина и Р. Лейбова *What and How Russian Did the Pupils Read in the Russian School*, *1840–1917* [Leibov, Vdovin 2020], где, помимо сведений и круге чтения школьников в описываемый широкий период, приводится интересное наблюдение о стихийных кружках и сообществах читателей, где обменивались актуальной и/или популярной литературой, а также обсуждали ее. Вероятно, такого рода сообщества наследуют кружковой традиции 1840–1860-х гг., но их основная направленность была все же не общественно-политической.

1.5.4.1. «Формовка советского читателя»

Большая работа Евгения Добренко «Формовка советского читателя» полностью посвящена нашей теме и является, пожалуй, лучшим ретроспективным исследованием читателя 20-х годов. Не отвлекаясь на примеры из источников, в изобилии приведенные выше, попытаемся резюмировать то, как Добренко понимает формирование советского читателя.

> Советский читатель, зритель, слушатель — не просто реципиент (или в западном смысле — «потребитель книг»). Согласно «общественно-преобразующей» доктрине, лежащей в основании соцреализма, он — объект преобразования, формовки [Добренко 1997: 11].

Зарубежная рецептивная эстетика постулировала неисчерпаемость художественного произведения, в то время как советская утверждала, что «произведение искусства содержит в себе некий объективный смысл» [Там же: 24]. Определять, какие толкования этого смысла верны, а какие нет, должна художественная критика.

Если речь сначала шла о самодеятельной художественной критике (в частности, так было создано движение рабкоров), то позже «указание целей»

было полностью делегировано критике профессиональной, становящейся «полномочным представителем публики» [Добренко 1997: 25] и отвечавшей за обратную связь с автором.

> От социологического исследования читателя в 1920-е годы, когда утверждалась эгалитарная модель критического суждения, и безусловный приоритет отдавался «мнению читателя», советская эстетика пришла к доктрине постоянного усиления статуса критики, которая является «проводником мнения народного» и одновременно «воспитателем» [Там же].

Главным здесь было то, что вся рецептивная деятельность переводилась в зависимость от «эстетического воспитания», находящегося под контролем государства [Там же: 26].

> Между тем, все потенции советской культуры были направлены на то, чтобы редуцировать горизонт литературных ожиданий к горизонту ожиданий жизненной практики и тем самым сузить пространство социального поведения, не порождать, но, напротив, атрофировать новые притязания читателя [Там же: 27].

20-е годы — это время появления нового реципиента благодаря борьбе с неграмотностью, в условиях социальной неопределенности, исчезновения привычных структур логично было обращаться к книге как к источнику информации. С другой стороны, этот новый реципиент мало отличался от прежних читающих крестьян и рабочих, что культурники старой, земской формации, из которых и состояло новое библиотековедение, отлично понимали.

Изучение читателя, мощно вознесшееся в 1920-е годы, было резко свернуто в середине 30-х гг, тогда же была закрыта и вся статистика по реальным читателям [Там же: 31].

Советская эстетическая система видела в читателе не объект изучения, а объект воздействия — «переделки», «перековки». Именно поэтому в рамках советской эстетики не была сформирована своя теория чтения — практические методики были куда важнее.

Библиотекарь должен был вести протоколы бесед с читателями, разными способами провоцировать их давать письменные отзывы, составлять досье на читателей, по возможности контролировать их чтение, с тем, чтобы «построить общий план работы, так, чтобы были захвачены все группы читателей… подлежащие изучению» [Там же: 37]. Неудивительно, что читателям это не нравилось, поэтому во многих материалах отмечалась их пассивность [Там же].

> Столь низкий процент читаемости научной литературы, из которой на «обществоведение приходилось только 32% (от 20–30% общего спроса), объяснялся своеобразно: «Процент читаемости общественно-политической литературы у нас чрезвычайно ничтожен, и это заставляет нас бить тревогу. Было бы гнусной клеветой на рабочих, если бы могли думать, что рабочий читатель не хочет

читать этих книг. Дело в том, что мы ему не подаем эту литературу как следует, в этом — основной вопрос»[45] [Добренко 1997: 54].

Несмотря на то, что «социально ценный читатель» постулировался как развитый, ищущий знаний и проч., библиотечные опросы показывали, что по большей части он читает ради отдыха (особенно если учесть, что вопросы подталкивали респондента не в сторону анализа мотивов чтения, а в сторону ответа «для чего нужно читать») [Там же].

Воспоминание о дореволюционной профсоюзной библиотеке как политическом клубе ушло в прошлое. Из современных пролетарских авторов спрашивали только отдельные романы, зато спрашивали много (только «Цемент» у Гладкова, только «Железный поток» у Серафимовича и пр.). Много читали и «неподходящей литературы: «старой» — под этим не подразумевается литература классическая, но скорее то, что в исследованиях обозначалось как «дореволюционная беллетристика», а также книги неподобающего содержания вроде «Без черемухи» [Там же]. Рабочий читатель, хотя и считавшийся наиболее ценным, не составлял большинства даже среди городской читательской массы. Интересно, что женщины в то время составляли явное меньшинство читателей в возрастных группах старше 20 лет (75 к 25). Как мы увидим по современным исследованиям, сейчас это не так.

Городская полуинтеллигенция и городское мещанство, в свою очередь, искали в библиотеках весьма специфический набор книг: прежде всего сентиментальную или бульварную беллетристику. Позже именно эти книги будут изъяты из библиотек, и обычный для городской библиотеки читатель попросту утратит к ней интерес — ему больше нечего в ней будет читать:

> почти исключительно беллетристику... с особым уклоном... ищут любовь во всех ее разновидностях, любят старые исторические романы, высокопоставленных, сиятельных героев (графов, князей), обстановочность, безидейность и мистику. Это библиотечные гробокопатели, книжные гиены. Если вы еще не произвели чистки беллетристики в вашей библиотеке, — положитесь на их чутье ко всякой мертвечине: они просят именно те книги, которые необходимо изъять: Вербицкая, Понсон-дю-Террайль, Салиас, Всеволод Соловьев, Поль де Кок, кн. Голицин, Брешко-Брешковский, кн. Мещерский — вот их запросы[46] [Там же: 56].

К концу 1920-х гг. традиционная группа городских читателей «из бывших» резко сокращается, и ее читательские интересы перестают влиять на данные библиотечного спроса. Эти читатели переходят на личные книжные собрания, в 30-х еще сохранявшиеся, но в войну погибшие [Там же: 57].

Эта динамика крайне важна для понимания того, что происходило с читателем в период формовки. Библиотечным чисткам и постепенному уничтожению личных книжных собраний посвящена в книге отдельная глава.

---

[45] Цитируется: [Любимов 1931].

[46] Цитируется: [Фридьева 1924/1].

Так отрабатывался «главный принцип советской библиотеки: нужную книгу — нужному читателю — в нужное время».

Аполитичная Вербицкая была заменена тяжеловесными социальными романами Синклера, который пользовался большой популярностью среди городских читателей, в деревне к нему относились недоверчиво, как и в целом к зарубежным авторам — крестьянам казалось, что они «врут» [Добренко 1997: 61]. В общую картину необходимо добавить также то, что деревенский спрос лишь менее чем наполовину был самостоятельным, остальная его часть определялась советами библиотекаря и подбором выставок. Читатели-крестьяне были менее гибки в своих требованиях, разброс их был куда меньше, чем в городе.

Читатели-красноармейцы в тот момент представляли собой довольно точный срез общества, поскольку в РККА призывали всех, кроме духовенства и представителей эксплуататорских классов, в количественном же отношении среди красноармейцев было около ⅔ крестьян [Там же: 62]. Так вот, спрос на беллетристику среди них превышал в пять раз спрос по всем остальным разделам вместе взятым. Следующими по популярности стали книги о «ревдвижении» в России и на Западе [Там же]. Собственно, это дает отличное представление о читательских интересах на тот момент.

Отдельно рассматривается феномен «женского чтения» и чтения детского. В наблюдении за последним особенно очевидно, как система пыталась переломить самостоятельный детский спрос: общественно-политическая литература по заданию школы составляла 40%, в то время как вызывающие интерес у детей сказки и приключения от 0 до 1,5%.

Советская детская библиотека активно работала над четким оформлением спроса, уходя от концепции открытого фонда: ребенок должен был вначале сформулировать, что же ему хочется прочитать, и только затем получить книгу, причем по выбору и решению библиотекаря. Одновременно с этим посредством т. н. «дифференциации» спроса интерес ребенка перенаправлялся от книги вредной к книге нужной, полезной и правильной. Библиотека работала, прежде всего, на воспитание читателя, а не на обслуживание его запросов, возможно, неподходящих [Там же: 73–74].

Имеет смысл также помнить об инициативах Н. К. Крупской в создании новой детской книги без сказочности, волшебства, но с нужной идеологической подоплекой.

Линия партии требовала близости критики читателю, и несмотря на то, что сам читатель критикой не очень интересовался, критическое звено в линии «писатель–критик–читатель» было совершенно необходимо: кто-то же должен был объяснять, как правильно понимать текст. Советская критика после 20-х годов как раз и реализовывала требования среднего читателя: «не вилять» в оценках, писать покороче, простыми словами, «вести за собой» и «заражать» [Там же: 86–88]. Отношения читателя и критики рисуются как «нерасторжимый дуэт массы и власти».

«Куда зовет Артем Веселый? Ответа на эти вопросы я не нашел. В статье есть подливка, но нет мяса, в которое она подлита[47]» [Добренко 1997: 88].

В 20-е годы еще была популярна идея «критики снизу», идея критиков-рабкоров, однако отдавать важный идеологический инструмент «на произвол стихии» было не только недальновидно, но и попросту опасно. Более того, всем было понятно, что рабочая критика совершенно беспомощна. Однако массовый читатель как опора и мерило был сформирован отчасти на этом материале — первый портрет такого идеального читателя выглядит так:

...за годы революции и стройки успел многому научиться. Это новый тип читателя. У этого читателя острое политическое чутье, здоровый классовый подход. Разумеется, он требователен. Участник строительства, преодолевающий трудности, он не терпит лакировки, фальши, сусальности. Реализм сидит в самой его крови. Нередко этот читатель, по словам Горького, оказывается умнее и дальновиднее писателя. Он глубже писателя изучил материал действительности, он лучше связан с жизнью. Ничего нет удивительного в том, что этот читатель оказывается более дальновидным, нежели критик... Вполне понятно, почему писатель обращается частенько за помощью к читателю [Беккер 1933/11].

Призыв учиться у читателя уравновешивался призывом к критикам направлять читателя, поправлять его — именно эта система балансировки (не только в этой области, но и, например, между лакировкой и очернительством, между буржуазным национализмом и безродным космополитизмом) была в советском литературном поле основной движущей силой.

Феномен «правильного чтения» — идеальный продукт теоретизирования, а «норма» здесь почти всегда преднаходима: есть некий имплицитный «читательский запрос», «горизонт читательского восприятия» и есть реальная трансформация интенций текста. Читатель 1920-х годов предстает как чистый и непосредственный реализатор потенциального смысла, заложенного в знаковой системе, каковым является текст до акта потребления. <…> Процесс «обработки» или «формовки» читателя (как, впрочем, и текста) имеет не только количественные, но и качественные параметры: в какой-то момент мы видим качественно другого читателя (и, соответственно, качественно другой текст) [Добренко 1997: 95].

Наконец, критика должна была решать задачу «актуализации» литературы, чтобы «масса, живущая настоящим», по Н. К. Крупской, могла адекватно (т. е. так, как нужно власти в данный момент) воспринять чуждые ей тексты классической литературы. Это значит, что функцией критики было к тому же и менять оптику реципиента. Причем эта оптика была не столько изобретена критиками, сколько подхвачена ими у самих реципиентов (в книге Добренко это иллюстрируется обширной цитатой из позднего издания «Крестьян о писателях» — раздел о Пушкине):

[47] Цитируется [Беккер 1933/7].

> Так или иначе, в чудом сохранившихся записях А. Топорова к нам пришел школьный извод советской пушкинистики. Учитель советской школы рассказывал о Пушкине то, что было высказано сибирскими коммунарами, но лишь в литературно обработанном и канонизированном виде. Эта «правильность «прочтения» вновь возвращает нас к исходной ситуации: «актуальность» не была «выдумана» или «навязана» массам. Напротив, она была рождена массой и воспринята властью, которая лишь структурировала, организовала «распространение и внедрение» рожденного массой смысла [Добренко 1997: 99].

Массовый реципиент, рождавшийся в первые пореволюционные годы, выдвигал собственные требования к искусству. Добренко вкратце формулирует их так:

— принцип доступности, «понятности»;
— принцип развлекательности;
— принцип стабильности (а часто — консерватизма) формы;
— принцип «типологической общности», исключающий учет специфики различных видов искусства;
— принцип соотнесенности произведения с обыденным сознанием потребителя;
— принцип «красивости» искусства;
— принцип «современности» произведения [Там же: 100].

При этом, выстраивая смысл художественного произведения, такой читатель фактически выстраивал новое произведение на основе написанного, это процесс «не столько… сотворчества, сколько собственно творчества» [Там же: 106]. Читатель не только не выходил за границы собственного опыта, но и втягивал туда представленных ему героев, рассуждая о них в рамках непосредственного бытового представления. Добренко воспроизводит эту модель понимания на примере отзывов крестьян из коммуны «Майское утро» на новеллы Бабеля, где трудности у них вызывает и сказовая манера изложения, и невозможность отрешиться от собственного опыта, и дистанция между героем и автором, непонятная крестьянину. Непонятным оставалось и отсутствие четко высказанной морали. Добренко приводит следующие цитаты из читательских отзывов:

> Если мужик его не растолкует, значит это плохо. Полной разъяснительности и детальности нет, чтобы мужик понял рассказ [Там же:103].

> Осталось непонятное чувство: и барина не жалко, и партизана не уважаю... Слышала я, что Бабель — знаменитый нонешний писатель. Если он — знаменитый, пусть пишет яснее [Там же: 105].

Новый метод чтения и новая оптика, по Добренко, ориентировали читателя не на «актуализацию собственного опыта и поиск связей с опытом общечеловеческим, но требовала от него безусловного слияния с опытом коллективным — с опытом класса, «требованиями данного этапа развития» общества и т. д., изолированных как от общечеловеческого, так и от индивидуального опыта» [Там же: 108]. Сама эстетика социалистического

реализма опиралась, прежде всего, на коллективный опыт, тем самым отходя довольно далеко от реализма.

Культуру прошлого отрицали не только Пролеткульт и авангард, как это описывается традиционно, но и сами массы, поскольку таков был их эстетический порог восприятия. Это хорошо иллюстрируется отзывами рабкоров на традиционные постановки музыкального театра, впрочем, равно как и на авангардные. Культурной задачей соцреализма было подтянуть массы до искусства, а искусство приблизить к массам. Тем не менее, между массовым реципиентом эпохи и культурным репертуаром лежала пропасть [Добренко 1997: 113–114].

Дело было не в грубом вкусе крестьян и рабочих, а в их особой системе эстетических требований. Требования эти тезисно выглядят так:

Книга должна быть познавательно полезной.
Книга должна учить.
Книга должна содержать практически полезные («для жизни») рекомендации.
Книга должна содержать ясную авторскую оценку событий.
Книга должна воспитывать.
Литература должна создать картину будущей «хорошей жизни».
Литература должна быть оптимистичной.
Литература должна быть героичной, возвышенной.
Герой книги должен быть образцом для подражания.
В произведении должна быть показана руководящая роль коллектива и партии.
Герой должен быть, «как в жизни» (требование правдоподобия. — *А. Г.*)
Оценка художественных достоинств книги зависит от того, каковы персонажи.
Сюжет должен развиваться последовательно.
Книга должна быть большой, толстой.
Сюжет должен быть «занимательным», «с приключениями».
Повествование должно быть «простым».
Язык должен быть «художественным».
Книга должна быть написана «понятным языком».
Стихи должны быть «без футуризмов».
Нельзя печатать «похабщину».
Любовь должна быть «возвышенной».
«Фантастика» и «небылицы» не нужны.
«Пролетарский юмор» — большое достоинство книги [Там же: 116–123].

Обратим внимание на то, что именно в эту эпоху эстетические требования неподготовленных читателей не просто формулировались как эстетическое явление, достойное изучения, но и публиковались в форме предписаний. В частности, Добренко приводит пример такой брошюры: «Какая книга нужна крестьянину» (1927 г.) [Какая книга…1927]: требуется писать простыми предложениями, не злоупотребляя запятыми и скобками; избегать маловероятных сюжетов, поскольку крестьяне ищут в книге пользы и правдоподобия; сюжет должен быть четким, последовательным, финал должен быть структурно обозначен, чтобы крестьянин понимал, чем все кончилось. Не следует употреблять грубых выражений, так как это отвращает крестьянок; не всякий юмор понятен крестьянину, но и книга,

печальная с начала до конца, его не удовлетворит [Добренко 1997: 124]. Как видим, это довольно точно совпадает с выводами самого Добренко, сделанными на основе читательских отзывов рабочих и крестьян.

«Официальная литературная антология», разумеется, формировалась и усваивалась в школе, и формировалась исключительно при помощи государства. Какие книги издавать, что включать в программу, что издавать серийными и подписными выпусками — все это решалось на уровне государства и как задача исключительной важности. Естественное развитие литературы было подчинено этой внелитературной системе [Там же: 131].

Традиционные институты, обучающие чтению в широком смысле слова — семья и школа. Роль семьи в этой дихотомии постепенно снижалась в связи с тем, что социальная база читателей-детей расширялась за счет переехавших в город жителей села, «интеллигентские» городские дети занимают в ней все меньше места, равно как в их домах, в силу уплотнения и в целом смены социального статуса, сокращается место для книг. В новых городских социальных группах традиции приобщения ребенка к чтению в семье не было вовсе [Там же: 137].

На этом фоне на первый план выступает школа, задача которой, формулируется как «[подготовка] сознательного пролетарского читателя» [Там же: 139]. Школа на этом пути окончательно оформляет круговорот «общественно-преобразующей функции советской литературы». Что это значит? Литература должна по определенным правилам и параметрам формировать мировоззрение юношества, затем юношество преобразует общество и это общество вновь преобразует литературу. Таким образом, от того, как именно (и какая именно) литература сформирует мировоззрение школьника, будет зависеть будущее советского общества.

Надо сказать, что потенции восприятия литературы в школе, как правило, исчерпывались полностью, и завершали синтезирование мировоззрения как раз на уровне школьного возраста. Это восприятие двигалось по многократно описанной в методических пособиях линии — сначала события и поступки, затем характеры героев и внутренняя линия их поведения, для самых старших — мысли о жизни и переживания героев. Это было верно для романов вроде «Как закалялась сталь», но, разумеется, не работало для романов Достоевского и Толстого. В сущности, роман Островского потому и существовал внутри официальной культуры как вечный образец, что он предполагал инфантильное запечатление его героя (и сливавшегося с ним автора) как идеального человека. Детский и взрослый массовый читатель воспринимал книги, в общем, почти одинаково, поскольку порог его восприятия останавливался как раз на окончании школы.

Соотношение литературы детской и взрослой в это время тоже менялось: значительная часть старой массовой литературы спустилась в детское чтение (как, например, Дефо, Свифт, Лажечников, Новиков-Прибой), причем процесс этот начался еще до революции, когда в детское чтение, по уверениям методистов, ушел Загоскин. Нельзя забывать и о специфической страте

текстов большой литературы — тех, что входят в хрестоматии и детские антологии («Каштанка», «Муму», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Дубровский», «Хаджи-Мурат», «Ванька» и пр.) Однако в устойчивый круг чтения детей переходит именно массовая литература (либо адаптированные тексты), как наиболее доступная для восприятия — и такой же потом будет литература соцреализма, также вполне доступная для детей.

Советская школа ретранслирует официальную литературную антологию, созданную в первую очередь как просветительский реестр тщательно отобранных имен и фрагментов с правилами их интерпретации.

В отличие от дореволюционной гимназии, которая отнюдь не была литературоцентричной [Добренко 1997: 143], хотя и начала формировать пантеон классиков, советская школа довершила его окончательно. Сначала программы вообще игнорировали литературу, и каждый читал что хотел, затем систематизация привела к тому, что литература стала использоваться сугубо как иллюстрация обществоведческих дисциплин, утеряв заодно и авторов и оставшись только в виде отрывков. Такой подход уничтожал единство текста и его место в ценностной и временной иерархии: фрагмент из «Медного всадника» и стихотворение Полетаева «Сломанные заборы» равно иллюстрировали тему «Город» [Там же: 144].

В конце концов в школу снова возвращается классика, но в диалектическом ее измерении — в той части, которая «помогает нам восстановить обстановку прошлого — жизнь и борьбу классов, их идеалы, и таким образом дает нам возможность понимать глубже исторические явления и расширять наш кругозор. <...> Яркими картинами исторического прошлого, а в отдельных случаях и своей революционностью и разоблачением капиталистического строя, литература расширит наш кругозор и сыграет большую роль в подготовке членов коммунистического общества» [Там же: 143–144][48].

Основными методическими понятиями школьного курса литературы были опора на тему (тематическое единство), детерминизм поведения героев, интерес к общественной позиции автора. Текст был интересен и воспринимался не сам по себе, а только как порождение определенной социальной формации и отражение определенных взглядов. Эта призма и насаждалась советской школой.

В 1933 году школа окончательно возвращается к хронологически выстроенному «старому» канону, отказавшись от «вульгарного социологизма» прежних лет. Задача теперь формулировалась так: «привить… любовь к классической литературе». Добренко так описывает новый подход к литературе в школе:

> Классика предстает в новой интерпретации «Правды» как сияющая вершина, подходить к которой необходимо с пиететом. Красивости (типа «художественные произведения классиков живым дыханием жизни и биением горячего

[48] Цитируется [Программы 1932].

человеческого сердца могут помочь нашей молодежи...» и т. д.) означали окончательное затвердение классического канона [Добренко 1997: 148].

Канон отныне уже не распадался, хотя в него могли вводить и выводить новые имена, а становился все устойчивее. Несмотря на его крайнюю эклектичность — Пушкин соседствовал с Сурковым, а Достоевский с Фадеевым — он составлял единую систему классики с тщательно отобранными интерпретаторами (Белинский, Писарев, Добролюбов — и полное забвение традиции критики рубежа XIX–XX вв.), посредством которых вводился элемент преемственность советской литературы, а сама она встраивалась в историческую иерархию.

Дополнительно к этому советская школа, с ее базовыми категориями «основной мысли», «идейного содержания» рационализировала оптику массового читателя. Важно понимать, что школа тут была только ретранслятором, а не продуцентом, эта оптика существовала до нее и вне ее.

Наконец, формовку читателя завершало огосударствление и укрупнение издательств (этому в книге посвящена отдельная глава). В сочетании с переходом под контроль государства также и распределения, и потребления книг, можно сказать, что книга и читатель были полностью в его власти. Под зонтик больших издательств перешло не только собственно книгоиздание, но и издание крупных литературно-художественных журналов. При этом разнообразие, так сказать, книжного ассортимента падало, а число копий, напротив, росло. Росло к тому же и среднее количество страниц в книге. Почти весь этот бесконечный бумажный поток попадал в библиотеку (до начала 50-х годов, когда рынок начал заполняться книгами, не имевшими спроса, и цены на них резко упали, создание домашних библиотек не поощрялось). Заметную часть тиражей составляла учебная литература (которая чаще всего и была единственной книгой в доме) и переизданий классиков, тоже, впрочем, почти сразу уходивших в школьные библиотеки.

А именно библиотека — в отсутствие телевидения — не имела альтернатив во влиянии на читателя.

В первые пореволюционные годы специальными декретами Наркомпроса была установлена, во-первых, охрана библиотек, а во-вторых, порядок их реквизиции: молодая власть не могла пройти мимо таких богатств. Частные библиотеки, насчитывавшие свыше 500 томов, изымались в пользу государства и поступали в государственные библиотеки. Вдобавок к этому за 20-е годы была полностью ликвидирована частная книготорговля и развалы. Книжная дистрибуция также оказалась полностью в руках государства.

Данные по учету спроса в библиотеках в начале 20-х гг. показывают, что несмотря на несформированный еще официальный канон, круг чтения городской молодежи уже представлял собой матрицу, первообраз того самого канона.

> Спрос на художественную литературу в молодежной читательской среде уже к середине 20-х годов практически полностью совпадает с будущей «официальной антологией»: из классической литературы на первом месте — будущие любимцы советской школьной программы Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, Горький (причем «Мать» превышает по популярности во всех категориях читателей все «прочие произведения» Горького вместе взятые); из зарубежной литературы на первом месте стоят социальные романы Золя, Синклера, Келлермана, социальная фантастика Уэллса, революционная литература (Дж. Рид, «На заре революции» Сверчкова, «На широкой дороге» Бибика), «мужественные рассказы» Лондона; приключенческая литература (Купер, Майн Рид, Верн, Конан Дойль, Пинкертон и советская приключенческая литература — «Красные дьяволята», «В огне революции») [Добренко 1997: 162].

Наконец, из библиотек изымалась «вредная», не соответствующая задачам социалистического строительства литература, с тем, чтобы к читателю поступал поток строго контролируемой информации. Изъятию подлежала вся религиозная литература (в том числе издания Комиссии народных чтений для фабрично-заводских рабочих), агитационная литература всех партий, кроме большевистской, философская литература, где освещались оккультизм, теософия и подобное. Из беллетристики изымалась вся низовая массовая и лубочная литература (особенно русских авторов), детская литература, с учетом убеждений Крупской, лишилась сказок (правда, потом они вернулись с целью «воспитания патриотизма», а их изъятие объявили левачеством). Но дореволюционные детские писатели, как и детские журналы вроде «Задушевного слова» пропали из библиотек навсегда [Там же: 174–175].

С точки зрения наиболее рьяных библиотекарей и педагогов, для детей была в общем вредна вся та литература, которая им интересна (даже крайне популярные и идеологически идеально верные «Красные дьяволята» Блохина) — никаких геройских подвигов, никаких ярких описаний любви и быта. Сказки следовало давать очень выборочно и с комментарием, который привил бы «критическое отношение к сказке»:

> Они [*дети* — пишет Добренко] должны читать пусть и вовсе не увлекательную, но зато, несомненно, более полезную литературу, где можно познакомиться «с великим истинным героизмом, который ни в каких прикрасах не нуждается» [Там же: 176].

Библиотекари замечали, что дети бросают ходить в библиотеку, не находя интересных им книг, но это не умаляло их энтузиазма по изъятию. Заменить старую детскую литературу должна была новая, полностью подчиненная новой идеологии. Добренко здесь делает вывод, что литература соцреализма как раз и была новой взрослой литературой — для детей (скорее подростков), и вводилась в круг чтения через официальную антологию школьной программы.

С середины 20-х годов в изъятиях происходит некоторый откат: возвращаются некоторые дореволюционные журналы («Русская старина», «Вестник Европы», «Летопись», «Русская мысль», «Русское богатство»,

«Современник»), многие философские труды (в т. ч. Адама Смита, «источника марксизма»), работы языковедов (например, Бодуэна де Куртенэ), «революционных демократов», авторов, обозначенных как «критики прошлого», а также большой и по виду бессистемный список авторов от Андреева до Языкова [Добренко 1997: 178–179]. Добренко здесь делает вывод, что список этих изъятий был направлен не на массового читателя, тогда еще бывшего в ликбезе, а на старого читателя библиотек, к тому же лишенного после революции своей домашней библиотеки. Однако в списке литературы, распространение которой надлежало «пресечь», оставались такие авторы, как Дюма, Конан Дойл, Лажечников и Загоскин (а также Арцыбашев и Сологуб).

Запрещенная литература формировала отдельный каталог и расставлялась в отдельные запертые шкафы (так появились советские спецхраны), либо выставлялась в «показательном книжном музее» ненужной литературы, что демонстрировало представление о массовом читателе как одновременно о высоко сознательном и незрелом [Там же: 186].

Однако запросы читателей должны были как-то удовлетворяться даже в отсутствие Вербицкой или Загоскина. В ответ на это предлагалось приносить книгу, удовлетворяющую ту же потребность, но более приемлемую: «Овода» вместо Вербицкой, «Спартака» или «Князя Серебряного» вместо Загоскина [Там же]. Работа с читателем в библиотеке начинала дрейфовать от выяснения читательских интересов к работе с классовым самосознанием. Интересы следовало направлять в нужное русло, «преодолевая мелкобуржуазный спрос».

Библиотекарь, таким образом, становился не выдавальщиком книг по запросу, а руководителем чтения. Более того, среди библиотечных кадров также проводились чистки в поисках «классово-враждебных» элементов, которые могли бы протащить чуждую идеологию, выдавая нужные для этого книги. Библиотека становилась культурно-политическим штабом. Добренко цитирует, например, такие высказывания:

> «...основная задача библиотеки это не просто распространение книг, а через распространение наилучших, наиболее нужных книг содействие делу строительства социализма. Эту задачу библиотекарь должен преследовать каждым шагом своей работы», еще конкретнее: «нельзя пропагандировать просто хорошие книжки. Нужно пропагандировать, продвигать те или иные книжки, исходя из общих и очередных задач партии и советской власти»[49] [Там же: 220].

Идея руководства чтением доходила до того, что от рекомендательных списков переходили к «планам чтения»: читатель мог записаться на определенный план и читать по нему. Это подавалось как особенно эффективная форма просвещения и самообразования. В основе такого подхода лежало представление о читателе как о чистом листе с отсутствующим горизонтом ожиданий, который еще только надлежало сформировать. Сама идея того, что горизонт ожидания можно формировать, проходя

[49] Цитируется [Смушкова 1927].

определенные стадии, высшей из которых было чтение общественно-политической литературы, принадлежала не только библиотеке — по этой «восходящей модели» учился любой советский школьник.

> «Если читатель не предъявляет никаких требований и не имеет своих запросов, то чтение начинается с ‘ударных’ книг... от ударных — к некоторым произведениям классиков, от них — к критике, публицистике и истории литературы. От исторических романов — к научно-популярной литературе по истории, а затем к солидным историческим трудам и монографиям; от путешествий и приключений через географическую беллетристику к научно-популярным и научным книгам по географии. К чтению по общественным знаниям можно подойти тоже через беллетристику: от ударных книг к более легким произведениям классиков и современных писателей, затем — к т. н. идейной беллетристике классиков (напр.: “Отцы и дети”, “Новь”, “Что делать?” и др.) и, наконец, — к популярной и научной литературе по обществоведению, философии, естествознанию»[50] [Добренко 1997: 229].

«Задача привлечения читателя уступает место задаче надзора за чтением и контроля за читательской реакцией», — резюмирует Добренко. Идеальный читатель, воплощенный в реальности, по его мнению, растет как герой романа воспитания, преодолевая трудности и опасности в виде «развлекательной литературы» и «бессистемного чтения», партия и проводник ее воли библиотекарь выступает как мудрый наставник, и, наконец, он оказывается на вершине сознательности — «выбор плана чтения “Каким должен быть советский человек”» [Добренко 1997: 234].

Идеальный советский читатель, по мнению Добренко, не может читать текст, идущий вразрез с его сформированным и стереотипизированным эстетическим опытом (даже чтение вопреки это всегда чтение по тем же рецептивным законам, только наоборот). В качестве подтверждения Добренко приводит множество данных о чтении, которые демонстрируют, что официальная антология фактически срослась с читательскими требованиями. Читатели Москвы и Иркутска читали «Молодую гвардию», «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке», и другие книги официально признанных советских классиков. Ответ на вопрос «Что бы вы хотели прочитать?» тоже заключал в себе в основном официальный советский канон. И предложение, и спрос здесь полностью соответствуют друг другу, равно как им соответствует и читательский опыт, тоже состоящий из официальной советской классики из программы средней школы. Отметим, что в провинции статистика показывала большое число выдач местных авторов, то есть, вопреки ожиданиям, читался даже провинциальный соцреализм [Там же: 263].

Идеальный советский читатель должен полностью отождествлять себя с героем и «превратить жизнь в литературу», и читатель разделял это желание с критикой. Более того, идеальный советский читатель был не только объектом воздействия, но и субъектом творчества, что выражалось

---

[50] Цитируется [Борович 1922].

в транслируемом критикой наборе читательских пожеланий («читатель вырос», «читатель ждет...», «писатели в долгу перед читателем» и т. д. [Добренко 1997: 266]) и в практике читательских конференций, которые, по сути, служили курсами по переподготовке читателей, не следивших за «новинками советской литературы» и давали навык «правильных отзывов» о правильной литературе.

Мы уделяем здесь столько внимания этому историческому исследованию прежде всего потому, что описанные в нем эстетические требования неподготовленного читателя, на наш взгляд, остались почти совершенно неизменными, за вычетом лишь одной пресуппозиции: права выносить негативное суждение. Читатель 20-х годов был почти всегда уверен: то, что ему непонятно, то дурно. Нынешний читатель склонен утверждать: мне это непонятно, я не смог прочесть, но это великая книга[51].

1.6. Современные синхронные исследования

Из современных синхронных исследований особенно важно, как нам кажется, отметить недавнее исследование абонементов в библиотеках Петербурга под руководством Михаила Соколова [Соколов et al. 2016]. Выводы очень интересные: во-первых, видны распределенные кластеры авторов — русские боевики (условный Бушков[52]), фантастика и параисторическая литература (условный Лукьяненко[53] или другие многочисленные писатели, работающие в жанре фантастики и городского фэнтези), детская литература, школьная классика, современные русские писатели (с преобладанием авторов вроде Улицкой[54], Рубиной[55] и Веллера[56]), кластер Марининой[57] и Устиновой[58] (то, что можно обозначить как женский роман с детективной линией). Интересно, что Толстой и Достоевский попадают в разные кластеры — Толстой оказывается вместе с Пушкиным и по неизвестной

---

[51] Ср. например, это обсуждение романа «Гиперион» Дэна Симмонса: https://dtf.ru/read/39047-ternovyy-venec-chelovechestva-chem-primechatelen-giperion-dena-simmonsa-i-pochemu-ego-stoit-prochitat — доступ 24.10.2019.

[52] Александр Бушков (р. 1956) — популярный автор романов в жанре боевика и фэнтези. Обычно позиционируется как чтение для мужчин.

[53] Сергей Лукьяненко (р. 1968) — автор романов в жанре городского фэнтези, более всего известна его серия «Дозоры».

[54] Людмила Улицкая (р. 1943) — русская писательница, переводчица и сценаристка. Лауреат премии «Русский Букер» и «Большая книга».

[55] Дина Рубина (р. 1953) — русская писательница, живущая в Израиле. Лауреат премии «Большая книга».

[56] Михаил Веллер (р. 1948) — русский писатель, автор рассказов сатирического толка.

[57] Александра Маринина — псевдоним М. А. Алексеевой (р. 1957). Автор детективных романов, особенно известна серия об оперативнике Московского уголовного розыска Насте Каменской.

[58] Татьяна Устинова (р. 1968) — автор любовных романов с детективной интригой.

причине — Джоан Роулинг[59], а Достоевский вместе с Шекспиром, Брэдбери и Булгаковым. Причем оба кластера принадлежат к юношескому чтению, и к ним примыкает еще один, с лидером в виде Ремарка, Солженицына и Джорджа Мартина[60]. Как выяснилось в исследовании, более высокий уровень образования подразумевает большую широту вкусов — т. е. человек с высшим образованием может взять и Шилову[61], и Фаулза, и Туве Янссон для детей, в то время как читатель со средним специальным образованием скорее возьмет только Шилову. Более того, чем выраженнее доля мужчин или женщин в читателях той или иной книги, тем дальше она отстоит от т. н. «большой литературы». То есть если по содержимому абонемента мы можем точно предсказать социально-демографические данные человека, то это содержимое, скорее всего, в литературной иерархии стоит невысоко. Хотя разрыв по образованию и социальному положению далеко не так велик, как гендерный и особенно поколенческий:

> ...книги, преимущественно читаемые обладателями среднего специального образования, будут четко делиться на «мужские» и «женские», но это различие невозможно провести в культурном унисексе, который преобладает на другом образовательном полюсе <...> Гендер, возраст и принадлежность к поколению оказывают сопоставимое, если не большее влияние. Так, чтение представителей одной среды, но разных поколений, отчетливо различается (фантастика вместо детективов) [Соколов et al. 2016: 132–133].

Надо заметить, что несмотря на общее убеждение, что библиотеки теперь не посещают, выборка популярных авторов, тех, что берут чаще всего, совпадает с топом скачивания сетевой библиотеки на bookz.ru [Там же: 123]. Таким образом, выборка получается вполне релевантной. Дополнительно интересно то, как авторы прослеживают траекторию биографического цикла в корреляции с тем, какие книги читали посетители. В частности, есть такие выводы: на уровне старших классов школы те, кто выбрал для чтения условного Лукьяненко (или других писателей-фантастов), с большей вероятностью будут получать среднее специальное образование и дальше останутся в этом же кластере авторов, с возрастом, возможно, перейдя на условного Бушкова (или других авторов, позиционирующихся как мужских и работающих в жанре остросюжетного романа). Те же, кто продолжил читать классику (тот самый кластер с Достоевским и Шекспиром),

---

[59] Джоан Роулинг (р. 1965) — британская писательница, автор гепталогии о приключениях мальчика-волшебника Гарри Поттера. Пишет также в других жанрах, но эти книги выходят под псевдонимами (например, Роберт Гэлбрейт для цикла детективов о Корморане Страйке). В нашем исследовании мы также будем разделять ее псевдонимы.

[60] Джордж Реймонд Ричард Мартин (р. 1948) — американский писатель-фантаст. Наибольшую известность ему принес большой цикл романов в жанре фэнтези под общим названием «Песнь Льда и Огня», экранизированный как сериал «Игра престолов».

[61] Юлия Шилова (р. 1969) — популярный автор остросюжетных криминальных романов, обычно выпускающихся в мягкой обложке.

скорее включат в свое чтение фантастику переводную и дальше будут читать современную переводную литературу, двигаясь от Ремарка к Фаулзу [Соколов et al. 2016: 132].

Также нельзя не упомянуть основные работы Бориса Дубина в соавторстве с Натальей Зоркой — прежде всего потому, что они дают идеальное представление о том, как выглядело чтение в России 1990-х гг. в количественной интерпретации [Дубин, Зоркая 2008]. Но столь же интересны и наблюдения Дубина за соотношением массового и элитарного в литературе:

> Подобный анализ позволил бы увидеть, что так называемая популярная литература — это та же литература, что литература «большая», «настоящая». Так она переходит от романтизма к реализму в 1840-х гг., затем к натурализму — в 1860–1870-х, еще позднее — к кризисному состоянию невозможности реалистического повествования и обнажению своей фикциональной природы, условной повествовательной игры — в конце века…
>
> ...«массовая» словесность уже как отрасль литературной промышленности, с одной стороны, повторяет траекторию «высокой», а с другой — служит для «серьезной» литературы формой или механизмом, с помощью которых та как бы выводит наружу, воплощает в нечто внешнее и этим преодолевает собственные страхи, нарастающие внутренние проблемы и конфликты. Они соответственно маркируются как недостойные, плохие, и тем самым достигается возможность с ними справиться. Однако характерно, что ценностному снижению они, опять-таки, подвергаются именно по критерию инструментальной неадекватности — техническому неумению рефлексивно владеть исходным материалом, добиться эффекта эстетической дистанции и проч [Дубин 2017: 25].

Здесь мы видим набросок интересной траектории, которая, на наш взгляд, может коррелировать с современным чтением и выбором современного читателя из общего числа «книг с мертвым автором».

1.7. Переосмысление имеющихся теоретических концепций

Мы сразу отказались от идеи обращаться к имплицитному читателю, поскольку намеревались работать с читателем реальным. Более всего из исторических концепций нас заинтересовали те, которые имели дело с живыми читателями и их непосредственными реакциями. Так, мы часто обращались к работам Х. Д. Алчевской и С. Ан-ского, а также почерпнули много важного из книги Н. Рубакина, особенно в том, что касается динамики книжного спроса в библиотеках. Наконец, базирующаяся на обильном историческом материале работа Евгения Добренко позволила нам также сделать выводы, касающиеся непосредственно современных читательских реакций, путем сравнения приведенных в указанном сочинении отзывов крестьян с отзывами современных читателей.

Мы отдельно остановились на антропологическом повороте в истории изучения чтения, поскольку нам показалось очень важным, во-первых, отделить процесс чтения от того, что читают, а во-вторых, зафиксировать

материальную составляющую чтения и то, как много она способна поменять в самом этом процессе. В рамках акторно-сетевой теории материальная составляющая также будет очень важна. Мы имеем дело с материальным объектом и материальным в основе процессом (даже если электронный текст читают с экрана, и сам экран, и читатель, и даже перелистывание все еще материальны). В нынешнем чтении размер и цвет шрифта, экрана, пропорции последнего играют далеко не последнюю роль в том впечатлении, которое получает читатель. Если процесс чтения неудобен, читатель откажется от того или иного посредника, и это работает как в случае с книгами бумажными, так и с любыми цифровыми вариантами. Можно не покупать книги какой-то серии или издательства, потому что они плохо изданы, но равным образом можно отдавать предпочтение технологии e-ink перед LCD.

Теория читательского отклика (reader-response criticism) также фокусирует наше внимание на процессе чтения. Здесь для нас особенно важной оказалась хотя и довольно старая, но очень ценная работа Дженис Рэдуэй. Поскольку она выполнена на стыке антропологического и reader-response подходов, а также работает с социологическими и чисто филологическими инструментами, нас это навело на мысль о междисциплинарности предстоящего исследования. Затем, эта книга давала ответ не только на вопрос «что читают» и «как читают», но и «почему читают», причем ответ давали сами респондентки, а не исследовательница. Наконец, нас вдохновило полное отсутствие нормативно-педагогической рамки, чего обычно не встретишь в русскоязычных работах о популярном чтении. Несмотря на то, что Рэдуэй работала с американскими домохозяйками конца 1970-х годов, ее наблюдения оказываются верными и при изучении чтения на русскоязычном пространстве в 2010-х.

В целом, охватывая взглядом всю историю изучения читателей, мы можем заметить, как эта сфера знания изменялась от практического фокуса (и реальных читателей) к фокусу теоретическому и затем опять к практическому, вобрав в себя работы теоретиков восприятия в том числе. Теория читательского отклика на своей ранней стадии также больше работала с теоретическими концепциями, чем с реальным читателем. В этом смысле антропологический подход, понятие практик и их анализа, а также некоторые подходы из социологии повседневности (мы не имели возможности уделить им места в теоретическом обзоре) сильно повлияли на то, как современная наука видит чтение и читателя.

ГЛАВА 2

СОВРЕМЕННЫЕ ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ И ГДЕ ОНИ ПРОИСХОДЯТ

Несколько необходимых предварительных слов, обрисовывающих историческую перспективу. Мы описываем сообщество конца 2010-х годов, и это сообщество людей молодых, до 35 лет. Это значит, что в рамках гомогенного советского поля литературы с малым числом читаемых (а также читабельных и доступных) популярных авторов формировались разве что самые старшие из них, и то очень недолго. Главное же, что произошло с книжным рынком за эти 30 лет — это его дифференциация. Рынок не просто расширился (понятно, сначала он появился), но разделился на множество ниш, жанров и течений, где каждый читатель может найти для себя предпочтительный вид развлечения. Эта дифференциация привела к тому, что авторов, которых читают все, больше в прежнем виде не существует, не существует, пожалуй, даже авторов, которых все знают. Изнутри даже одной возрастной когорты люди выбирают читать разное, и «знаковые», «культовые» авторы одних могут оказаться другим вовсе неизвестными[62].

Читатель, формирующийся в условиях такого дифференцированного рынка — новое для нас явление, удивляющее сторонних наблюдателей прежде всего тем, что у него как будто нет общего круга чтения. Однако это не совсем так, а как это выглядит на самом деле, мы попытаемся далее показать.

2.1. Описание поля. Где формируется сообщество?

Речь у нас пойдет о сообществе читателей, то есть о таких людях, которые привыкли развлекать себя чтением.

Но далеко не все из этих читателей пишут рецензии, рассказывают в блогах о своем чтении и вообще проявляют свою принадлежность к сообществу в медиапространстве. Однако именно их деятельность попадает в поле нашего зрения. Это подмножество читателей мы обозначим как «активные читатели».

Здесь надо понимать, что чтение именно книг в настоящее время не является постоянным жизненным фоном и превалирующим источником

[62] Случайный короткий опрос студентов филологического факультета разного возраста и с разным в том числе национальным бэкграундом показал, что никто из них, например, не знает Стивена Кинга, между тем как в наших данных он выступает как самый читаемый автор.

получения информации. Люди могут жить, вообще не читая длинных текстов, в том числе и для обучения.

Поэтому мы предполагаем, что современное чтение постепенно дрейфует от необходимой деятельности в сторону хобби, увлечения, равнозначного, например, рукоделию. Соответственно, те, кто делится результатами своего чтения за отчетный период, делятся не постижением, а отношением (скорее всего, чувственным, эмоциональным опытом).

Поскольку мы имеем дело прежде всего с активными читателями, следует оговориться, что мы также осознаем ограниченность и, возможно, неполную релевантность этой выборки. Однако, поскольку их активность пользуется заметной популярностью и получает много откликов, мы можем сделать вывод, что они в некотором роде являются выразителями мнений сообщества.

Поскольку активность читателей весьма различна, поле наших наблюдений также неоднородно. Первоначально мы обратились к сайту LiveLib.ru, созданному специально для написания рецензий на книги (аналог goodreads.com). Однако деятельность читателей не ограничивается собственно рецензиями, а включает в себя также сложные соревновательные взаимодействия (см. об этом ниже, в подразделе о книжных играх) и книжные блоги. В результате изучения последнего вида деятельности мы также привлекли к исследованию Youtube, точнее, его узкое подмножество — BookTube, как его называют сами блогеры. Правда, мы ограничились, прежде всего, теми блогерами, которые исторически связаны с сообществом LiveLib и начинали именно с рецензий. Также мы привлекали к работе крупнейшую русскоязычную сетевую библиотеку Flibusta, где тоже есть возможность оставить отзыв — как поле краткого и сверхкраткого отзыва (об этом см. ниже в главе 3).

Описывая ресурс, мы должны иметь в виду разницу между аффордансами разных платформ (о понятии аффорданса см. [Gibson 1979; Norman 2002]), т. е. разницу пользовательского опыта, предлагаемого разными ресурсами. Эта разница между схожими на первый взгляд ресурсами, где говорят о книгах и пишут отзывы, заключается не только в посыле и предназначении самого сайта (как flibusta.is предназначена, прежде всего, для чтения), но и в его архитектуре[63]. В частности, бесплатные сетевые библиотеки, как правило, не предлагают явным образом написать отзыв или высказаться (разве что оценить книгу по встроенной шкале). К примеру, на amazon.com есть форумы, но кто мог бы их найти[64]? То же относится и к Flibusta: там имеются средства для общения пользователей, но на них в первую очередь обсуждают параисторическую фантастику, выкладываемую

[63] Упомянем здесь также интересное исследование [Dimitrov et al. 2015]. Оно посвящено разнице в практиках написания отзывов на Goodreads и Amazon, в основном в количественном аспекте, но также и с точки зрения возможностей, предоставляемых платформой.

[64] См. об этом [Maryl 2014].

на ресурс самими авторами (вероятно, это одна из немногих возможностей обсудить такого рода книги в принимающем сообществе). Сервисы же, ориентированные на высказывание пользователя и на работу с ним, устроены иначе: помимо удобства самого написания отзыва, в них есть множество иных деталей и возможностей, позволяющих читателю одновременно и ощутить свою принадлежность к сообществу, и свой статус в нем. Это касается не только LiveLib и в целом не только потребительской книжной рецензии — ресурсы потребительских отзывов устроены примерно так же. Они позволяют иметь рейтинг, участвовать в групповой деятельности, загружать фотографии, комментировать отзывы других и проч. С другой стороны, функционал сетевых библиотек чаще всего не позволяет иной персонализации, кроме имени пользователя, и содержит только форму ввода текста, даже без тегов. Соответственно, такой подход, когда отзыв — лишь побочная по отношению к чтению деятельность, склоняет читателя высказываться кратко и в известной мере спонтанно. Отзывы на более приспособленных платформах, напротив, долго готовятся и являются по сути самостоятельной, почти отдельной от чтения практикой.

Дополнительно к предыдущему заметим, что у рецензий на ресурсе LiveLib есть оценки, и, поскольку пространные отзывы-эссе стабильно получают высокие оценки, такой тип высказывания становится самовоспроизводящимся.

Дополнительное преимущество нахождения в такой системе состоит в следующем. В интервью мы получили такое мнение: человек, на постоянной основе развлекающий себя чтением, рано или поздно понимает, что интересных книг больше, чем он может прочесть за всю жизнь. Для помощи с выбором и структурированием чтения в системе LiveLib существует встроенный рекомендательный сервис, который подбирает книги по предпочтениям пользователя.

Кроме того, на некоторых площадках отзывы пользователя аккумулируются на одной странице, представляя тем самым что-то вроде опосредованного дневника. Таким образом, для читателя, который хотел бы коммуникации, но не стремится писать о себе, такой опосредованный вариант может служить формой самопрезентации. Наравне с этим такой функции могут служить и подборки цитат, также присутствующие на LiveLib рядом с рецензиями и более сложным жанром — «историями о книгах», т. е. миниатюрными документальными очерками, в которых так или иначе задействована книга.

Теперь мы скажем немного об устройстве нашего основного ресурса LiveLib. Он появился в 2007 году как независимое пространство для любительских книжных рецензий, и довольно быстро аккумулировал вокруг себя активных читателей. Впоследствии ресурс был приобретен магазином электронных книг Litres.

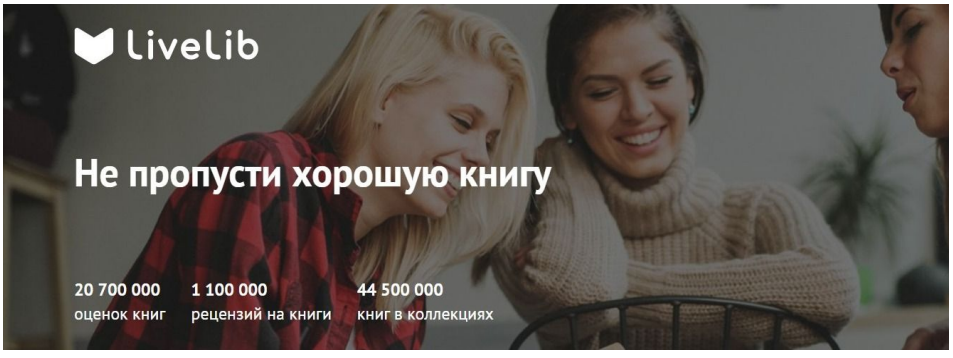
В настоящее время LiveLib — весьма разветвленный и разнообразный сайт, ассоциированный не только с Litres, но и с некоторыми другими

книжными магазинами, а также предлагающий своим пользователям разные виды активности помимо чтения.

Сложно устроенный визуальный контент имеет смысл рассматривать с точки зрения его визуальной презентации. Проще всего это сделать из перспективы того, кто им пользуется — т. е. описывать то, на что первым падает глаз, а следовательно, исходя из принципов веб-дизайна, то, что создатели ресурса полагают самым важным для самопрезентации[65]. Сейчас на сайте LiveLib первое, что мы видим — это, после самого названия, подзаголовок «Не пропусти хорошую книгу» на фоне хедера (графического заголовка, шапки сайта) с девушками, увлеченно обсуждающими что-то (предположительно, книгу). Визуальный образ этих девушек (позы, одежда, мимика) с одной стороны, моделирует образ возможного пользователя, с другой стороны, является попыткой его (довольно точной) репрезентации, как будет показано чуть ниже. Подзаголовок «Не пропусти хорошую книгу» задает, во-первых, тему сайта — книги, во-вторых, подразумевает, что поможет в структурировании чтения, и в-третьих (и, возможно, в главных), в пресуппозиции предложения стоит то, что хорошую книгу можно пропустить, что их так много, что пользователь может не справиться со структурированием сам.

Отдельно заметим, что к пользователю обращаются лично и на «ты» — это задает и возможный возраст посетителя, и направляет возможное общение в неформальное русло, причем более в рамках «человек — человек», чем «человек — институция».

Ниже мы видим численное выражение этого общения: количество рецензий, оценок, количество книг (не просто книг, а в коллекциях — то есть в подборках, составленных самими пользователями, это говорит нам о стремлении к отображению в первую очередь персонального опыта, а не статистики печати).



[65] Поскольку наша работа посвящена другим вопросам, оставим здесь только некоторые базовые ссылки: в частности, исследование [Nielsen 1997], на базе которого строится сейчас весь UX-дизайн (UX — User eXperience). Также основные сведения можно почерпнуть из [Nielsen 1999; Curtis 2010; Cooper 1999; Frost 2016]. Также см. [Blackwell].

И только вслед за этим хедером идет меню с подразделами ресурса.

Подразделы ресурса сейчас выглядят так:

Что почитать
Жанры
Авторы
Рецензии
Подборки
Лайфхаки

Кроме этих основных рубрик, в выпадающем меню (обычно рассматриваемом как менее важное) содержатся также следующие:

Группы
Новинки
Издательства
Персонажи
Читатели
Истории
Мероприятия
Раздачи
Книгообмен
Игры
Премии
Тесты
Книжный вызов 2019

Меню в целом создается как инструмент каталогизации, поиска и удобства перехода, однако из разделов и понятий, вынесенных в меню, можно составить себе, во-первых, представление о том, какой опыт предлагается пользователю и как он структурирован. Меню — это навигация, т. е., продолжая метафору, пользователю предлагается управлять сайтом в определенном пространстве передвижения, при том, что у сайта есть необходимые для этого приспособления[66]. Итак, что нам предлагается в меню? Сначала поиск занятия («Что почитать»), переход по этой ссылке отправит нас в раздел персонализированных (для зарегистрированнного пользователя) или неперсонализированных рекомендаций, к мастеру рекомендаций (простая тестовая система с несколькими вопросами), новым книгам, бестселлерам, рейтингам книг и скидкам на книги. Далее в меню следует минимальная первичная каталогизация (жанры и авторы) и, наконец, раздел, предназначенный для производительной деятельности пользователей — *Рецензии*, и персонализации их читательского опыта — *Подборки*. Далее следуют варианты групповой активности.

---

[66] Базовые принципы навигации и построения меню сайтов излагаются, например, в этом руководстве Google: https://services.google.com/fh/files/events/pdf_news_ux_playbook.pdf — дата обращения 21.04.2020.

Уже непосредственно в меню мы видим, что читатель, как предполагается, будет не только читать и писать, но и с кем-то встречаться, что-то раздавать, во что-то играть, создавать какие-то группы и участвовать в них. Добавим к этим предполагаемым видам активности следующее: ниже меню сайта, то есть на очень заметном месте, располагается баннер, предлагающий несколько видов активности — соревнование в чтении «Книжный вызов», игру «Борцы с долгостроем» (эти два вида деятельности мы подробнее опишем ниже) и рекламу блогов популярных на ресурсе авторов книг[67]. Это так называемые CTA (call-to-action) элементы, использующиеся для призыва читателя к действию (например, подписаться на рассылку, присоединиться к группе в соцсетях или на самом ресурсе, скачать мобильное приложение и т. п.).

У читателя в равной мере есть возможность вести на платформе свой блог, что говорит нам о принципиальном равенстве читателя и писателя, или, правильнее будет сказать, любого производителя контента.

Поскольку, как предполагается исследователями user experience, далеко не все пользователи заходят для навигации в меню, ниже на странице мы видим материалы и разделы, частично дублирующие таковые в меню, представленные в виде сетки (grid view): такое представление удобно для визуального контента и позволяет эффективнее управлять вниманием пользователя.

Сразу же на первой странице есть доступ к группе, аккумулирующей разного рода книжные новости и заменяющей новостную ленту, к лучшим рецензиям, лучшим историям, лучшим цитатам, к подборкам рекомендованных книг и книг, которые пользователь просматривал. В случае визита незарегистрированного пользователя ему покажут самые популярные книги ресурса. Также можно увидеть топ-10 самых активных читателей, голосования и избранные рецензии. Зарегистрированный пользователь может группировать книги в «полки» — т. е. подборки книг, объединенные по какому-либо признаку, помечать книги как прочитанные, те, что он хочет прочитать, и любимые. Отсюда начинается переход к ресурсу как к площадке для диалога.

Команда ресурса любезно предоставила в наше распоряжение некоторые социально-демографические данные о своих пользователях. Приводим их сведенными в таблицу:

Женщины	Мужчины
18–24 лет — 22%	18–24 лет — 8.5%
25–34 — 24.5%	25–34 — 11%
35–44 — 10.5%	35–44 — 4.9%
45–54 — 6.9%	45–54 — 3.2%
55–64 — 3.8%	55–64 — 1.9%
65+ — 1.6%	65+ — 1.2%
Всего: 69.3%	Всего: 30.7%

[67] Данные на 15.04.2020.

Одна из особенностей ресурса в том, что книги на нем классифицируются не по названиям, а по изданиям, что представляет некоторые трудности при работе с рейтингами и сборе данных. Так, например, случайным образом страница одного конкретного издания популярной книги («Унесенные ветром») получает больше рецензий, чем все другие издания. То же касается и русской классической литературы, рецензии на роман «Война и мир» аккумулируются на разных страницах, отсылающих к разным изданиям. Мы пока не можем понять, выбирает ли читатель именно то издание, которое он читал (и что делает, если читал электронную копию или слушал аудиокнигу), или пишет свою рецензию где придется (классификация по изданиям очевидна не с первого взгляда).

Страница рецензий на книгу выглядит следующим образом:

Рецензии на роман Элизабет Джордж «Всего одно злое дело»

На странице присутствуют: имя автора, плашки жанров, к которым ее относят на ресурсе, миниатюра обложки, справа кнопка «Поделиться в социальной сети вКонтакте». Ниже размещается средняя оценка по рецензиям, количество читателей, внесших книгу в избранное, количество рецензий и цитат, количество прочитавших и планирующих прочитать. Оценка отображается в виде традиционных звездочек, избранное — пиктограммой в виде сердечка. Далее в виде следуют выходные данные, представленные в виде таблицы с двумя графами: ISBN, год издания, издательство, серия, цикл и язык книги либо язык перевода. Ниже на странице расположена краткая аннотация, ссылки на магазины, где можно приобрести книгу, и лучшая по рейтингу рецензия из уже написанных.

Боковое меню слева подсказывает, что можно сделать на странице: написать рецензию, рассказать историю, добавить цитату, добавить лайфхак,

поменять/подарить. Ниже следуют тематические теги книги и предложение занести ее на полку «Хочу купить», за что полагаются скидки.

В начале каждой рецензии указывается оценка, которую читатель поставил книге — по пятибалльной системе. Из суммы этих оценок (как подкрепленных рецензиями, так и нет) складывается общая оценка книги. У самой рецензии также есть оценка (лайки) и есть комментарии.

Мы видим, во-первых, что книга каталогизируется не только по автору и названию, но и по жанру, издательству, серии и циклу: все это — активные ссылки, перейдя по которым, можно увидеть другие книги с той же плашкой жанра, составить представление об издательстве, издательской серии и авторском цикле. Помимо очевидных инструментов каталогизации, мы видим указания жанра, которые, очевидно, не мотивированы ничем иным, как тем, чтобы облегчить читателю тематический поиск. Если иметь в виду, что читатели на этом ресурсе прежде всего обращаются к книгам как к развлекательному контенту, такой подход вполне понятен (при условии, конечно, что читатель доверяет экспертному мнению ресурса): это замена горизонтальной рекомендации, помощь в поиске похожих книг. Здесь мы вернемся к ресурсу как площадке для диалога: эта его функция не репрезентируется в какой-то одной локации, как это было в Web 1.0, она встроена во множество разных сценариев использования ресурса — комментарии, обмен подборками, рекомендации на основе выбора других пользователей. На ресурсе для пользователя есть возможность как пользоваться им в одиночку (хотя и в этом случае опыт других читателей будет встроен хотя бы в систему рекомендаций), так и возможность взаимодействовать с другими его пользователями. Здесь мы переходим к сообществу, которое откликается на его, читателя, деятельность.

Как мы хорошо видим на этом примере, социальное действие, которое желает произвести пользователь, передается другим типам акторов — в этом случае объектам, хотя и невещественным. И далее любое действие перемещается по системе, подобно импульсу силы, одновременно увлекая за собой пользователя (все мы знаем заплывы по случайным ссылкам), давая ему новую информацию, побуждая к новым действиям и вместе с тем фиксируя каждого нового актанта (ссылку, комментарий) и каждый новый переход в логах сайта с целью производства новой информации — в частности, о рейтингах — которая увлечет за собой пользователя в те же сети. Здесь происходит изменение не только акторов, но и самого типа связи — чистый познавательный интерес или любопытство пользователя переходит в язык запроса, и сервер посылает ответ (см. [Латур 2014: 100]).

Более того, в процессе таких переходов пользователь рано или поздно окажется перед возможностью (или необходимостью) каким-то образом применить свою активность, перестать быть пассивным потребителем информации. Что-то прокомментировать, оценить или в чем-то поучаствовать. Вещи или неовеществленные строки кода способны предлагать, позволять, и в конечном счете влиять на действия пользователя и на принимаемые им решения.

Не стоит забывать, что один из узлов этих связей — это всегда книга. Не всегда именно материальная, но по крайней мере ее символ, воплощенный в фотографии обложки и описании. Само описание уже побуждает заинтересоваться книгой, и импульс интереса моментально подхватывается ссылкой на магазин и/или библиотеку сразу под аннотацией. Если же пользователь колеблется, к его услугам чуть ниже отзывы таких же, как он — влияющие на его решение не только перейти по ссылке, остаться или закрыть страницу, но и прочесть книгу, заполучить ее в свои руки в том или ином виде. Эти связи одновременно и материальны, и социальны.

Помимо действий индивидуальных, на ресурсе существуют и действия групповые, что мы уже упоминали выше. В первую очередь это книжные *челленджи*.

Challenge — «вызов» — понятие, у которого нет точного русского соответствия, но которое в целом означает задание на достаточно долгий срок, которое пользователь выполняет по собственному желанию. Классический книжный челлендж — это обязательство прочесть некоторое количество книг за определенный срок, обычно за год. Но существует также более сложный вариант: чтение списка книг по заданным параметрам, чаще всего — с отчетами по каждому пункту.

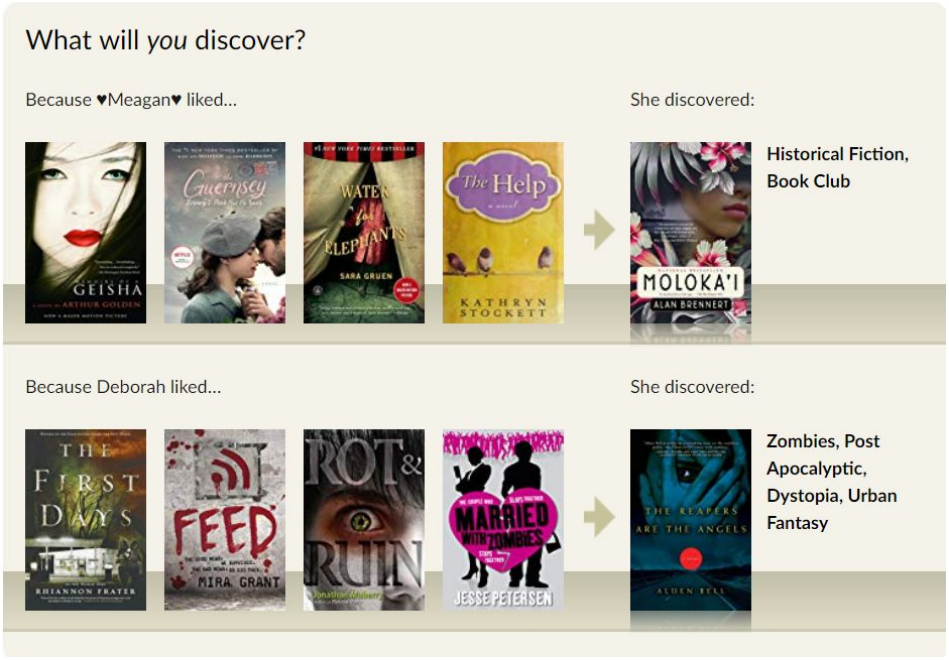
Следующий важный параметр — это онлайн-окружение ресурса, т. е. о тех ресурсах, с которыми сайт интегрирован. Это столь же важно, сколь важно для описания географии упоминание тех стран, с которыми описываемая страна граничит. Для Livelib это, естественно, будет Litres как монополист продажи электронных книг, книжные интернет-магазины (Ozon и Book24, например), а также основные социальные сети, из которых наиболее глубоко интегрирована сеть «ВКонтакте» (кнопка «поделиться VK» присутствует на каждой странице книги, под каждой новостью на сайте и рядом с каждой рецензией). Что нам это говорит о ресурсе? Помимо очевидного рекламно-маркетингового взаимодействия и ориентированности на легальные способы потребления контента, мы видим, что пользователю предлагается использовать ресурс в том числе как источник контента для его личной презентации — страницы в социальной сети.

Англоязычный аналог LiveLib — goodreads.com также предлагает читателям, помимо написания рецензий, различного рода групповую и (или) соревновательную деятельность. На ресурсе проводится ежегодный книжный челлендж, пользователи голосуют в читательском рейтинге книг, также на ресурсе существуют группы, объединяющие читателей книг определенного жанра — Our Classic Journey, Novel Ladies и др. Есть также группы, обсуждающие известные книжные блоги и подкасты, и группы, сами представляющие собой книжные блоги, иногда коллективные.

Точно так же, как и на LiveLib, на Goodreads публикуются разного рода подборки, от тематических (Best Frontier Literature, Rural American Women's History (fiction and nonfiction)) до подборок, основанных на персональном выборе (Books That Everyone Should Read At Least Once, Books You Would

Recommend to Strangers). Есть и подборки вроде «Лучшие книги месяца», «Лучшие книги года», десятилетия, века и лучшие книги вообще.

Помимо этого, на ресурсе есть особым образом оформленный рекомендательный сервис:



Он демонстрирует, что открыли для себя другие пользователи благодаря другим книгам, которые им понравились, и предлагает новому пользователю присоединиться к сервису, добавить книги, которые нравятся ему, и на этом основании получить свою рекомендацию. Это тоже выглядит как способ ориентировать на неисчерпаемом книжном рынке и хоть каким-то образом структурировать изобилие книжной продукции.

Заметим отдельно, что на Goodreads существует немало иноязычных сообществ, которые общаются между собой на родном языке, однако включены в англоязычную систему сервиса.

Теперь мы перейдем к следующему полю нашего исследования — книжным блогерам на YouTube. Здесь сразу нужно заметить, что мы ограничились теми блогерами, что пришли на этот ресурс с LiveLib и продолжают быть связанными с его сообществом, в частности, пишут рецензии и проч. Однако они также аттестуют себя как принадлежащих к одному сообществу — BookTube, т. е. сообществу книжных видеоблогеров. Их активность довольно разнообразна: помимо «рецензий в устном формате», такие блогеры сообщают о прочитанных/купленных за месяц книгах, демонстрируют стопки книг, которые они намерены прочитать за год, рассуждают о любимых и нелюбимых жанрах, составляют тематические подборки книг.

Активность в видеоблогах можно подразделить на следующие категории:

1. Итоги чтения за месяц (до часа видео);
2. Отчеты по отдельным книгам;
3. Книжные покупки («страдания книжного шопоголика»). У этого типа видео есть также узкоспециальное название — BookHaul, что-то вроде «книжного запоя», когда речь идет о покупке большого количества книг за раз, например, на какой-то книжной выставке или фестивале. Есть также UnHaul — когда книги раздают, в частности, сообщество буктьюберов раздает книги библиотекам).
4. Итоги чтения за год (либо лучшие книги за год);
5. Книжные рекомендации;
6. Книжные викторины (угадывают книгу или героя);
7. Отчеты по книжным играм;
8. Книжные планы и обязательства на какой-либо период (обычно на год);
9. Попытки автометаописаний (кто такие читатели, какие они бывают);
10. Размышления о том, что нравится и не нравится в книгах («мои книжные ДА и НЕТ»).

Мы выбрали несколько таких рецензентов, стараясь действовать так, чтобы они были хотя бы формально объединены горизонтальными связями (ссылки друг на друга в описании, устные упоминания, совместные видео и пр.).

Наблюдения велись в течение марта–апреля 2019 г.

Что касается сетевой библиотеки Flibusta, использованной нами для сбора отзывов на школьный канон (см. главу 3), то нужно иметь в виду, что архитектура этого сервиса создана так, чтобы быть удобной для чтения, но не для обсуждения книг. Разумеется, на странице издания (не текста книги) есть, помимо ссылок для скачивания в различных форматах, и поля для отзыва и оценки, но функциональность их заметно меньше, а возможности для диалога с другими пользователями сужены (один пользователь может ответить другому, но тот об этом не узнает, пока не зайдет на страницу издания).

Flibusta дополнительно интересна тем, что гендерное распределение ее пользователей противоположно LiveLib: ⅔ пользователей — мужчины. Мы определили это по собранным нами отзывам, соотношение в которых выглядит так:

- Обработанных отзывов 339;
- Из них женских 72;
- В 6 отзывах гендер определить не удалось.

Таким образом, женские отзывы составляют 21,2%.

Вероятно, именно по этой причине на имеющихся на площадке форумах больше всего обсуждается параисторическая и околополитическая литература, а также некоторые жанры фантастики. Значительную часть такого рода текстов выкладывают на Flibusta сами авторы.

2.2. Структуризация книжного поля. Круг чтения

2.2.1. Некоторые предварительные замечания

Когда мы говорим о круге чтения, для начала необходимо снова напомнить о некоторых особенностях выборки, связанных в первую очередь с тем, что нет никакого «среднего читающего россиянина» и даже «среднего читающего москвича». В частности, в упоминавшемся выше исследовании [Braslavski et al. 2016], посвященном читательской активности в библиотеке по подписке Bookmate, отдельно оговорено, что пользователи этой библиотеки главным образом а) молодые б) образованные в) жители двух столиц (т. е. Москвы и Санкт-Петербурга).

Когда мы говорим о чтении в интернете и сообществах читателей, собирающихся на той или иной платформе, мы тоже должны помнить о такого рода ограничениях, обусловленных как архитектурой самой платформы, так и особенностями текстов, которые она аккумулирует, и, как следствие, особенностями сообщества читателей.

Даже если смотреть только на круг чтения, а не на практики чтения (см. подробнее [Там же]), мы увидим заметные отличия между самыми популярными книгами на Bookmate и на LiveLib, и оба списка будут отличаться от предпочтений пользователей магазина Litres, хотя и не слишком заметно. Первый ресурс — библиотека с системой flat-rate[68] подписки и частично бесплатным доступом, второй — сайт для пользовательских рецензий и подбора чтения, третий торгует электронными копиями книг и аудиокнигами. Это неизбежно будет влиять на популярность книг — в частности, популярные книги Bookmate — это примерно те книги, что были популярны на LiveLib несколько месяцев назад.

Если мы сравним популярные книги на всех трех с онлайн-гипермаркетом «Озон», то увидим еще большие отличия: «Озон» торгует главным образом бумажными книгами, вследствие этого в рейтингах популярности будут появляться издания, которые не существуют иначе как в бумажном виде — рабочие тетради, книги для детей и пр.

Наконец, крупнейшая «пиратская» сетевая библиотека Flibusta показывает нам четвертый вариант картины чтения, центрированный на «боевой фантастике» и с преобладанием пользователей мужского гендера [Герасимова 2018], что значительно расходится как со статистикой других ресурсов, так и с большими социологическими данными [Дубин, Зоркая 2008], также [Long 2003]. Если мы посмотрим здесь на колонку последних отзывов о книгах (на главной странице справа внизу), мы увидим довольно много не только сериализованной фантастики, но и фантастики, выложенной самими авторами, которой нет на других ресурсах. Из этого следует, что

[68] Flat-rate — фиксированная цена за доступ ко всей коллекции. В частных библиотеках еще в XIX веке существовала также система ступенчатой платы за подписку: с повышением ступени доступ к книгам расширялся. См. [Рейтблат 2009: 55].

Flibusta отчасти превратилась в место выкладывания специфической жанровой литературы, и привлекает тех читателей, на которых такая литература нацелена (хотя и не только их).

Кратко обрисовав сложности представления общей картины чтения, перейдем непосредственно к нашему узкому полю — людям, привыкшим развлекать себя чтением и собирающимся на ресурсе LiveLib. Итак, мы приступаем к нему, понимая, что это:

1. Ресурс с преобладанием молодых взрослых (21–34);
2. Ресурс с преобладанием женского гендера;
3. Ресурс, где собираются люди, привыкшие постоянно развлекать себя чтением и читающие очень активно.

Обозначив эти ограничения, перейдем непосредственно к тому, что эти люди любят читать.

2.2.2. Рейтинги и их типология

LiveLib как ресурс предоставляет не только возможность писать рецензии, но и структурировать свое чтение различными способами. Некоторые из них основаны на активности самих читателей (например, составление разного рода подборок — от тематических до «книг, которые я никак не могу дочитать/хочу прочитать/не могу найти», списков чтения и проч.), некоторые заложены в самой архитектуре сервиса, в их числе — множество самых разных рейтингов книг.

Команда LiveLib любезно сообщила нам общие принципы формирования этих рейтингов. Вкратце они таковы.

Рейтинги составляются каждый по особой формуле, которая может учитывать оценки книги (количество и качество), количество прочитавших, количество желающих прочитать, количество и качество (оценки и содержание) рецензий, цитат и пр. Для большинства рейтингов недавняя активность оценивается выше старой. Например, для рейтинга «Популярные книги за такой-то период» важнее уловить недавние изменения, а «Топ-100 лучших книг всех времен» учитывает все действия с книгой за все время существования ресурса. Маркетинговая активность обычно не учитывается вообще, только через действия самих пользователей, инициированные этой активностью. В «Популярных книгах» вследствие этого чаще оказываются новинки рынка и классика, вдруг ставшая актуальной (по разным причинам, отчасти мы рассмотрим их ниже), которые в последнее время пользователи больше читают и рецензируют, а также высоко оценивают, а общий Топ-100 включает «лучшие книги вообще». Этот последний Топ-100 заслуживает того, чтобы описать его отдельно. Это те книги, по отношению к которым пользователи проявляют наибольшую активность — т. е. читают, заносят в свои списки чтения и подборки, ставят оценки, указывают эту книгу как любимую, пишут содержательные рецензии, выписывают из них цитаты (на ресурсе у каждой книги есть

специальный раздел для цитат из нее). На март 2019 г. первые 20 книг в нем выглядели так:

1. Джоан Роулинг «Гарри Поттер и узник Азкабана»
2. Стивен Кинг[69] «Зеленая миля»
3. Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»
4. Кэтрин Стокетт[70] «Прислуга»
5. Александр Дюма «Граф Монте-Кристо»
6. Джордж Р. Р. Мартин «Буря мечей» (цикл «Песнь льда и огня»)
7. Марио Пьюзо «Крестный отец»
8. Джон Рональд Руэл Толкин «Властелин колец»
9. Артур Конан Дойл «Приключения Шерлока Холмса. Этюд в багровых тонах. Знак четырех (сборник)»
10. Дэниел Киз «Цветы для Элджернона»
11. Агата Кристи «Десять негритят»
12. Фредрик Бакман[71] «Вторая жизнь Уве»
13. Виктор Драгунский «Денискины рассказы»
14. Джеймс Хэрриот «О всех созданиях — больших и малых»
15. Харпер Ли «Убить пересмешника»
16. Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»
17. Стивен Кинг «Побег из Шоушенка»
18. Ирвинг Стоун «Жажда жизни»
19. Маркус Зусак[72] «Книжный вор»
20. Михаил Булгаков «Записки юного врача»

Команда ресурса аттестовала нам Топ-100 как весьма малоподвижный рейтинг. Однако, как мы можем судить, за последние годы в него попало несколько новых книг, причем две из них сразу на очень высокие позиции («Прислуга» Кэтрин Стокетт и «Вторая жизнь Уве» Фредерика Бакмана).

Для сравнения, первые 10 позиций этого же рейтинга в январе 2018 г. выглядели так:

1. Джоан Роулинг, «Гарри Поттер и узник Азкабана»
2. Стивен Кинг, «Зеленая миля»
3. Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»
4. Кэтрин Стокетт, «Прислуга»
5. Джордж Р. Р. Мартин, «Буря мечей»

---

[69] Стивен Эдвин Кинг (р. 1947) — американский писатель, автор романов в жанре ужасов, мистики, фантастики. Известен как «Король ужасов». Книги неоднократно экранизировались.

[70] Кэтрин Стокетт (р. 1969) — американская писательница, более всего известная своим дебютным романом «Прислуга» об афроамериканской горничной, работающей у белых хозяев в 60-е гг.

[71] Фредрик Бакман (р. 1981) — шведский писатель и журналист. Известен сентиментальными книгами о простых жителях Швеции, в частности, роман «Вторая жизнь Уве» — о шведском пенсионере, который обретает новый смысл в жизни.

[72] Маркус Зусак (р. 1975) — австралийский писатель. Более всего известен романом «Книжный вор», действие которого происходит в нацистской Германии.

6. Александр Дюма, «Граф Монте-Кристо»
7. Борис Васильев «А зори здесь тихие…»
8. Маргарет Митчелл «Унесенные ветром. Книга 1»
9. Марио Пьюзо, «Крестный отец»
10. Дж. Р. Р. Толкиен «Властелин колец»

Теперь мы более пристально рассмотрим рейтинги LiveLib за 2018–2019 гг. В фокусе нашего внимания два рейтинга за месяц (февраль и март 2019 г.), два рейтинга за год (2018 и 2019, последний зафиксирован дважды — в марте и в сентябре, в течение года он, разумеется, меняется) и еще один специфический рейтинг читательских рекомендаций[73].

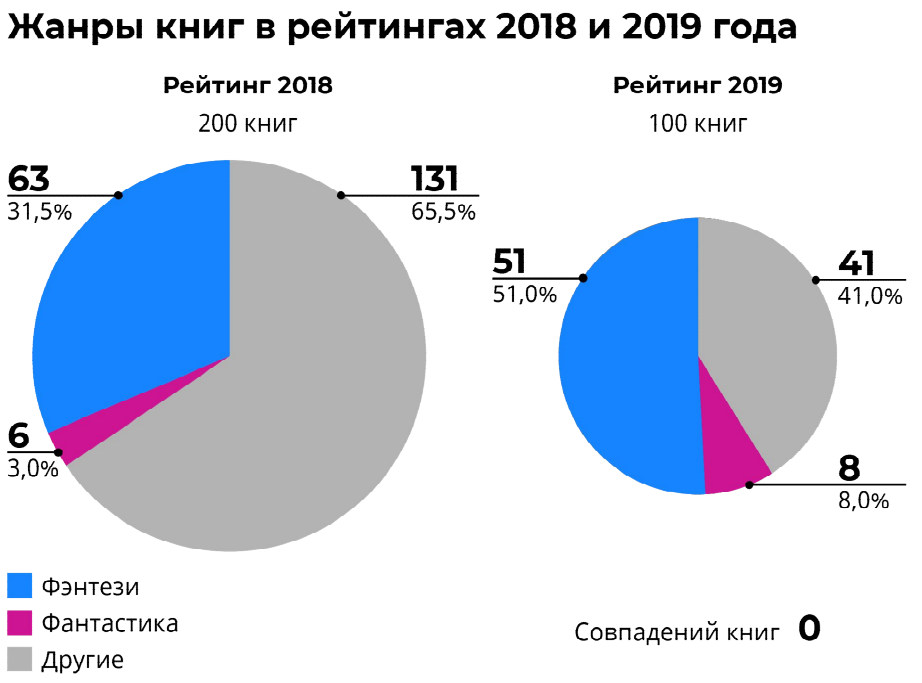
Рейтинг книг за 2019 г. по состоянию на начало марта — 100 книг, 51 из них обозначено жанрами «фантастика» и «фэнтези»[74]. На самом деле таких книг даже больше, потому что, например, «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери проходят как современная зарубежная проза, некоторые современные романы с фантастическими допущениями также относятся к современной литературе или современной зарубежной прозе, а комиксы с фантастическим сюжетом обозначены как комиксы или вовсе не имеют указания на жанр. Если учесть еще некоторые детские книги, вошедшие в рейтинг и также не являющиеся реалистическими, число книг с фантастическими допущениями в сюжете (обозначим их пока так) перевалит за 60. 35 книг принадлежат циклам.

Рейтинг книг за 2018 г. — 200 книг, 63 (31,5%) помечены жанром фэнтези, 6 (3%) — жанром фантастика (из них для двух книг это вторичное обозначение жанра — одна относится к жанру детской литературы, вторая — к любовным романам в фантастическом антураже). 71 книга (35,5%) принадлежит циклам. Эти рейтинги мы в дальнейшем будем называть годичными.

[73] Все рейтинги и подсчеты доступны по этой ссылке в виде Google Sheets: https://clck.ru/MqitT

[74] Мы опираемся на обозначения жанров, проставленные на самом сайте.

[75]



При сравнении рейтингов за 2019 и 2018 год мы не выявили совпадений по книгам, что подсказывает нам, что популярность той или иной книги лежит в пределах календарного года.

Заметим дополнительно, что годичные рейтинги LiveLib и, например, рейтинг популярных книг магазина «Озон» имеют только очень небольшие совпадения — практически это 1–2 книги.

Также на ресурсе имеются списки книг, наиболее популярных в текущем и предыдущем месяце. Они существенно длиннее годичных рейтингов, и отражают в основном самую свежую активность пользователей.

Всего просмотрено более 600 книг за февраль и март. В значительной мере списки совпадают (137 книг присутствуют в феврале, но не в марте). Среди этих книг есть также совпадающие по авторам (тот же автор, но другая книга), что нормально в условиях, когда большая часть чтения — это не книги, а циклы книг. Эти рейтинги мы в дальнейшем будем называть короткими.

Для сравнения мы также снимали рейтинг популярных книг LiveLib в октябре, ниже последует сравнение этих рейтингов.

Также в поле нашего рассмотрения попал специфический рейтинг читательских советов, о котором стоит рассказать подробнее.

На ресурсе LiveLib традиционно проводится т. н. «Новогодний флешмоб», форма читательской активности, когда пользователи ресурса

[75] Визуальное представление данных здесь и далее выполнил Алексей Птицын.

обмениваются книжными рекомендациями. По сути, это попытка упорядочить собственное чтение, придать ему какую-то структурированность путем горизонтальных рекомендаций. Такие рекомендации обладают большой ценностью у современных читателей см. [Дубин 2008], и, по-видимому, их ценность только растет.

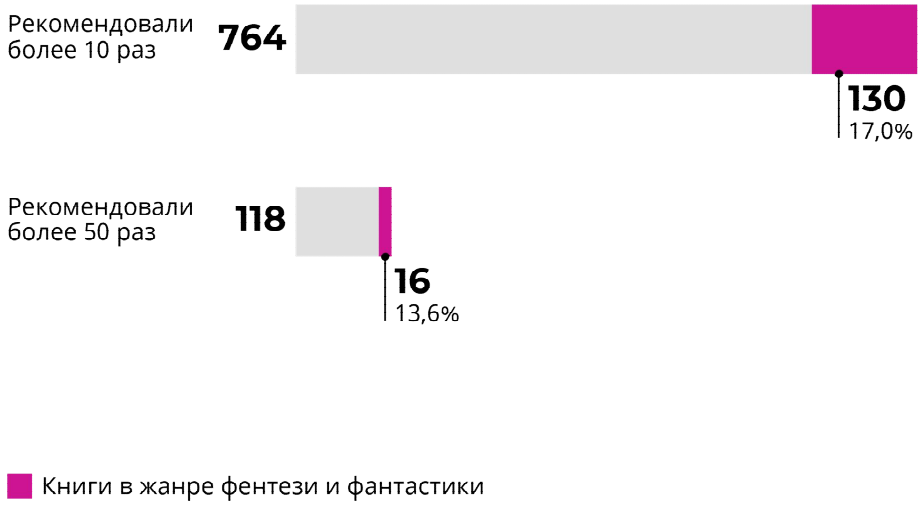
Из нескольких списков и рейтингов, имеющихся в нашем распоряжении, этот представляется нам наиболее ценным, поскольку выражает личные пожелания самих читателей, с минимальным влиянием маркетинговых стратегий и рейтингов продаж.

В новогоднем флешмобе 2018/2019 гг. более 4500 участников, из них советчиков 3515 (некоторые участники только принимают советы[76]. Максимальное число советов на книгу — 314.

Книг, которые порекомендовали 10 и более раз — 764, из них 130 — это книги жанра фэнтези (~17%).

Из 118 книг, которые порекомендовали 50 и более раз — 17 (14,4%) книг жанра фэнтези.

Количество произведений, которые рекомендовали в новогоднем флешмобе



Надо отметить, что далеко не все книги, не обозначенные как фэнтези, являются реалистическими. Большинство из них попадает в серую зону текстов, не соблюдающих жанровых конвенций фэнтези, но в то же время имеющих некоторые фантастические допущения.

Из 764 книг 189 (~25%) принадлежат циклам. И хотя это решение главным образом издательское (удобный способ заставить читателя покупать

[76] https://www.livelib.ru/mob/132/stats — доступ 26.04.2019.

новые книги), читателей, судя по популярности такого рода организации книг, оно тоже устраивает. Более того, некоторые тексты начинают объединять в циклы, так сказать, посмертно: например, у Харпер Ли появился цикл «Джин Луиза Финч» из двух книг, у Анатолия Рыбакова цикл «Дети Арбата».

Надо отметить, что такое объединение книг в циклы (например, с общим героем) свойственно и бесплатным сетевым библиотекам (в библиотеке flibusta.is, например, романы Агаты Кристи о Эркюле Пуаро объединены в цикл).

Книга, набравшая максимальное число советов — «Вторая жизнь Уве» Фредрика Бакмана. Она также принадлежит циклу — Цикл «Ассоциация жильцов», № 1. Важно отметить, что по книге снят фильм, номинированный на Оскар в 2017 г. — это коррелирует с популярностью и часто влияет на присутствие книги в поле интереса читателей в целом. Например, по находящемуся довольно высоко в списке рекомендаций (17 место, 120 советов, № 1 в разделе книг о путешествиях) роману Дэна Симмонса[77] «Террор» в 2018 г. сняли сериал. «Узорный покров» Сомерсета Моэма занимает среди романов этого автора (всего их в списке шесть) самую высокую позицию — и он недавно был снова экранизирован[78]. Заметим, что в этих случаях мы пока не говорим о каузации, только о корреляции, но, к примеру, роман Лианы Мориарти[79] «Большая маленькая ложь» получил известность в основном благодаря одноименному сериалу.

Так выглядит первая двадцатка советов:

1. Фредрик Бакман «Вторая жизнь Уве»
2. Кэтрин Стокетт «Прислуга»
3. Дафна Дюморье «Ребекка»
4. Арчибальд Кронин «Замок Броуди»
5. Карлос Руис Сафон[80] «Тень ветра»
6. Диана Сеттерфилд[81] «Тринадцатая сказка»
7. Мариша Пессл[82] «Ночное кино»

---

77 Дэн Симмонс (р. 1948) — американский писатель-фантаст. Наиболее известен его цикл научно-фантастических романов «Гиперион» и мистический триллер «Террор», посвященный теме выживания в Арктике.

78 То же самое касается некоторых книг из рейтингов за февраль и март («Еще одна из рода Болейн», «Острые предметы», «Две королевы» и др.)

79 Лиана Мориарти (р. 1965) — австралийская писательница. Наибольшую известность получила после того, как ее роман «Большая маленькая ложь» о трех домохозяйках с маленькими детьми был экранизирован как сериал под тем же названием.

80 Карлос Руис Сафон (р. 1964) — испанский (каталонский) писатель. Начинал как автор мистических книг для подростков. «Тень ветра» — его первый роман для взрослой аудитории в жанре мистического триллера.

81 Диана Сеттерфилд (р. 1964) — британская писательница. «Тринадцатая сказка» ее дебютный роман, написанный в готической традиции с отзвуками викторианского романа.

82 Мариша Пессл (р. 1977) — американская писательница, пишет в жанре психологического триллера постмодернистского толка.

8. Жоэль Диккер[83] «Правда о деле Гарри Квеберта»
9. Лиза Си[84] «Снежный Цветок и заветный веер»
10. Харпер Ли «Убить пересмешника»
11. Абрахам Вергезе[85] «Рассечение Стоуна»
12. Фэнни Флэгг[86] «Жареные зеленые помидоры в кафе “Полустанок”»
13. Донна Тартт[87] «Тайная история»
14. Кэтрин Бэннер[88] «Дом на краю ночи»
15. Гузель Яхина[89] «Зулейха открывает глаза»
16. Дэн Симмонс «Террор»
17. Роберт Хайнлайн «Дверь в Лето»
18. Джек Лондон «Мартин Иден»
19. Ли Бардуго[90] «Шестерка воронов»
20. Франк Тилье[91] «Головоломка»

Изучив все пять рейтингов (за 2018, за 2019, за февраль, за март и новогодний флешмоб) более пристально, мы обнаружили интересную закономерность: флешмоб советов и короткие помесячные рейтинги гораздо больше похожи друг на друга, чем годичные.

На первое место по количеству книг за март 2019, февраль 2019 и в новогодний флешмоб вышел Стивен Кинг. За ним следуют Джоан Роулинг, Эрих Мария Ремарк, Джек Лондон, Донато Карризи[92] и братья Стругацкие.

При этом в годичных рейтингах за 2018 и 2019 гг. картина принципиально иная: по количеству книг лидируют авторы фэнтезийных

---

[83] Жоэль Диккер (р. 1985) — швейцарский писатель, пишет на французском языке. «Правда о деле Гарри Квеберта» — интеллектуальный детектив о писателе.

[84] Лиза Си (р. 1955) — американская писательница-историк и биограф. Большинство ее книг — об истории Китая и китайских женщинах.

[85] Абрахам Вергезе (р. 1955) — американский врач-физиотерапевт, писатель. «Рассечение Стоуна» — история сиамских близнецов, сросшихся затылками и разделенных хирургически при рождении.

[86] Фэнни Флэгг (р. 1944) — американская писательница, сценаристка и актриса. Роман «Жареные зеленые помидоры в кафе “Полустанок”» рассказывает о жизни маленького городка на американском Юге.

[87] Донна Тартт (р. 1963) — американская писательница, лауреат Пулитцеровской премии. Пишет реалистические романы с детективной интригой, романы воспитания.

[88] Кэтрин Бэннер (р. 1989) — британская писательница, автор книг для юношества (т. н. young adult). Этот жанр заслуживает отдельного разговора, мы будем упоминать его лишь мельком. Тут обозначим только, что это обычно книги, сосредоточенные на любовных и дружеских отношениях между молодыми людьми старше школьного возраста, и что это понятие несколько шире, чем литература для подростков.

[89] Гузель Яхина (р. 1977) — российская писательница, лауреат премии «Большая книга». Работает в жанре исторического романа о национальных меньшинствах.

[90] Ли Бардуго (р. 1977) — американская писательница, работающая в жанре фэнтези.

[91] Франк Тилье (р. 1973) — французский писатель и сценарист, автор детективных романов-триллеров.

[92] Донато Карризи (р. 1973) — итальянский писатель, журналист и сценарист, автор триллеров.

циклов (в основном романтическое фэнтези) Александра Лисина (7 вхождений, книги не повторяются), Елена Звездная (6 книг), Наталья Жильцова и Марина Эльденберт[93] (4 книги). На четвертом месте Янина Логвин[94], которая специализируется на любовных романах (3 книги), Стивен Кинг и Гоголь тоже с тремя книгами[95]. Названия же в рейтингах за 2018 и 2019 гг. не совпадают совсем.

Если же сравнивать короткие рейтинги и рейтинги за год с советами пользователей, выясняется следующее:

1. Короткие рейтинги значительно более похожи на результаты советов, чем годичные рейтинги.
2. Если книгу советуют в новогоднем флешмобе, она почти гарантированно не появится в годичном рейтинге, и наоборот. Например, роман Алексея Иванова[96] «Пищеблок» (4 место за 2018 год) в рейтинг советов не попал вообще либо набрал менее 10 советов, хотя другие книги этого автора советуют, пусть и немного (4 сотня рейтинга, 20–25 советов). Приводим этот пример потому, что это уникальный разброс: книгу, находящуюся на верхних позициях рейтинга, читатели не рекомендуют вообще. Книга из рейтинга за 2018 год первый раз попадается на 99 месте: это роман Гузель Яхиной «Дети

[93] Литературные имена популярных авторов-женщин, пишущих в основном любовно-фантастические романы и т. н. «женское юмористическое фэнтези». Начинали как самоиздающиеся авторы.

[94] Псевдоним писательницы, пишущей любовные романы из современной жизни.

[95] На популярность Гоголя в рейтингах, вероятно, также повлиял выход киносериала «Гоголь» — в 2018 году вышли вторая и третья часть «Гоголь. Вий» и «Гоголь. Страшная месть» 5 апреля и 30 августа 2018 г. соответственно.

[96] Алексей Иванов (р. 1969) — русский писатель, лауреат нескольких литературных премий. Стал известен после реалистического романа «Географ глобус пропил», однако в основном пишет в жанре, близком к боевому фэнтези.

мои» (53 совета). Далее на 106 месте «Валькирия» Марии Семеновой[97] (52 совета). Всего книг из рейтинга 2018 г. во флешмобе 13 из 764 (~2%).

Вообще попадание во все рейтинги гарантировано скорее автору, который много написал: так и происходит со Стивеном Кингом, у которого 34 вхождения в годичных и коротких рейтингах и 45 вместе с новогодним флешмобом. Отрыв от следующего места в обоих случаях гигантский: в годичных и коротких рейтингах это Роулинг и Ремарк (по 9 вхождений), в сводной таблице всех рейтингов, включая флешмоб, на этом месте Ремарк с 17 вхождениями, у которого вообще нет вхождений в годичные рейтинги. Дальнейший список выглядит так:

3. Джек Лондон — 12
4. Сомерсет Моэм, Нил Гейман — 11
5. Донато Карризи, Алексей Иванов — 10
6. Аркадий и Борис Стругацкие, Федор Достоевский — 9
7. Фэнни Флэгг, Макс Фрай[98], Елена Звездная, Дэн Браун[99], Александра Лисина, Агата Кристи — 8

[97] Мария Семенова (р. 1958) — русская писательница, более всего известна как автор цикла «Волкодав», с которого начался жанр «славянского фэнтези».

[98] Псевдоним Светланы Мартынчик (р. 1965) — русской писательницы украинского происхождения. Первоначально писала под этим псевдонимом совместно с Игорем Степиным. Более всего известен ее цикл о вымышленном мире Ехо, по жанру близкий к фэнтези и магическому реализму.

8. Фредерик Бакман, Франк Тилье, Сомерсет Моэм, Нил Гейман[100], Наринэ Абгарян[101], Михаил Булгаков, Ли Бардуго, Джордж Оруэлл, Джонатан Страуд[102], Джон Стейнбек, Джоджо Мойес[103], Джеральд Бром[104], Анджей Сапковский[105] — 7 вхождений.

На примере Джоджо Мойес покажем падение в рейтингах: ее роман «Все та же я», стоявший в рейтинге-2018 на 1 месте, в марте 2019 г. оказывается на 139-м.

Также можно заметить, как книга, рекомендованная в новогоднем флешмобе, в последующие месяцы несколько поднимается в рейтингах («Мартин Иден», стоящий на 18 месте со 113 советами, в марте поднимается до 158 места по популярности, «1984», посоветованный 50 раз, на 78 месте в марте 2019, «Тень ветра» Карло Руиса Сафона, на 5 месте во флешмобе — на 110 месте в марте 2019).

Единственный автор школьного канона, который обнаруживается в годичных и коротких рейтингах, но которого вместе с тем совсем не советуют читать — это Гоголь.

Единственная книга Льва Толстого, попавшая в новогодний флешмоб — это «Семейное счастье», всего 13 советов. Вместе с тем в марте 2019 мы видим три разных издания «Войны и мира»[106] и «Анну Каренину», а в феврале — еще и «Воскресение».

Из Достоевского советуют только «Бесов», но в феврале и марте мы видим не только «Бесов», но и «Идиота», «Игрока», «Братьев Карамазовых», «Преступление и наказание», «Записки из мертвого дома», «Униженных и оскорбленных»[107].

Еще весьма интересно ведут себя устойчиво популярные книги Джоан Роулинг: в феврале и марте есть все части гепталогии, при этом в годичных рейтингах и во флешмобе советов эти книги не присутствуют. То же самое происходит с «Властелином колец» — в марте мы видим все три

---

[99] Дэн Браун (р. 1964) — американский писатель, известен как автор конспирологических триллеров. Книги неоднократно экранизировались.

[100] Нил Гейман (р. 1960) — английский писатель-фантаст, автор графических романов и комиксов, сценарист.

[101] Наринэ Абгарян (р. 1971) — российская писательница армянского происхождения, автор автобиографических пасторальных книг о жизни в армянской деревне.

[102] Джонатан Страуд (р. 1970) — британский писатель-фантаст, автор книг для детей и подростков в жанре фэнтези.

[103] Джоджо Мойес (р. 1969) — английская романистка, журналистка. Пишет любовные романы в жанре young adult.

[104] Джеральд Бром (р. 1965) — американский художник, работающий в жанрах готики и ужасов.

[105] Анджей Сапковский (р. 1948) — польский писатель-фантаст, автор фэнтези-цикла о Ведьмаке.

[106] Возможно, такой интерес обусловлен тем, что в российских школах изучение этого романа традиционно приходится как раз на весну.

[107] Заметим, что не все эти романы входят в традиционный школьный канон (см. наполнение этого термина в следующей главе нашей работы).

части по отдельности и в одной книге, но больше ни в какие рейтинги за описываемый период книга не попала.

Некоторые рейтинги в большей мере гомологичны: всего в списках за февраль, март и в списке новогоднего флешмоба совпадает 265 книг. По всей видимости, горизонтальные рекомендации читателей определяли структуру чтения более, чем мы предполагали: выше мы уже отмечали корреляцию появления в новогоднем флешмобе с последующим появлением в коротких рейтингах для некоторых книг, то же самое можно видеть и для нескольких книг одного автора: три из трех рекомендованных читателями романов Фаулза есть в коротких рейтингах, такая же зависимость есть у Кадзуо Исигуро[108], Курта Воннегута, Гиллиан Флинн[109], Халеда Хоссейни[110], Дэниела Киза, Артура Хейли, Донны Тартт и др.

В лучших книгах февраля и марта гомологичность еще выше: совпадает 484 книги (~78%).

Однако снятый 20 октября второй рейтинг популярных книг LiveLib продемонстрировал нам противоположную картину. Мы ожидали, что совпадения по наименованиям будут невелики, но что они ограничатся одной книгой (именно «Белая гвардия» М. Булгакова) — не ожидали совсем. Т. е. срок жизни, срок популярности книги, в том числе и нововышедшей, составляет примерно полгода.

Совпадения по авторам, конечно, имеются, но они тоже невелики и представляют собой своеобразный, но ожидаемый набор из Джека Лондона, Ф. М. Достоевского, Анджея Сапковского, Нила Геймана, Джорджа Оруэлла, братьев Стругацких и Бориса Акунина. Отметим необычное отсутствие в совпадениях весьма плодовитого, ныне пишущего и занимавшего много места в рейтингах марта и февраля Стивена Кинга.

Некоторые книги попадают только в новогодний флешмоб (но не в короткие рейтинги — вхождения и во флешмоб и в рейтинги месяца характерны для книг, вышедших давно, но пользующихся устойчивой популярностью, а также для «книг с мертвыми авторами»), иными словами, их советуют читать, но на популярность это никак не влияет. Устойчивой закономерности мы (пока) не выявили, но список выглядит так (мы приводим только тех авторов, у которых 3 и более вхождения в список):

---

[108] Кадзуо Исигуро (р. 1954) — британский писатель японского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе 2017 г.

[109] Гиллиан Флинн (р. 1971) — американская писательница, автор детективных романов и триллеров. Все три ее романа экранизированы.

[110] Халед Хоссейни (р. 1965) — американский писатель афганского происхождения, по основной профессии врач, представитель комитета ООН по делам беженцев. Получил известность после выхода дебютного полуавтобиографического романа «Бегущий за ветром».

Кейт Мортон[111]
Жан-Кристоф Гранже[112]
Юхан Теорин[113]
Сара Эдисон Аллен[114]
Розамунда Пилчер[115]
Джон Харвуд[116]

По жанровой принадлежности это остросюжетные либо любовные романы (чаще с магической составляющей).

Далее мы попытаемся выделить менее явные тенденции чтения, помимо очевидного выбора книг в жанре фэнтези, объединенных в циклы[117].

Большинство даже формально реалистических текстов имеют некоторые фантастические допущения. В связи с этим отметим, в частности, стабильно высокую, причем не только на изученном промежутке времени, популярность «Ребекки» Дафны Дюморье — и практически только этой ее книги. Впрочем, «Ребекка» также отвечает и двум последующим пунктам.

Заметная часть популярных книг посвящена раскрытию тайны из прошлого (это не обязательно остросюжетные романы).

Популярность книг, где главная героиня женского пола (чаще девочка, чем женщина?) Это заметно не только на больших трендах, таких, как фэнтези (сюда же относится популярность такого поджанра, как романтическое фэнтези — т. е. фэнтези, использующее жанровые конвенции любовного романа), но и на присутствии книг с такой героиней в других жанрах (триллеры, литературные сказки, детективы, мистика и проч.).

Популярность книг с сильной сентиментальной составляющей. Книга такого типа в описываемый период уже довольно долго держится на верхних позициях рейтингов — «Вторая жизнь Уве» Фредерика Бакмана (по сюжету угрюмый ворчливый пенсионер обретает новый смысл в жизни).

Разумеется, мы принимали во внимание и соображения экономического характера: в конце концов, мы имеем дело с рынком книг. Однако мы здесь далеки от идеи, что наши читатели движимы исключительно некими «маркетинговыми силами», определяющими их выбор (хотя такие силы и существуют). Сложность взаимодействия между читателем и рынком

---

[111] Кейт Мортон (р. 1976) — австралийская писательница, автор романов, посвященных раскрытию тайны из прошлого героев.

[112] Жан-Кристоф Гранже (р. 1961) — французский писатель и сценарист. Автор остросюжетных детективов и триллеров.

[113] Юхан Теорин (р. 1963) — шведский писатель и журналист, автор детективов.

[114] Сара Эдисон Аллен (р. 1971) — американская писательница, автор любовно-фантастических романов.

[115] Розамунда Пилчер (1924–2019) — британская писательница, один из крупнейших авторов любовных романов.

[116] Джон Харвуд (р. 1946) — австралийский поэт, литературный критик и писатель. Автор детективно-мистических романов.

[117] Это не универсальная тенденция, в [Maryl 2008] автор указывает, что пользователи польского сервиса рекомендации книг BiblioNETka.pl, напротив, предпочитают реалистическую прозу.

состоит в том, что они взаимозависимы — точно так же, как рынок может направлять читателя, читатель может управлять рынком и делает это довольно эффективно (мы легко можем сравнить ассортимент книжного рынка, регулируемого государством с книжным рынком, регулируемым читательским запросом — в нашей стране был проведен, так сказать, натурный эксперимент). К тому же, если смотреть на эту картину как на сложное взаимодействие сил, мы можем увидеть, что в строгом смысле у маркетинга и рекламы нет собственного импульса и собственного посыла. Они только направляют импульс действия, фигуративную силу в виде книги, импульс не свой собственный, а порожденный автором. Импульс этот не принадлежит и автору, он порожден окружающей его культурой, личными обстоятельствами… вплоть до сломавшегося или, напротив, исправного компьютера. Причем этот импульс не остается неизменным: это известно каждому, кто видел, как меняется книга, уже включенная в издательский план — не только в смысле редактирования, но и в смысле времени выхода, как оно соотносится с другими новинками, какая типография печатает, сдал ли художник иллюстрацию для обложки и проч. Мы готовы повторить за Латуром: «...каждый посредник в каждой цепи действия — индивидуализированное событие, так как связан с множеством других индивидуализированных событий» [Латур 2014: 302]. Причем перемещение в этой цепи осуществляется именно посредством трансформации [Latour 1987]. Следовательно, то, что мы видим в рейтингах чтения — не есть продукт рекламных усилий, а скорее ответ на запрос, хотя этот запрос и будет отчасти сформирован маркетинговыми ходами. И перемещаясь по этой цепи от актора к актору, импульс будет неизбежно меняться. Автор передает его книге, книга — издателю, издатель — маркетинговому отделу, который выбирает, как об этой книге сообщить читателю. Однако читатель тоже вправе выбирать, откликнуться ему или нет, и каков будет его отклик.

Теперь взглянем на эти цепи под несколько иным углом зрения.

2.3. Частные списки чтения и их сравнение с общими рейтингами

Теперь от общих наблюдений перейдем к частным — наблюдениям за некоторыми книжными блогерами. Нам уже было известно, что часть рецензентов с LiveLib ведет также блоги на Youtube, где рассказывает о собственном круге чтения, так сказать, во временной протяженности. Для наблюдения мы выбрали именно таких блогеров, как уже было описано выше. Также мы руководствовались идеей о том, что круг чтения у них должен быть как можно более различен. Мы выбрали таким образом шесть блогеров, все это молодые (от 20 до 30 лет) женщины, главным образом живущие в крупных городах, пять из них россиянки, одна украинка. Две из них живут в Москве, одна в Санкт-Петербурге, одна в Сочи и еще

одна в Карачаево-Черкесии (точный населенный пункт в открытом виде она не указывает). Украинка живет между Киевом и Одессой. Все работают либо учатся и работают, у всех высшее образование[118].

Если мы говорим о блогерах, у читателей возникает вопрос: не основан ли их выбор прежде всего на полученном ими заказе на рекламу? Это может быть значимым фактором, но не в нашем случае: у их роликов на YouTube в лучшем случае 5000 просмотров, что, как мы понимаем, для рекламы и SMM не является сколько-нибудь значимым. К тому же сама структура их сообщений о книгах и общения с аудиторией выстроена совершенно не так, как этого бы требовала рекламная подача.

Отправной точкой мы выбрали их списки лучших книг за 2018 г. (у каждой из них имелось такое видео) и далее двигались по каналу в хронологическом порядке до начала апреля, фиксируя книги купленные, прочитанные, планируемые к прочтению (книжные планы — отдельный тип высказывания в таких блогах) — словом, все книги, которые упоминались на канале в течение определенного промежутка времени. Далее мы разделили их на три части: «книги 2018 г.», «книги января–февраля» и «книги марта».

Списки книг за март были ожидаемо меньше списков за февраль и конец января, это легко объясняется тем, что на момент просмотра блогеры еще не успели отснять достаточно видео о чтении в марте. Тем не менее, и они достаточно велики (141 книга против 252 в январе–феврале). К тому же в январе традиционно снимают много книжных планов на год с подробным перечислением авторов и названий.

Если сравнивать эти частные списки с рейтингами ресурса, мы можем увидеть следующее:

1. Больше всего совпадений, если свести все списки воедино, мы видим с новогодним флешмобом советов. Это позволяет нам в первом приближении говорить о том, что этот флешмоб действительно отражает «глас народа».
2. Рейтинг 2018 с LiveLib имеет только два совпадения по названиям со списками лучших книг 2018 г. от блогеров (Евгения Некрасова, «Калечина-Малечина»[119] и Евгения Сафонова[120,] «Лунный ветер»).

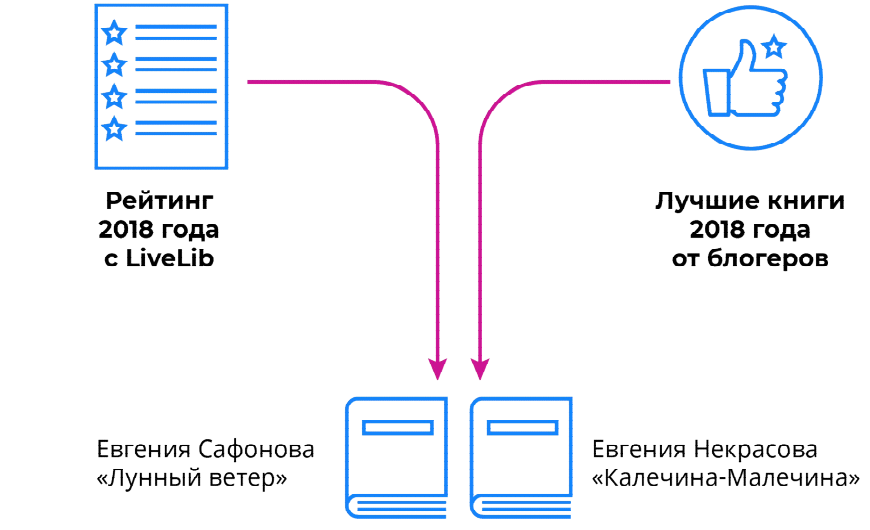
---

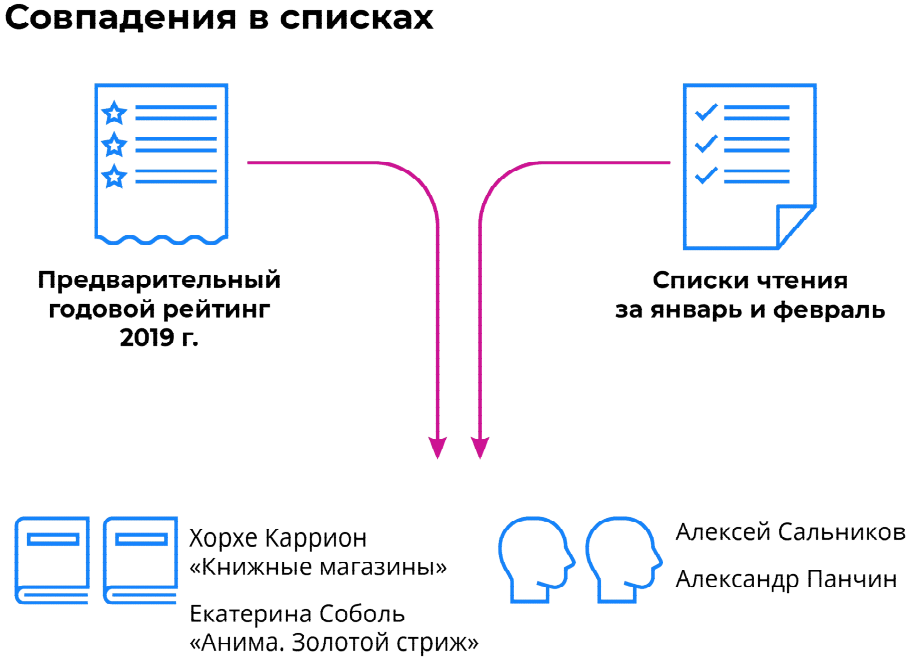
[118] Мы пользовались следующими каналами:
bookspace — https://www.youtube.com/channel/UCAOBfz3tzRgkwR3VHqILYrA
Books Around Me — https://www.youtube.com/channel/UCz4MoaciFjiHuvoJOS6fPNA
Zhem — https://www.youtube.com/user/zhem4
Теория большого чтива — https://www.youtube.com/user/mybigbooktheory
Simply Bookish — https://www.youtube.com/user/SimplyBookish
Peake-week Papers —
https://www.youtube.com/channel/UCxc_X8K5gOpls_0uXcCXtbA

[119] Евгения Некрасова (р. 1985) — российская писательница. Повесть «Калечина-Малечина», написанная в жанре магического реализма, была в шорт-листах нескольких литературных премий.

[120] Евгения Сафонова (р. 1992) — автор любовно-фантастических романов.

Совпадения по авторам включают, помимо упомянутых, также Стивена Кинга, Алексея Сальникова[121] и Оззи Осборна[122].



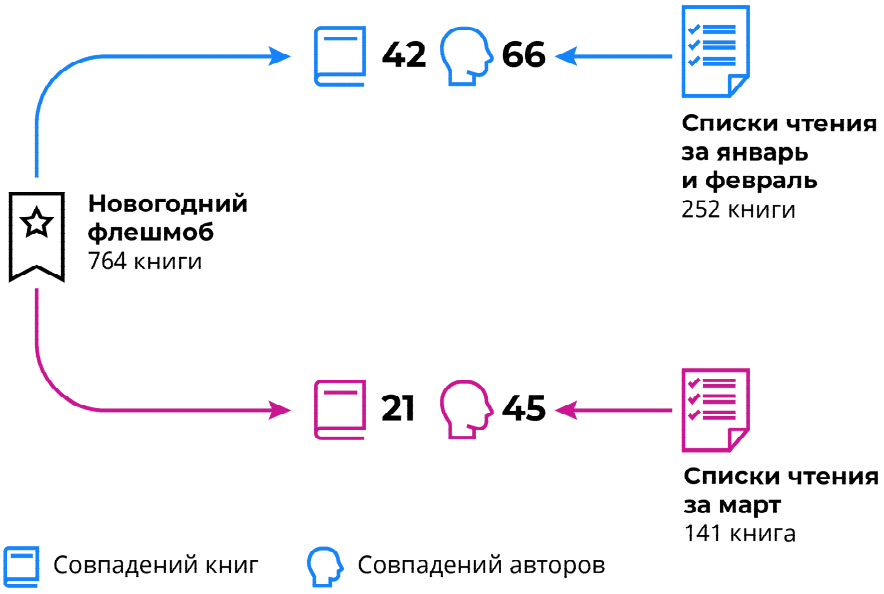


[121] Алексей Сальников (р. 1978) — российский писатель, лауреат премии «Национальный бестселлер» и приза жюри премии «НОС».

[122] Оззи Осборн (р. 1948) — британский рок-певец, музыкант. Известен своим эксцентричным поведением и образом. Речь идет о его автобиографии.

3. Списки книг за январь–февраль и за март также имеют больше всего совпадений с новогодним флешмобом советов, чем с каким-либо другим рейтингом.

Совпадения в списках



4. Предварительный годовой рейтинг 2019 г. имеет крайне мало совпадений со списками чтения за январь и февраль: Екатерина Соболь «Анима. Золотой стриж»[123], Хорхе Каррион[124] «Книжные магазины» и еще три автора — Алексей Сальников, Александр Панчин[125] и Брендон Сандерсон[126] — с несовпадающими книгами. Списки чтения за март не показывают почти никакого сходства: одна книга и три автора (две писательницы романтической фантастики, один очень популярный сейчас автор фэнтези — Марина Суржевская, Екатерина Соболь и Брендон Сандерсон)
5. Вместе с тем, с рейтингом за 2018 г. мы видим относительно больше совпадений: названий книг 8, авторов 21.

---

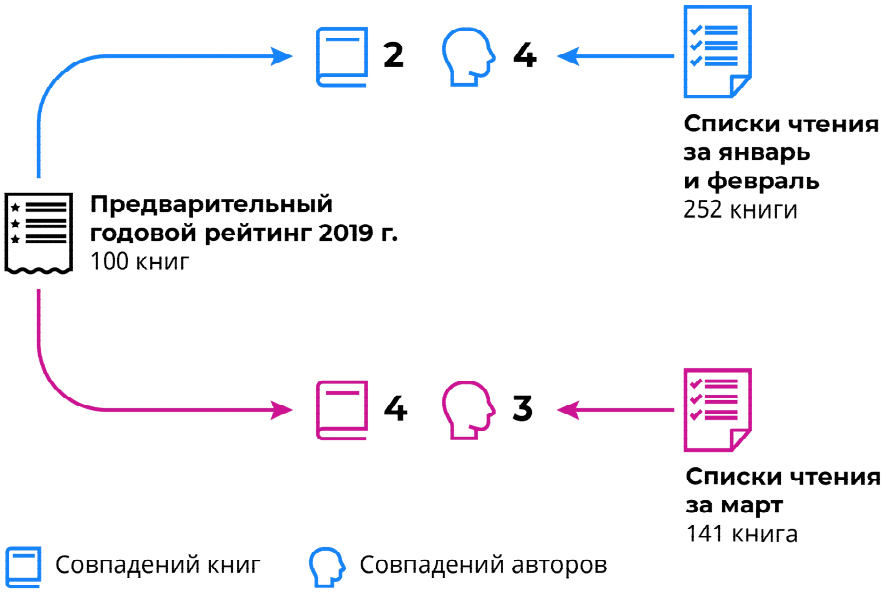
[123] Екатерина Соболь — псевдоним Екатерины Мерзляковой (р. 1988), российской писательницы, работающей в жанре молодежного фэнтези.

[124] Хорхе Каррион (р. 1976) — книжный критик и писатель. «Книжные магазины» — документальная книга о путешествии по самым известными в мире книжным магазинам.

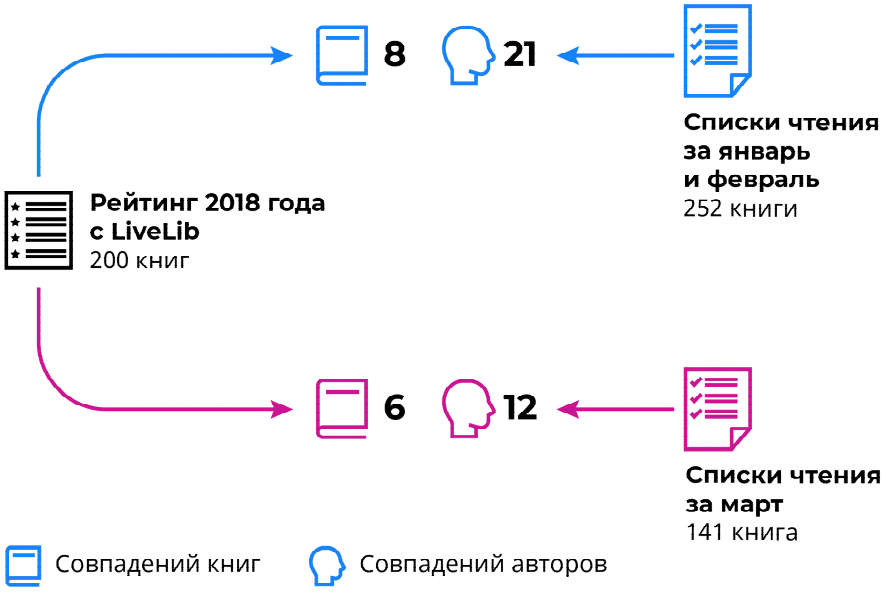
[125] Александр Панчин (р. 1986) — биолог, популяризатор науки, научный журналист. Автор нескольких научно-популярных книг. Лауреат премии «Просветитель» за книгу «Сумма биотехнологии».

[126] Брендон Сандерсон (р. 1975) — американский писатель, пишущий в жанре фэнтези.

Совпадения в списках



Совпадения в списках



Из некоторых качественных наблюдений за списками чтения:

1. Большой популярностью пользуются художественные и вообще иллюстрированные издания. В целом на полиграфическую составляющую книги обращают много внимания и стараются подбирать оформление именно по своему вкусу.
2. Заметную долю в чтении составляют детские и подростковые книги, а также комиксы и графические романы.
3. Из относительно старой литературы заметный интерес к той, что тяготеет к литературе ужасов и бытописанию одновременно (Арчибальд Кронин, Дафна Дюморье)

Прочие наблюдения, приведенные выше (о предпочтении жанра фантастики и книг, объединенных в циклы), равным образом верны и для частных списков чтения.

Из наблюдений за чтением во временной протяженности: есть неявная тенденция откладывать более сложные книги. Например, в отчете о купленных книгах девушка упоминает среди прочего роман Линор Горалик[127] «Холодная вода Венисаны». В дальнейших отчетах о чтении упоминаются все купленные книги, кроме этой, по всей видимости, она ее не прочла. Также она заявляет тему чтения на осень-зиму «русскоязычные хтонические книги», намеревается прочитать «Мелкого беса», но так и не доходит до него.

Прочие наблюдения, приведенные выше (о предпочтении жанра фантастики и книг, объединенных в циклы), равным образом верны и для частных списков чтения. Мы уже говорили об интересе к полиграфической составляющей книги. Кроме оформления, читательницы также всегда отмечают, крупный или мелкий шрифт в книге, много ли текста на странице. Это влияет на их скорость чтения и, разумеется, на реальный объем книги, который им очень важен — в большинстве они любят книги большие, но не слишком: «Глава 24 страницы, вот это я понимаю». Отдельный интерес имеется к картам в книгах: с учетом того, что фэнтези в чтении преобладает, это весьма понятно. Книга этого жанра без карты кажется им не такой интересной, они хотят представлять себе мир, расстояния, взаимное расположение государств и городов.

Вообще комфорт при чтении очень важен: книга, которую читать некомфортно, как в смысле оформления, так и в смысле содержания, теряет в оценке. Если в книге описаны неприятные люди, и рядом с ними нет точки отсчета в виде положительного персонажа, это также влияет на оценку не в лучшую сторону. Если в книге описывают людей, которые поступают дурно, и у этих поступков нет явной авторской оценки, это тоже вызывает раздражение.

Все такого рода претензии, как мы наблюдаем, относятся в основном к формульной литературе.

---

[127] Линор Горалик (р. 1975) — российская писательница, живущая в Израиле. Автор прозы в духе магического реализма.

2.4. Некоторые наблюдения за группировкой авторов по периодам

Выше мы видели, что помимо разного рода формульной литературы (детективов, триллеров, фэнтези, любовных романов и пр.), выходящих в сериях и написанных нашими современниками, наши читатели обращаются и к тому, что мы условно обозначаем, как «книги, написанные умершими авторами». Мы считаем необходимым кратко прокомментировать выбор таких авторов. У нас есть два среза статистики по популярным книгам Livelib, и в обоих случаях 2–3–4 места по количеству наименований занимают Ф. М. Достоевский, Эрих Мария Ремарк и Джек Лондон, уступая только Стивену Кингу. Если мы двинемся по этому списку дальше, отбирая только давно умерших авторов, мы увидим такой набор: М. А. Булгаков, Л. Н. Толстой, Джордж Оруэлл, Дж. Р. Р. Толкин, А. С. Пушкин, Эрнест Хемингуэй, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Теодор Драйзер, Маргарет Митчелл, Н. В. Гоголь, Ильф и Петров, Жюль Верн, Джон Стейнбек, Джейн Остен, Виктор Гюго, Александр Дюма, Владимир Набоков, Агата Кристи, Франц Кафка, Уильям Шекспир, Трумен Капоте, Стефан Цвейг, Роберт Хайнлайн, Марк Твен, Льюис Кэрролл, Курт Воннегут, Джозеф Шеридан Ле Фаню, Ги де Мопассан, Герман Гессе, Генри Райдер Хаггард, Артур Конан Дойл, Антуан де Сент-Экзюпери, Дафна Дюморье.

Если мы обратимся к рейтингу книг в так называемом «Книжном вызове» (он ранжирован по числу людей, прочитавших книгу в рамках вызова, всего строк 1949), мы увидим на 23 и 24 местах соответственно Булгакова и Оруэлла (747 и 745 прочитавших), далее на 37 месте Антуан де Сент-Экзюпери (всего три вхождения), за ним Джек Лондон (7 вхождений всего) и Олдос Хаксли, 45 и 46 — Ф. М. Достоевский (всего 12 вхождений) и Агата Кристи, 48, 49, 50 — Уильям Голдинг, Шарлотта Бронте, Оскар Уайльд. 54 — Эрих Мария Ремарк, 57 — снова Агата Кристи, 59–60 — Джейн Остин (всего 7 раз) и Фрэнсис Скотт Фицджеральд (всего дважды), 64 — Дафна Дюморье (всего 4 раза). Далее по порядку без указания позиций: Эмили Бронте, Евгений Замятин, Джером Д. Сэлинджер (вносим его сюда несмотря на дату смерти), Энтони Берджесс, Кен Кизи, М. Ю. Лермонтов, Артур Хейли, Толкин (всего в списке 8 раз), снова Ремарк (всего в списке 12 раз), Владимир Набоков (6 раз), Л. Н. Толстой (7 раз), А. С. Пушкин (5 раз), И. С. Тургенев (4 раза), снова Оруэлл (всего 6 раз), Александр Дюма-отец (всего 5 раз), Франц Кафка (6 раз), Эрнест Хемингуэй (5 раз), Арчибальд Кронин (3 раза), Сомерсет Моэм (7 раз), Н. В. Гоголь (6 раз), Курт Воннегут (5 раз), Джон Стейнбек (7 раз), Виктор Гюго и Трумен Капоте (по 3 раза), Илья Ильф и Евгений Петров (4 раза), М. А. Булгаков (всего 7 раз), Александр Куприн (4 раза), Джером К. Джером, Этель Лилиан Войнич, Гастон Леру, Гюстав Флобер, Уилки Коллинз (2 раза), Уильям Теккерей, Чарльз Диккенс (всего 6 раз), Андре Моруа (2 раза), Уильям Шекспир (6 раз), Герман Гессе (3 раза), Сильвия Плат, Теодор Драйзер (6 раз), Даниэль Дефо, Борис Пастернак, Луиза Мэй Олкомб,

И. А. Гончаров (2 раза), Клайв С. Льюис (5 раз), Артур Конан Дойл (5 раз), Эмиль Золя, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Герберт Уэллс (4 раза), Вальтер Скотт, Антон Чехов (4 раза), Стендаль, Элизабет Гаскелл, Стефан Цвейг, Томас Гарди, Льюис Кэрролл, Александр Беляев, Вениамин Каверин, Данте Алигьери, Айн Рэнд (2 раза), Ирвин Шоу (2 раза), Генрик Сенкевич, Жюль Верн (5 раз), Николай Лесков, Гарриет Бичер-Стоу, Марк Твен, Роберт Стивенсон (4 раза), Ги де Мопассан (2 раза).

Так мы дошли до книг, у которых во флешмобе оказалось менее 99 читателей, и до 900-й строки таблицы. Посмотрим теперь на этих авторов.

Нам представляется, что их имена легко разделить на группы: школьный классический канон (почти все русские авторы из списка), канон «детско-приключенческий» (из тех, книг, что «спустились в детскую», по меткому выражению Набокова), «большой переводной роман» (Золя, Диккенс, Бальзак, Стендаль, Флобер, Гарди, Гюго и не вошедший в перечисление, но имеющийся в таблице Джон Голсуорси), канон фантастический (кое-кого, например, Рэя Брэдбери, мы сюда не включили по причине относительно недавней смерти) и пятая группа — условно обозначенная нами как «европейский интербеллум».

В пятую группу точно так же можно отнести и часть авторов школьного канона (Булгаков, Пастернак и Замятин, а также Ильф и Петров), часть детского канона (Каверин, Беляев), двух крупнейших фантастов из списка (Толкин и Льюис). Все эти авторы постоянно попадаются в списках чтения, в рейтингах, словом, пользуются устойчивой популярностью при очень большом выборе и ярком фоне массовой литературы.

Что мы тут должны заметить? Что массовая литература, как писал Ю. М. Лотман, понятие не структурное, а социологическое [Лотман 1993: 381] и определяется только отношением той или иной группы к тексту. Таким образом, эти авторы, особенно, как мы видим по популярности и числу вхождений в списки, авторы интербеллума, становятся массовой литературой, максимально популярной и известной среди наших читателей.

Почему именно они? Разгадка может крыться в следующем. Ю. М. Лотман писал, что массовая литература, с одной стороны, черпает приемы, структурные особенности, сам импульс развития в предшествующей литературной традиции, а современную ей литературную традицию воспроизводит слишком рабски и тривиально. С другой же стороны, осколки архаичного в массовой литературе могут оказаться зерном для новых форм (см. [Там же: 380]) Эту мысль продолжает Борис Дубин, утверждая, что «…так называемая популярная литература — это та же литература, что литература “большая”, “настоящая”». Массовая литература, по предположению Дубина, не только повторяет траекторию литературы «большой», но и пробует новые формы, структуры, заново переосмысляет и обнажает старые (см. об этом [Тынянов 1977a, 1977b]), т. е. одновременно реализует «стертые» представления и становится полем эксперимента для новых [Дубин 2010].

Очевидно, что современная массовая литература в значительной мере наследует как приключенческой литературе (включая сюда и фантастику, и прародителей фэнтези), так и большому европейскому роману. К тому же этот последний обучают читать в институциональном образовании, он миметичен и тем самым не то чтобы легок, но скорее привычен для восприятия. Поэтому читатели, привыкшие к современной массовой литературе, равным образом читают и ее прародителей — порог вхождения, видимо, не кажется им высоким.

Равным образом мы можем предположить, что современная массовая литература, возможно, отчасти опирается на некоторые конвенции и структурные особенности также и литературы европейского интербеллума, но этот вопрос еще ждет своего исследователя (в частности, было бы интересно проанализировать структурные особенности жанра young adult[128] в сравнении с романами Ремарка). Как частное наблюдение, оставим здесь еще и замечание о том, что все эти тексты — о мире и людях, далеких от наших читателей, не похожих на их повседневность, и потому, вероятно, вдвойне привлекательных.

Для наших читателей, как мы еще покажем ниже, очень важна иммерсивность текста [Maryl 2008: 404], возможность в него погрузиться, а не продираться сквозь него, и в то же время текст не должен быть для него слишком простым и бессобытийным. По всей видимости, тексты указанного нами периода соблюдают этот важный для читателя баланс.

В заключение скажем несколько слов о том, как все это представляется нам в методологических рамках ANT. Мы имеем дело со «сложным ландшафтом», состоящим как из неовеществленных, так и из вещественных объектов, и нашей задачей было описать этот ландшафт хотя бы частично, по возможности остановившись в местах некоторых особенно заметных скоплений связей между акторами. Несмотря на то, что это связи между объектами, их собирают и связывают между собой социальные отношения — сначала отношения программистов и дизайнеров, создаваших сайт, затем пользователей, переходивших по ссылкам, и затем администраторов, собирающих данные об их поведении и проектирующих на этом основании дальнейшую работу. Все эти действия создают сам ландшафт, состоящий из книг, взаимодействия пользователей с ними и между собой.

Мы не можем с уверенностью заявить, что поведение пользователей на сайте — это социальные отношения, однако те действия и решения, которые привели их на сайт и те действия и решения, которые они производят на самой платформе, безусловно, являются социальными. В них присутствует «человеческое измерение», поскольку, безусловно, все аффордансы

---

[128] От англ. young adult — «молодые взрослые»: направление, ориентированное на подростков и юношество, герои чаще всего соответствуют этому же возрасту. Жанр может быть самым различным, как реалистической направленности, так и фантастической. См. интересное обсуждение: https://prochtenie.org/texts/30102?fbclid=IwAR3O7qh1dCK8ceiDOBrkWbHhgqAs7_uRq90SLZ81ppbwY1A7mRRItepjv9A — доступ 01.03.2020.

любой платформы в интернете ориентированы прежде всего на людей, учитывают их желания, влияют на них. Книга, не встроенная в систему такого рода связей, может и не быть актором, но становясь частью заранее устроенного ландшафта (поля литературы в бурдьеанском понимании, или системы рейтингов, или частного списка чтения, подборки или даже книжной полки), она окутывается множеством связей, которые наделяют ее дополнительными смыслами и заставляют действовать, образуя новые связи и становясь актором в системе.

ГЛАВА 3

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОТЗЫВАМИ НА ШКОЛЬНЫЙ КАНОН

3.1. Определение школьного канона и описание поля исследования

В этом разделе мы хотим рассмотреть отзывы на то, что попадает в поле чтения практически любого человека, окончившего среднюю школу — на классический школьный канон. Почему мы обратились именно к этому набору текстов, проще всего объяснить тем, что именно они составляют то, что Жак Лакан называл *organisation intellectuelle*, становящуюся в процессе обработки институцией *organisation passionnelle*[129]. Антрополог Пьер Маранда применительно к читательскому опыту формулировал это так:

> The set of rational-response mechanisms acquired through schooling and other intellectual activities (reading, conversation, etc.) defines in youth what Lacan has called their organisation intellectuelle ("intellectual makeup"), which, it is hoped by the ruling classes, will become their emotional organization (organisation passionnelle) as well. Formal schooling is thus an important part of a society's survival mechanisms [Maranda 1980: 188].

Проще всего в этом случае канон было определить через программу Единого государственного экзамена по литературе: это тот minimum minimorum, который хоть в какой-то мере известен любому человеку со средним образованием. Наши информанты сообщали также, что тексты, включенные в программу этого экзамена, настоятельно рекомендуется использовать и при написании эссе в части С ЕГЭ по русскому языку (этот экзамен более показателен, так как является обязательным для всех выпускников 11 класса в России).

Из текстов мы отобрали исключительно нарративные, т. е. исключили из рассмотрения обширно представленную в программе лирику. Исследованию подвергся канон XIX века от Грибоедова до Чехова включительно[130], поскольку эта часть и более устойчива (изменения в ней за последние 40 лет невелики), и является предметом более тщательного изучения (по сообщению информантов, XX веку уделяется значительно меньше внимания).

В качестве поля исследования к уже рассматривавшемуся LiveLib мы добавили также крупнейшую сетевую библиотеку Flibusta, где также есть возможность оставлять отзывы и ставить оценки прочитанным книгам.

---

[129] См. [Lacan 1948].

[130] Список произведений приводится по [Скубачевская, Надозирная… 2016].

Мы обратились к этому полю по двум основным причинам: во-первых, это крупнейшая по представленным текстам русскоязычная библиотека, которая, хотя и находится в России под запретом государственных органов, легко достижима посредством нехитрых компьютерных программ. Во-вторых, с точки зрения предлагаемого пользовательского опыта (т. е. аффорданса) она выглядит наиболее аскетично, что немаловажно для читателя, стремящегося к удобству чтения (в частности, она позволяет вывести на экран сразу весь текст, а не листать его по страницам, что некоторые читатели, привыкшие читать с экрана, отмечают как безусловное достоинство).

В-третьих, у нее есть альтернативный способ доступа при помощи программ-ботов в популярном мессенджере «Телеграм». Это почти буквально воплощенная в цифровом виде стойка выдачи книг: пользователь пишет название книги, автора и формат файла и получает файл с книгой для скачивания в запрошенном формате.

И, наконец, именно (и из неспециализированных — только) на «Флибусте» легко можно найти оцифрованные издания классического школьного канона, в том числе и собрания сочинений, содержащие критические статьи, комментарии и т. п.

Flibusta и LiveLib значительно отличаются по размеру рецензий: на LiveLib, поскольку это платформа исключительно для отзывов, а также платформа, нацеленная на то, чтобы побуждать читателей писать как можно больше, преобладают отзывы эссеистического типа и отзывы с подражанием стилю рецензируемого автора[131]. «Флибуста», отчасти в силу технического неудобства, продуцирует более краткие и менее стилистически выдержанные отзывы.

Помимо того, это еще и ресурсы с принципиально различным гендерным распределением и различной посещаемостью (это касается именно системы отзывов, страницы для чтения мы не учитывали). На «Флибусте» значительно больше, чем на LiveLib, пользователей, определяющих себя в мужском гендере: таковы две трети отзывов. С другой стороны, соотношение количества отзывов на «Флибусте» и LiveLib выглядит как 1 к 10 соответственно.

Это расходится с данными о том, что в читательской сфере традиционно преобладают женщины. Впрочем, в немногочисленных отзывах на Тургенева женских текстов значительно больше, в то время как на Гоголя — мужских. По социологическим данным, которые приводят, например, Борис Дубин и Наталья Зоркая[132], женщины в России в целом читают больше, так что вопрос — влияет ли на гендерное распределение гений места или материалы социологических опросов реальных людей нельзя соотносить с отзывами в интернете — остается дискуссионным.

---

[131] К тому же на LiveLib есть система оценки отзывов — и поскольку отзывы-эссе получают стабильно хороший отклик, жанр становится самовоспроизводящимся.

[132] Ср. [Дубин, Зоркая 2008; Дубин, Зоркая 2009].

Мы остановились на flibusta.net, поскольку это поле краткого и сверхкраткого отзыва (такие отзывы составляют до двух третей всех отзывов в библиотеке). Наша гипотеза состояла в том, что, опираясь на краткие отзывы, можно будет выделить те переменные, которые попадаются в рассматриваемых рецензиях и классифицировать рецензии согласно им. Разумеется, более обширные отзывы не будут сводиться к этим элементам, однако, по нашему предположению, будут их более или менее всегда содержать.

Методика работы была следующей: при помощи специальной программы тексты отзывов копировались со страниц произведений, объединялись в датасеты по названию произведения и далее сортировались по числу знаков.

Собственно, минимальным отзывом в этой библиотеке становится один знак, +, но введенный не в поле для оценки, а в поле для отзыва. Самый обширный отзыв насчитывает около 12000 знаков, причем это типичный «тяжелый хвост распределения», так как отзывы такой длины принадлежат одному и тому же пользователю. Мы рассматривали отзывы объемом от 70 до 1000 знаков. Сначала мы предполагали установить верхнюю планку размера отзыва на 100 знаках, но при ближайшем изучении полученной базы выяснилось, что содержательный отзыв начинается примерно с 70. В силу того, что отзывы, которые мы изучали, краткие, сюда не попали отзывы «эссеистического» типа и отзывы, написанные под влиянием художественного метода рецензируемого автора[133].

Из сводной таблицы всех отзывов[134] мы отобрали те из них, что насчитывают от 70 до 1000 знаков, и дальнейшему анализу подвергалась уже только эта выборка. Некоторые тексты имели так мало отзывов, что пришлось их объединять по автору. В число таких авторов попали, в частности, Чехов и Салтыков-Щедрин, причем немалая часть (около половины) отзывов на все тексты последнего, входящие в школьный канон — это споры о том, почему он пишет «пискарь», а не «пескарь»[135].

Здесь стоит заметить в скобках, что некоторые хрестоматийные тексты, например, «Вишневый сад», остаются в этом поле без отзывов. С чем это связано — пока вопрос открытый. Наша гипотеза состоит в том, что без отзывов остаются тексты небольшие и тексты стихотворные, и это еще раз оправдывает наше намерение вывести за рамки рассмотрения лирику.

---

[133] Это была одна из причин, почему мы отвергли LiveLib в качестве первичного поля исследования: нас больше интересовало прямое выражение читательской эмоции.

[134] Доступна по ссылке https://clck.ru/P7huV. Оранжевым выделены отзывы пользователей женского пола, синим — мужского.

[135] Ср., например, http://flibusta.is/b/81133 отзыв в 09:52 (+02:00) / 01-05-2009 и http://flibusta.is/a/20611 отзыв в 01:00 (+02:00) / 24-08-2016: «Согласно нормам правописания XIX века, слово “пескарь” в этой сказке традиционно пишется через “и” — “пискарь”, в том числе в современных академических (с комментариями) изданиях Салтыкова-Щедрина. Некоторые детские иллюстрированные неакадемические издания называют главного героя согласно современным нормам — «пескарь”».

Далее приводится «школьный канон» по состоянию на 2011–16 гг., жирным шрифтом выделены тексты, не получившие отзывов:

А. С. Грибоедов: «Горе от ума»

А. С. Пушкин: «Капитанская дочка», **«Медный всадник»**, «Евгений Онегин»

М. Ю. Лермонтов: **«Песня о купце Калашникове»**, **«Мцыри»**, «Герой нашего времени»

Н. В. Гоголь: «Ревизор», **«Шинель»**, «Мертвые души»

А. Н. Островский: **«Гроза»**

И. С. Тургенев: «Отцы и дети»

И. А. Гончаров: «Обломов»

Н. А. Некрасов: «Кому на Руси жить хорошо»

М. Е. Салтыков-Щедрин: **«Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»**, **«Дикий помещик»**, «Премудрый пискарь»

Л. Н. Толстой: «Война и мир»

Ф. М. Достоевский: «Преступление и наказание»

А. П. Чехов: «Человек в футляре», **«Хамелеон»**, «Дама с собачкой», **«Смерть чиновника»**, **«Студент»**, **«Ионыч»**, **«Вишневый сад»**.

Мы сознательно отказались от дифференциации отзывов по конкретным текстам, поскольку работа в данном случае шла с каноном как единым целым[136], к тому же наивные рецензенты часто адресуются к некоторой устойчивой категории «классики» без разделения на течения и тем более авторов. Хотя легко было заметить, что, например, небольшие по объему тексты порождают значительно меньше отзывов.

3.2. Тематическая классификация отзывов

В отзывах на указанные выше тексты удалось выделить следующие переменные[137] (в скобках после отзыва указано название произведения):

Отзыв-цитата

> А и впрямь, со времен Грибоедова ничего не изменилось. Не про наших ли кремлевских сказано:
>
> «Где, укажите нам, отечества отцы,
> Которых мы должны принять за образцы?
> Не эти ли, грабительством богаты?
> Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
> Великолепные соорудя палаты,
> Где разливаются в пирах и мотовстве»
>
> Как говорится, не в бровь, а в глаз![138] («Горе от ума»)

[136] Ср., напр., [Дубин 2010].

[137] Все цитируемые отзывы приводятся в орфографии и пунктуации авторов.

[138] http://flibusta.is/b/397134 в 17:28 (+01:00) / 16-01-2013

«Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволила брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало к Антипьевне забежит: “Мадам, же ву при, водкю”.»[139]. («Капитанская дочка»)

Парафраз (пародичный — в терминах Тынянова — пересказ сюжета в рамках иного жанра или художественной системы).

Киберпанк. Молодой студент Раскольников отчаянно нуждается в средствах. Однако, работать мнемоником он не желает, и решает убить и ограбить скупщицу артефактов. («Человек я или репликант дрожащий?») Взяв топор со встроенным лазерным прицелом, он направляется к старухе. На месте он прихлопывает не только барыжницу, но и случайно попавшуюся под руку сестру барыжницы. Раскольников забирает деньги и кое-что из артефактов, и, заметя следы, направляется домой. Несмотря на то, что по следу Раскольникова направлен лучший сыщик Города, блэдрайдер[140] Порфирий Петрович, все у убийцы в порядке. Но лишь до той поры, как он начинает испытывать муки совести и понимает, что с ним что-то не то. Еще через некоторое время он понимает, что он — репликант и идет сдаваться блэдрайдеру Порфирию Петровичу. Его с роботессой Сонечкой отправляют на завод по перепрошивке репликантов[141]. («Преступление и наказание»)

Немолодой менеджер из 21 века попадает в тело юного хлыща в веке 19. Хлыщ только что вернулся в дом, где проживает любимая им девушка. Попаданец узнает, что девушка не любит тело, в которое он попал, а любит тело под названием Молчалин. Он сожалеет, что не попал в тело Молчалина, но решает попытаться вернуть расположение Ольги умом, прозорливость и прогрессорской деятельность. Однако, никто его не понимает, и попаданцу приходится бежать из Москвы. Где-то в Подмосковье он покидает тело хлыща и возвращается в свое тело, в 21 век. Хлыщ же возвращается обратно в дом Фамусовых, где легко находит со всеми общий язык, дает по лбу Молчалину и легко отбивает Ольгу[142] (sic! — *А. Г.*). («Горе от ума»)

Читательский опыт (в т. ч. сравнение с институциональным чтением, собственным или представлением о нем, то есть рецензент размышляет о современных школьниках).

Рекомендую всем перечитать еще хотя бы один раз после школы, получите удовольствие — это реальный шедевр[143]. («Мертвые души»)

Видно зависело от учителя литературы, привили любовь в детстве или нет. Перечитывал школьником 4 раза[144]. («Война и мир»)

---

[139] http://flibusta.is/b/270213 в 10:01 (+02:00) / 05-09-2015

[140] Вероятно, имеется в виду blade runner — член особого подразделения правоохранительных органов из фильма Blade Runner. Весь отзыв в целом является отсылкой к этому фильму.

[141] http://flibusta.is/b/169962 в 10:52 (+02:00) / 09-10-2012

[142] http://flibusta.is/b/397134 в 11:40 (+02:00) / 09-10-2012

[143] http://flibusta.is/b/140158 в 20:20 (+01:00) / 11-02-2014

[144] http://flibusta.is/b/175105 в 12:03 (+02:00) / 14-05-2014

Перечитал в свое время раз пять или шесть. Из них будучи школьником раза три. Великое произведение — для русского человека очень важное, причем вовсе не оттого, что во всем нужно соглашаться с графом[145]. («Война и мир»)

да, вещь хорошая, и Вы правы, школа действительно отняла у большей части нашего народонаселения лучшие литературные произведения, ибо, как правило, шедевры взрослой прозы рассчитаны на людей с жизненным опытом, устоявшимся мировоззрением. Школьникам они не под силу и кажутся скучными, неинтересными. К сожалению, мало у кого появляется желание перечитать вновь книги, опротивившие еще в школе[146]. («Мертвые души»)

Читала в старших классах школы. Нравилось очень. Великая книга великого автора. Решила перечитать и — не одолела. Старость, что ли? Или все таки — все в свое время?[147] («Преступление и наказание»)

Ирония

Файл вычитан не до конца! Часто вместо букв — целая строка точек. Иногда вместо целой строфы! Последняя глава почти вся состоит из точек, только некоторые строки распознаны. Требуется исправить![148] («Евгений Онегин»)

Да, коллега, и не говорите — только начал читать и все сразу закончилось. Прямо будто не роман, а коротенькая повесть. Опять же не раскрыта тема отношения Пьера к угнетенным неграм, недостаточно ярко выражена гражданская позиция царя, не вскрыты бессознательные желания московского дна и его связи с оборотнями в погонах — городовыми. В общем — все как-то поверхностно, не глубоко. Но чтение затягивает необыкновенно дерзко закрученной интригой, нескончаемым экшеном и головоломными трюками второстепенных персонажей на разных полях сражений. В целом твердая пятерка, но автору все же нужно работать над собой, научиться растягивать написанное на одной странице на три[149]. («Война и мир»)

По моим сведениям, автор прислушался к мнению читателей и пообещал заново переписать книгу[150]. («Капитанская дочка»)

Восхищение автором

Пушкин — солнце, его любить не нужно — достаточно, что он любит нас и нам тепло[151]. («Евгений Онегин»)

Сколько не читаешь Графа Толстого, реально удивляешься как он мастерски пишет свои произведения[152]. («Война и мир»)

---

145 http://flibusta.is/b/175105 в 11:55 (+02:00) / 14-05-2014
146 http://flibusta.is/b/102645 в 15:11 (+02:00) / 05-08-2011
147 http://flibusta.is/b/169962 в 18:05 (+01:00) / 11-11-2011
148 Разумеется, это отзыв на «Евгения Онегина»: http://flibusta.is/b/123391 в 09:17 (+02:00) / 13-10-2012
149 http://flibusta.is/b/228148 в 15:14 (+02:00) / 07-06-2013
150 http://flibusta.is/b/270213 в 18:20 (+02:00) / 29-06-2012
151 http://flibusta.is/b/123391 в 18:40 (+02:00) / 11-05-2015
152 http://flibusta.is/b/169984 в 17:25 (+02:00) / 08-08-2013

Восхищение текстом

Я не перестаю восхищаться немеркнущей актуальностью, литературным и идейным совершенством этого великого произведения!

Большинство современных авторов портит тонны бумаги на свои никчемные детективы и многословные бредни, которые без потерь для человечества можно сразу отправлять в макулатуру, ибо иначе они будут и дальше уродовать души и вкусы миллионов ни в чем не повинных читателей…

У большинства обогатившихся из-за всеядности (пассажиров метро, к примеру!) минаевых, мариниых, робски и иже с ними днем с огнем не найти ни единой достойной внимания строки.

В то время, как в «Горе от ума» трудно найти реплику, ни одна строка из которой не стала бы афоризмом, пережившим века…[153] («Горе от ума»)

Читая русскую классику словно душой отдыхаю, все так понятно, близко и знакомо. Отличная книга. Только родителей Базарова жаль до слез[154]. («Отцы и дети»)

Тупость, желание угодить в контрасте эгоизма и высокомерия показаны в наивысшей степени. Прекрасный образ провинциального городка с его интригами[155]. («Ревизор»)

Актуализация текста (описание или оценка текста в его соотношении с современностью).

Порфирий Петрофич (sic!) — умница, профессионал, талантливый человек, нашедший своё призвание. Как же нам сейчас не хватает таких честных и принципиальных следаков в следственных управлениях и комитетах![156] («Преступление и наказание»)

Детектив XIX века, написанный на заказ за деньги, так же как современные «Бешеные» и «Слепые». Уровень повыше, конечно, образование все-таки у Достоевского было приличное, не ПТУ с канцелярией УВД, как у современных писак[157]. («Преступление и наказание»)

да.. Герой «Аццкий» тот еще демократ, как он там об охранителях России-то:

К свободной жизни их вражда непримирима,
к Чеченцам Вольным шлют армейский контингент,
Сужденья черпают из забытых газет
дней Сталинграда и освобожденья Крыма!

У меня как раз Скалозуб герой любимый, помницца, был... [158] («Горе от ума»)

Белоленточник там уже есть: Репетилов. Тот самый, что «Шумим, братец, шумим», «секретнейший союз». А Чацкий... Кто-то тут уже испуганно увидел в нем революционера. Да, Чацкий — революционер, пока без единомышленников.

---

153 http://flibusta.is/b/397134 в 18:48 (+02:00) / 21-05-2009
154 http://flibusta.is/b/151517 в 11:32 (+01:00) / 27-01-2013
155 http://flibusta.is/b/74281 в 18:47 (+01:00) / 15-01-2013
156 http://flibusta.is/b/169962 в 20:13 (+02:00) / 27-07-2009
157 http://flibusta.is/b/169962 в 14:53 (+02:00) / 13-09-2012
158 http://flibusta.is/b/397134 в 03:58 (+01:00) / 16-01-2013

ПОКА. И не белоленточники-Репетиловы, взяточники-Фамусовы, гламурные Софьи и паркетные генералы Скалозубы нам нужны сейчас. Чацкие нам нужны, Чацкие[159]. («Горе от ума»)

Деактуализация текста (описание или оценка текста как устаревшего, неактуального).

Не пошла в школе, не пошла и после. Смотреть нужно в будущее, а вы все норовите вздыхать о прошлом. При том очень г**енном прошлом, во всем мире промышленная революция шла, а у нас б**ть крепостные были[160]. («Война и мир»)

Ну, убил и убил. Откуда эти сопли о сверхценности человеческой жизни? С такими идеями можно запросто докатиться до общества описанного Лемом в «Возвращении со звезд». Вам, случаем, в детстве бетризацию не проводили? Человечество резало и убивало всю свою историю. То, что убийство это прямо ужас-ужас!! нам начали активно внушать только во второй половине 20-го века. И упомянутый Вами «фундаментальный психологический барьер, присущий любому, отличающий человека от безумца» и есть то самое внушаемое розовое ням-ням в головах. С хрена ли он фундаментальный то?? Это не значит, что бабушек надо направо и налево мочить, нет. Но и вселенскую трагедию из простого убийства не надо делать[161]. («Преступление и наказание»)

Историко-литературный (либо внетекстовый) комментарий[162]

v-nik, прежде чем ругать книгу, желательно прочитать и подумать.
Скалозуб говорит: «Я с восемьсот девятого служу».
Он начал службу лет в 18, скорее всего юнкером и за 4 года дослужиться до полковника никак не мог. Тем более:
«Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.»
Он два года был претендентом на полковничью должность, скорее всего — подполковник, те никак не мог быть полковником в войне с Наполеоном 1812..13 годов.

Полковником он стал где-то в 1819, выслужился на войне на Кавказе.
«Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.»
А где в 1819..20гг могли перебить его товарищей-офицеров?? — только на Кавказе, других войн Россия в то время не вела[163]. («Горе от ума»)

---

159 http://flibusta.is/b/397134 в 17:42 (+01:00) / 16-01-2013
160 http://flibusta.is/b/175143 в 15:18 (+02:00) / 20-09-2012
161 http://flibusta.is/b/388665 в 23:44 (+01:00) / 28-01-2016
162 Это отдельная очень интересная категория отзывов: в ее рамках рецензент не столько пишет о книге, сколько демонстрирует, что у него есть особые знания об эпохе, истории написания, практической подоплеке — т. е. говорит не о тексте, а о себе. В какой-то мере с этим типом отзывов смыкаются рецензии, написанные в подражание автору рецензируемого текста.
163 http://flibusta.is/b/397134 в 21:42 (+01:00) / 15-01-2013

Сколько копий сломано... А ведь это просто всего лишь попытка (неудачная) написать русский аналог гремевших тогда по всему миру «Отверженных» В. Гюго. «Севастопольские рассказы», имхо, лучше. Забавно, что сам Лев Николаевич скептически относился к этому своему роману и писал о ВиМ в январе 1871 года в письме А. Фету: «Как я счастлив... что писать дребедени многословной вроде “Войны” я больше никогда не стану»[164]. («Война и мир»)

Главный герои — бунтовщик Емелька Пугачев и пугачевский бунт, по цензурным соображениям назвать книгу так было нельзя, назвать именем другого персонажа — не оч честно, назвал проходным женским персонажем.

Ест ИМХО, тк пути мысли гения неисповедимы[165]. («Капитанская дочка»)

Вообще-то, название означает буквально «Война и общество» (слово «мир» употреблено в названии именно в этом смысле, а не в смысле «покой и тишина»)[166]. («Война и мир»)

А вот и нет. Название означает именно «Война и отсутствие-войны». а не «Война и общество». В одном из изданий была допущена опечатка и в ОДНОМ из ВОСЬМИ мест было напечатано «міръ» вместо «миръ». Вот эту страницу и продемонстрировали в «Что где когда» дабы засыпать знатоков. Само Толстой по французски писал “La guerre et la paix”, а не “La guerre et la société”[167]. («Война и мир»)

Отвращение к автору

вечная похвальба Пушкина старым дворянством -болезненная душевная реакция полунегра, попавшего в общество русской знати[168]. («Евгений Онегин»)

То, что достойно, то остается неосмеянным. Бред психически больного Достоевского к этому не относится[169]. («Преступление и наказание»)

Не надо говорить, что Некрасов со своим «Кому на руси жить хорошо» ездил по деревням и весям, обливаясь слезами за бедный русский народ. Скажите правду — что Некрасов жрал в три горла и тратил тысячи направо и налево. Что деревню он видел, проезжая в своей роскошной троечке, медведей стрелять из заграничных ружей[170]. («Кому на Руси жить хорошо»)

Отвращение к тексту

В школе просто не нравилось, но прочитать пришлось. Сейчас считаю своим долгом оградить детей, внуков и правнуков от этого инфернального, душу вынимающего манихейства. « Заложил бы динамиту — ну-ка, дрызнь! Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!» Оценка ноль[171]. («Преступление и наказание»)

---

[164] http://flibusta.is/b/175105 в 19:02 (+02:00) / 20-05-2014
[165] http://flibusta.is/b/270213 в 11:42 (+02:00) / 06-09-2015
[166] http://flibusta.is/b/228145 в 05:43 (+02:00) / 01-07-2012
[167] http://flibusta.is/b/228145 в 07:05 (+02:00) / 01-07-2012
[168] http://flibusta.is/b/123391 в 22:16 (+01:00) / 11-12-2010
[169] http://flibusta.is/b/261797 в 15:42 (+01:00) / 07-01-2013
[170] http://flibusta.is/b/168370 в 11:54 (+01:00) / 14-01-2016
[171] http://flibusta.is/b/169962 в 22:07 (+02:00) / 15-04-2012

Муть несусветная. Герои-штампы, сюжет-бредятина и логические провалы в повествовании, в которых легко затеряется слон. P.S. Автор писал бы эротику (густо приправленную BDSM, разумеется), и вопросов бы не было. Но зачем он свои мечты «нижнего» засунул в фэнтези-антураж, совершенно непонятно[172]. («Преступление и наказание»)

Как автор владел языком — надо б у его супруги спросить, да поздно уж. А книга таки занудная. Четыре раза начинал читать — все таки про Отечественную войну, время интересное, тема любимая, но такая тягомотина ни о чем... Но тогда время такое было — если книжкой убить нельзя, значит не кузяво, вот и строчили толстоевские талмуды толщиной в кирпич, в которых мыслей и идей страниц на триста не самого мелкого шрифта[173]. («Война и мир»)

«Пока Достоевский сидит в казино, Раскольников глушит старух» Книга и в самом деле отвратительная[174]. («Преступление и наказание»)

Защита автора (как правило, возникает в ответ на пренебрежительные отзывы — то есть это ответные реплики. Для нас это тем более ценно, что изучаемый ресурс в этой своей части технически не подразумевает диалога, обратиться непосредственно к пользователю сложно. Поэтому, во-первых, это означает действительно сильное чувство, переживаемое читателем, во-вторых, это, конечно, выглядит не как диалогическая реплика, а скорее как обращение ко всем присутствующим).

Люди вы бы сами попробовали роман в стихах написать, а?
Критиковать легко, понять сложнее. Не в обиду конечно)[175]. («Евгений Онегин»)

Что-то больше не вштыривает ваше глумление над классиками. Придумали бы что-нибудь посмешнее что ли? Или, хотя бы, поновее)[176]. («Капитанская дочка»)

У Достоевского есть свой читатель-почитатель и свой читатель-критик. Как и Д. Донцовой. Коллеги, как не стыдно троллить на ФМ?[177] («Преступление и наказание»)

народ начал переходить на личности. Можно и критиковать классиков, только аргументацию надо приводить посущественнее, чем «имею право не любить». Товарищи, граждане, господа! Не надо писать критические комментарии мертвым классикам. Они вам не ответят. И при жизни их успели пропесочить и после смерти «благодарные потомки» поколения ЕГЭ изгаляются. Критикуйте новоделов, им это на пользу. Учтут в следующих произведениях[178]. («Мертвые души»)

Конечно, есть среди обработанных нами и собственно интерпретативные отзывы, но они по большей части не попали в выборку, поскольку оказались больше, чем заданное ограничение в тысячу знаков. То же самое

[172] http://flibusta.is/b/169962 в 17:41 (+01:00) / 11-11-2012
[173] http://flibusta.is/b/175105 в 10:48 (+02:00) / 14-05-2014
[174] http://flibusta.is/b/388665 в 09:20 (+01:00) / 29-01-2016
[175] http://flibusta.is/b/123391 в 13:22 (+01:00) / 17-11-2013
[176] http://flibusta.is/b/270213 в 05:56 (+02:00) / 28-06-2014
[177] http://flibusta.is/b/169962 в 12:51 (+01:00) / 19-12-2012
[178] http://flibusta.is/b/102645 в 14:10 (+02:00) / 23-05-2015

произошло и с деактуализирующими отзывами. При поверхностном взгляде на методику интерпретаций удалось заметить, что интерпретации, как правило, подвергается мотивация автора либо действия героя (наибольшее количество таких отзывов, разумеется, порождают романы Толстого и Достоевского).

Здесь еще стоит сказать о том, что такого типа рецензент, как правило, не владеет литературной рефлексией и регистрами речи, отличными от разговорного и официально-делового, что, безусловно, сказывается на текстах отзывов.

В целом стоит отметить, что положительных отзывов на школьный канон заметно больше, чем отрицательных, причем значительная часть читателей отмечает, что перечитывает эти тексты во взрослом возрасте, сравнивает впечатления, утверждает статус классики, с одной стороны, с другой — выстраивает с ней какие-то свои, личные отношения, иногда игровые. Этот результат оказался для нас неожиданным.

Как мы уже видели, периодически в рецензиях упоминаются окололитературные факты или наборы фактов разной степени ложности. Обозначим их как фактоиды. Интересно, что они, как правило, всегда одни и те же: история о мире и міре относительно «Войны и мира», паркетный ли генерал Скалозуб, несколько реже — идея о том, что все описания нарядов в романах Толстого придумывала его жена. А, например, история о Пушкине и зайце не появляется никогда, хотя и связь Пушкина с декабристами рецензенты упоминают, и внетекстовые истории, следовательно, она в этом поле вполне могла бы функционировать.

Устойчивость фактоида о неверно интерпретируемом названии романа «Война и мир» настолько высока, что он появляется практически при любой актуализации текста романа, в частности, в связи с экранизацией BBC 2016 г. Возможно также, что после каждой такой актуализации текста в медийном поле мы будем наблюдать взлет числа отзывов на него.

В некоторых отзывах (особенно на тексты исторического характера) мы замечали как бы смещение рамки — более важными оказываются те события, что легко поверить документированной реальностью, чем вписанные в них события вымышленные. Словами Латура, это выглядит так: «...в “Пармской обители” Стендаля битва при Ватерлоо — гораздо более значимое событие, чем связанные с ней переживания Фабрицио дель Донго?» [Латур 2014: 260].

Так же (и что интересно, даже в том же историческом периоде) для некоторых наших читателей описание движения войск, точность датирования, документированные события и проч. оказываются закономерно намного важнее, чем движения души Андрея Болконского на поле Аустерлица или идеи, которые привели Пьера Безухова к попытке убить Наполеона. Это интересно перекликается с идеей Латура о том, что акторы постоянно контекстуализируют вещи:

> Я согласен и с тем, что акторы постоянно как раз это и делают — помещают вещи в тот или иной контекст. Я только утверждаю, что саму эту деятельность по заключению в рамку, саму деятельность по контекстуализации, нужно заставить проявиться… [Латур 2014: 260]

Несколько особняком стоят отзывы-ответы на предыдущие отзывы. Мы выводили за их рамки рецензии, имеющие только единичный маркер согласия/несогласия с предыдущим рецензентом и далее разворачивающиеся как самостоятельный отзыв. Отдельно стоит отметить тот факт, что ресурсы, подобные «Флибусте» и LiveLib, по своей прагматике и структуре не предназначены для общения пользователей (или, во всяком случае, это не первоочередная их задача), поэтому то, что рецензенты вообще откликаются на отзывы друг друга, говорит, на наш взгляд, о том, что ими движет очень сильная эмоция.

Неожиданным оказалось и то, что самый большой процент положительных отзывов был на Грибоедова, и в этих же отзывах встретилось максимальное цитирование. Но с другими стихотворными текстами, пусть и драматургическими, такого не происходит: «Борис Годунов» имеет один отзыв, «Медный всадник» вовсе без них, «Евгения Онегина» цитируют мало. В отзывах на «Войну и мир» разгорелась полемика между пользователями, и к тому же там обнаружилось больше всего так называемых троллинговых комментариев[179], то есть таких, которые нацелены на то, чтобы вызвать у пользователя ответную реакцию или зло над ним подшутить. Применительно к нашему случаю это выглядело так: тролли развлекались тем, что копировали случайные отзывы на книги (чаще всего на современную жанровую литературу) и оставляли их на странице в качестве отзывов на классические или просто популярные тексты, например, на Уголовный кодекс РФ.

Первоначально нам показалось, будто кто-то обучает программу-робота на больших массивах текста, натаскивает его на автоматический постинг. Но оказалось, что это пишут живые люди. Обнаружить такое поучительно уже потому, что рецензенты не только негодуют, но и, оказывается, играют на литературном поле. Интересен и другой аспект: в ходе определения гендера рецензентов приходилось знакомиться с их т. н. «Книжной полкой», то есть со всеми их отзывами на прочитанные книги и с оценками книг. Выяснилось, что в основном в круг чтения рецензентов-библиотечных троллей входит современная фантастика либо популярная параисторическая литература. Тем более интересно, что из круга чтения этих довольно обычных, в общем, современных потребителей литературы

[179] Явление троллинга в социальных сетях знакомо каждому пользователю, однако исследователи обращают на него не так уж много внимания. В целом пользователи-тролли отличаются тем, что провоцируют других пользователей на эмоциональные высказывания, вызывая тем самым склоки и оскорбления в свой адрес. Можем назвать некоторые работы, где раскрывается сам концепт троллинга и поведения троллей: [Golf-Papez, Veer 2017; Buckels et al. 2014; Cheng 2017; Cheng et al. 2015].

не исчезает институционализированная классика, более того, опыт контакта с ней и знания о ней вызывает у них совершенно неподдельные эмоции.

Карлхайнц Штирле сравнивал чтение художественной и не-художественной книги (правда, нужно иметь в виду, что он писал это 40 лет назад и отсылал к нехудожественной литературе того времени) с центростремительным и центробежным движением соответственно:

> While in pragmatic reading the centrifugal movement of the text toward the construction of its meaning proceeds more or less automatically and without effort, the converse centripetal movement, which is the characteristic feature of fiction, proves to be unusual, painstaking, and methodically demanding, all the more when the fictional text is the result of textual procedures outside the boundaries of normal and everyday communication [Stierle 1980: 93].

Нам здесь важно не только замечание о стремлении к центру (видимо, центру значения) для читателя художественного текста, но и то, что такое движение сопряжено с напряжением и усердием (painstaking). Именно так и выглядят споры в интернете о давно прочитанных и еще более давно написанных книгах: как выплескивание очень сильных эмоций, своего рода «терапевтическое выговаривание», как бы ни была неожиданна эта метафора.

Типизация в процессе наблюдения основывается на двух действиях: первое — это мышление по аналогии («это как …»). Именно поэтому типизация может позднее проявиться в нарративах о событии в виде его метафорического уподобления чему-то привычному. Однако более естественный для нее второй нарративный механизм — метонимия. Взгляд наблюдателя не просто «считывает» событие как «похожее на» другие, более привычные события. Он встраивает его в тот же класс, полагает его продолжением ряда «точно таких же» событий. Собственно, этот метонимический перенос мы, как предполагается, можем видеть в определенных стереотипах или паттернах восприятия наивного рецензента: пытаясь зафиксировать свое наблюдение, он либо обращается к привычной практике (написание отзыва или сочинения), либо ищет аналогий со знакомыми ему, скажем, жанровыми, параисторическими или вообще внелитературными текстами, а также социальными событиями (например, политическими протестами). Это многократная, устойчивая интерпретация, что, по нашим предположениям, дает рецензенту возможность успокоиться, коль скоро найдена опора в повседневном опыте.

Что касается связей между читателями, то, по нашим наблюдениям, эта платформа является почти «бессвязной». Это обусловлено прежде всего тем, что встроенные функциональные особенности этой платформы не предполагают образования сообществ посетителей. В частности, регистрация не обязательна, доступ к книгам можно получить и без нее. Пользователю не предлагается участие в какой-либо совместной деятельности, на странице отзывов нет возможности отследить, ответил ли кто-то на вашу реплику, если только не зайти на нее снова. Нет возможности и ответить

или написать конкретному пользователю, зато есть возможность указывать на странице профиля прочитанные произведения (это называется «Книжная полка», но похоже скорее на читательский формуляр).

Все вышеописанное происходит в тех частях интерфейса, которые относятся к библиотечному каталогу. На сайте также имеется форум, где пользователи общаются в рамках, предоставляемых архитектурой этого модуля механизмов, но это лишь небольшая доля от всех зарегистрированных пользователей[180].

Если сравнивать Flibusta с LiveLib, то мы увидим, что первая — это именно библиотека, что подчеркивается заголовком на главной странице: «Флибуста — независимый библиотечный ресурс. Как и в любой библиотеке, просьба соблюдать чистоту, порядок и спокойствие. Здесь читают и работают хорошие люди». Основное место на главной странице уделено способам доступа к ресурсу (Flibusta находится в списках Роскомнадзора), каталожным инструментам, правилам пользования библиотекой и принципам ее работы. В последнее время также появились блоги, которыми по большей части пользуются, по всей видимости, не читатели, а те, кто библиотеку наполняет.

Мы не видим признаков того, что читатели устанавливаются связи между собой, а администрация их поддерживает. В библиотеке читают, а общаются в книжном клубе, и Livelib по сути является именно таковым.

[180] Также на сайте можно вычленить, по некоторым данным, сообщество людей, занимающихся OCR, т. е. оцифровкой и выкладкой книг, но это скорее «библиотекари», чем «читатели».

ГЛАВА 4

ТРЕБОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ. КАЧЕСТВЕННЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

4.1. Предварительные замечания

В советские времена на последней полосе газеты или последней странице книги, рядом с выходными данными, часто печатался призыв: *присылайте ваши отзывы по такому-то адресу*, особенно это касалось детских книг. Т. е. существовала формальная возможность написать в издательство о прочитанной книге, поделиться замечаниями и предложениями. У нас нет сведений, пользовался ли ей кто-либо, но, вероятнее всего, таких людей было немного, несмотря на то, что интенция состояла в том, чтобы изменить книгоиздание к лучшему, обращаясь к институции непосредственно. Сейчас же, в условиях свободного высказывания, не инспирированного никакой институцией, такая возможность востребована и популярна, хотя возможность повлиять на что-то куда меньше. Отчего это так?

На наш взгляд, это интересно соотносится с идеей Мишеля де Серто о том, что чтение и письмо в обществе разъединены как производство и потребление. Облеченные властью страты (сильные) узурпируют письмо как практику производства текстов, оставляя не облеченным властью только чтение (=потребление). Слабые вынуждены, с одной стороны, подчиняться диктату сильных; с другой же стороны, они, не имея возможности сопротивляться, творчески перетолковывают эти правила в свою пользу, искажают и пародируют язык власти, и тем самым подрывают диктат сильных изнутри и отвоевывают себе право на производство смыслов.

Длительная подавляющая легитимация единственно возможного прочтения со стороны облеченных властью была подорвана интернетом, где высказаться может каждый. Не то чтобы раньше мы не имели возможности видеть высказывания наивных читателей, но, во-первых, никогда прежде их не было так много, а во-вторых, большая часть таких высказываний была инспирирована извне исследователями или педагогами, а часто и управлялась ими (так работали Топоров, Алчевская, Банк и проч.) Сейчас же мы имеем дело с высказыванием, к которому ничто не вынуждает, над которым не стоит никакая институция.

Модель поведения среднего пользователя сети Livelib, по нашим сведениям, выглядит так. Начало чтения — школьная программа[181], затем читатель переходит на российскую массовую литературу (то, что обычно обозначают как «Донцова»), затем увлекается переводной

[181] По-видимому, рекреационное чтение до определенного возраста попросту не популярно.

литературой (вероятные точки входа — «Гарри Поттер», «Сумерки», «50 оттенков серого», романы Дэна Брауна) и там и остается. Здесь нужно отметить, что тем самым подразумевается, что читатель осведомлен: кроме тех книг, что он читает сейчас, есть еще какая-то, более крупная или сложная литература. Чтение Дэна Брауна автоматически не приводит к чтению Кадзуо Исигуро[182].

Портрет среднестатистического читателя из этой сети — женщина около 30 лет, в среднем читающая переводные книги, скорее про современность, с продолжением, часто фэнтези[183].

4.2. Практики наряду с чтением

Некоторые виды горизонтальных рекомендаций удобнее рассматривать в качественном, а не количественном аспекте. В частности, такому рассмотрению поддаются многочисленные книжные челленджи и книжные игры. Первые мы уже описывали выше (см. параграф 2.1.), здесь обозначим только, что их можно поделить на количественные и качественные.

Обязательство прочесть некоторое количество книг за определенный срок, обычно за год, мы назовем количественным челленджем, а более сложный вариант — чтение списка книг по заданным параметрам, с отчетами по каждому пункту — челленджем качественным.

Приведем пример такого списка. Интересен он тем, что взят с ресурса, книгам не посвященного, что говорит о распространенности практики (орфография и пунктуация с некоторыми изменениями):

1. Любимая в детстве или юности, которую с тех пор не перечитывали
2. Изданная в 2019 (в оригинале или русском переводе)
3. Хайповая (*т. е. вызвавшая много шума. — А. Г.*)
4. О которой «никто не слышал»
5. Впервые изданная в год твоего рождения
6. Нового или просто непривычного для тебя жанра
7. Получившая литературную премию (любую)
8. Давно обитающая на читалке/в списке «прочитать», но все время откладываемая
9. Начало цикла
10. Конец цикла
11. Переведенная с неевропейского языка
12. О которой услышал впервые на [ресурсе]
13. Экранизированная не раньше 2014 года
14. Графический роман или книга, где иллюстрации играют важную роль
15. Когда-то недочитанная
16. Которую проходил в школе

[182] ПДА, информант М, 32, в/о.
[183] ПДА.

17. Изданная под псевдонимом
18. Дебютная
19. Которую, кажется, читали все, кроме тебя
20. Гилти плежер (*guilty pleasure — «удовольствие, в котором стыдно признаваться». — А. Г.*)
21. Которую не читал ранее, но почему-то осуждал/имел заранее предвзятое мнение
22. «С национальным колоритом»
23. Основанная на реальных событиях
24. Автора, которого любил раньше, но охладел
25. Нового для себя автора[184].

Как видим, здесь перечисляются не внутритекстовые, но главным образом внетекстовые признаки («книга, которую читали все, кроме тебя», «давно откладываемая», «изданная в год твоего рождения»). Иногда в такие задания включаются, например, особенности оформления обложки книги или условный канон, в который она входит (например, школьная программа, списки вроде «100 классических фантастических романов» или шортлисты литературных премий). Случается, что условием задания может быть «книга с цветами на обложке» или «книга, которую проходят в школе, но ты не читал».

Обратим внимание, что речь не идет о какой-либо упорядоченности, о внутренней логике списка, о том, что он предназначен для какой-либо конкретной цели. Это список-игра, и часть игры состоит в том, чтобы подобрать нужную книгу по критериям. По нашим представлениям, именно выбор чтения занимает значительную часть времени современного читателя. Далее мы постараемся обосновать, почему так происходит.

В интервью с администратором и пользователем социальной сети LiveLib мы зафиксировали такое мнение: человек, на постоянной основе развлекающий себя чтением, рано или поздно понимает, что интересных книг больше, чем он может прочесть за всю жизнь[185]. Поэтому потратить время на книгу, которая окажется, в конце концов, дурной — подлинный «кошмар книгочея». Книжный рынок, где книги постоянно прибавляются, напоминает море, в котором читатель тонет: невозможно прочесть все, что выходит, и невозможно прочесть даже все, что может понравиться.

Читателю необходимо как-то структурировать это пространство, добиться его упорядоченности. Разного рода горизонтальные рекомендации, как от блогеров, так и полученные в ходе игровых практик, помогают не утонуть в этом книжном море. Списки такого типа формируются

[184] Разрозненность этой классификации неизбежно наводит на мысль о Борхесе и его «Небесном эмпориуме благодетельных знаний» с классификацией животных на «принадлежащих императору, набальзамированных, прирученных, молочных поросят…» [Борхес 1992].

[185] ПДА: интервью от 04.08.2017 (м., 32, в/о, Москва).

не только внутри книжных челленджей но и внутри более сложных практик — книжных игр.

Книжных игр на платформе LiveLib много, сами пользователи делят их на игры-лотереи, игры со свободным выбором, игры-рецензии и командные игры. Первая часть — игры-лотереи — в основном состоит из игр, где пользователь обязуется прочитать за определенное время некоторое количество конкретных книг, либо книг на обозначенную тематику, темы или книги могут выбираться случайно или сложным образом разыгрываться. На какую-то часть прочитанных книг пишут рецензии, но такого обязательства в правилах нет. Интересно, что часто, как и в следующей категории, книги обозначаются по внешнему формальному признаку, например, «книга с цветами на обложке» или «книга толще 500 страниц». За прочитанные книги игрок получает какие-то условные награды.

Игры со свободным выбором представляют собой движение по условной игровой карте (более или менее интерактивной — варьироваться она может от «змей-лестниц» до карты с покемонами), где в качестве заданий выступает чтение книг на определенную тему, иногда предваряющееся простым заданием вроде загадки. Простой пример: в первом туре игры «Вокруг света с… литературным персонажем» персонажем тура был Филеас Фогг, останавливавшийся в своем путешествии в 13 пунктах. По этим точкам движется читатель и читает о них книги.

Одна из наиболее популярных игр такого рода — «Собери их всех», появившаяся на волне популярности мобильной игры Pokemon Go, и соответственно, имеющая неофициальное название «Покемоны». В ней пользователь перемещается по рисованной карте, получает задания прочесть ту или иную книгу, и в награду за это переходит на другую клетку карты или получает фигурку покемона. Игра пользовалась настолько большой популярностью, что появились видеоотчеты на Youtube о годе игры в «Покемонов» и, соответственно, прочитанных в ходе нее книгах.

В качестве примера можно привести получасовое видео одной из участниц[186] этой игры, где она перечисляет, какие ходы сделала по карте, какие книги прочла и каких покемонов за это получила. Задания, которые она получила от организаторов игры, выглядят следующим образом:

1. Прочитать книгу, на обложке которой есть бабочка (Ричард Адамс[187], «Обитатели холмов»)
2. Книга о весне, объемом не менее 400 страниц (Джулия Стюарт, «Тайна голубиного пирога»)
3. Книга о книгах, от 400 страниц (Роберт Гэлбрейт[188], «Шелкопряд»)
4. Хэллоуинский квест: хоррор (Рик Янси[189], цикл «Монстролог», роман «Проклятие вендиго»)

[186] https://www.youtube.com/watch?v=YjhOvnTsnks — доступ 02.02.2019.

[187] Ричард Адамс (1920–2016) — английский писатель, больше всего известный циклом сказок о кроликах под названием Watership Down (рус. «Обитатели холмов»).

[188] Псевдоним Джоан Роулинг (см. выше).

5. Современная русскоязычная литература от 2000 года (Евгений Рудашевский[190], «Эрхегорд»)
6. Магический реализм (Исабель Альенде[191], «Дом духов»)
7. Любая книга, но чем больше страниц, тем лучше (Стивен Кинг, «Долорес Клейборн», Иэн Макьюэн[192], «Искупление», Екатерина Соболь, цикл «Дарители» («Короли будущего», «Игра мудрецов»))
8. Роман о музыканте (Иэн Бэнкс[193], «Улица отчаяния»)
9. Преступники и маньяки (Майгулль Аксельссон[194], «Я, которой не было»)
10. Книга любимого автора, с возрастанием минимального объема при повторном взятии квеста (Макс Фрай «О любви и смерти», Робертсон Дэвис «Что в костях заложено», Макс Фрай, цикл «Сновидения Ехо» — «Сундук мертвеца», «Отдай мое сердце»)
11. Книга с зимней одеждой на обложке (Ольга Громыко[195], «Верные враги»)
12. Книга этого года (Алексей Сальников «Петровы в гриппе и вокруг него»)[196]
13. По головам: книги о карьеристах (Теодор Драйзер «Американская трагедия»)
14. Книги с рыжеволосыми персонажами (Эрин Моргенштерн [197] «Ночной цирк»)[198].

Для некоторых ходов читательница использует книги, взятые для других игр и флешмобов (правилам это обычно не противоречит). Интересно, что на большинство ходов читательница показывает бумажную книгу, и, как видно из формулировок заданий, составители опираются на современное книгоиздание с его традицией красочных рисованных обложек.

---

[189] Ричард «Рик» Янси (р. 1962) — американский автор, пишет романы ужасов и постапокалиптическое фэнтези.

[190] Евгений Рудашевский (р. 1987) — российский писатель и журналист. Книги посвящены главным образом взаимодействию людей и животных.

[191] Исабель Альенде (р. 1942) — чилийская писательница, автор романов в духе магического реализма.

[192] Иэн Макьюэн (р. 1948) — британский писатель, сценарист и драматург, лауреат Букеровской премии.

[193] Иэн Бэнкс (1954–2013) — шотландский писатель, работавший главным образом в жанре научной фантастики. Книги отличаются мрачным и натуралистичным колоритом.

[194] Майгулль Аксельссон (р. 1947) — шведская писательница и журналистка. Начинала как автор публицистических работ о детской проституции и проблеме бедности, романы также отличаются остросоциальной окраской.

[195] Ольга Громыко (р. 1978) — русскоязычная писательница из Беларуси, автор книг в жанре юмористического фэнтези.

[196] По поводу этого пункта заметим, что это единственное пересечение с рекомендациями книжных критиков и победителями книжных премий. И именно об этой книге читательница говорит, что книгу поняла не совсем, но благодаря участию в книжном клубе «Синие занавески», образованном из пользователей того же LiveLib, разобралась лучше, «получила ключи» и смогла оценить роман по достоинству. Таким образом, реализуется еще одна функция сообщества — помощь в анализе и интерпретации.

[197] Эрин Моргенштерн (р. 1978) — американская писательница и мультимедийная художница.

[198] https://www.youtube.com/watch?v=YjhOvnTsnks — доступ 04.02.2019.

Опишем чуть подробнее три игры-рецензии: «Спаси книгу — напиши рецензию» (правила требуют писать рецензии на книги, у которых на сайте нет ни одной рецензии), «Несказанные речи» (рецензии на книги, прочитанные когда-то давно) и «Урок литературоведения» (рецензии на литературоведческие книги, не специфически научные, хотя лекции Набокова по русской литературе и некоторые работы Лотмана там встречались — в частности, комментарий к «Евгению Онегину» и «Внутри мыслящих миров»)). Правило о написании рецензий также есть в игре «Книгомарафон», где участникам каждый месяц выдается тема, на которую они должны прочесть книгу или книги. В этой игре есть и конкурс рецензий. Рецензии пишут также и в рамках командной игры «Долгая прогулка», где команде из 4 человек ежемесячно выдаются основные и дополнительные задания. Пользовательница в ролике, который мы цитируем ниже, говорит, что в этой игре попадаются наиболее сложные книги. Одной из мотиваций участвовать в игре становится то, что игра мобилизует их в деле чтения.

В частности, одна читательница в ролике-обзоре книжных игр говорит: «Если вы все еще задаетесь вопросом, стоит ли играть в книжные игры, я вам скажу вот что. В этом году я прочитала в два раза больше книг, чем в предыдущем, не в последнюю очередь потому, что я активно участвовала в различных книжных играх, в частности, в «Покемонах»[199], соответственно, какие-то сроки или цели в этих играх — они ускоряли мой темп чтения[200], я находила (*подчеркивает голосом. — А. Г.*) время почитать побольше, чтобы успеть к тому или иному моменту…»[201]. Реклама ежегодного книжного челленджа также побуждает к тому, чтобы читатель читал как можно больше: «...вы бросаете себе вызов — сколько книг вы готовы прочитать в этом году? Каждая прочитанная книга приближает вас к цели».

Укажите количество книг, которое вы прочтёте до конца года. А мы поможем вам добиться нужного результата! Наш виджет составит удобный график чтения, даст книжные рекомендации и подскажет, когда вам стоит поднажать, чтобы достичь цели. Создайте вызов и докажите, что можете![202]

К такого рода игровой активности также примыкают запросы в сообществах «порекомендуйте книгу по заданным параметрам»[203]. Чаще это

---

[199] Читательница имеет в виду игру «Собери их всех» с интерактивной картой, где пользователи перемещаются самостоятельно и ловят покемонов.

[200] По-видимому, скорость чтения для этих читателей исключительно важна: об этом говорят, в частности, челленджи вроде «1000 страниц за 5 дней».

[201] Путеводитель по Книжным Играм | С чего начать? https://youtu.be/oIl8tGsgeZY — доступ 04.02.2019.

[202] https://www.livelib.ru/challenge/2019 — доступ 25.04.2019.

[203] Проблема прямого наивного запроса была отрефлексирована еще Пушкиным в «Пиковой даме», ср. просьбу старой графини:

— Paul! — закричала графиня из-за ширмов, — пришли мне какой-нибудь новый роман, только, пожалуйста, не из нынешних.

— Как это, grand’maman?

относится к формульной или жанровой литературе (см. подробнее [Maryl 2014]), но может также расширяться на все поле литературы[204]. В рамках подобных «попыток упорядочивания» можно выявить однозначные предпочтения читателей (как, например, указанный в [Radway 1984] и [Maryl 2014] «хороший конец» для любовного романа) и столь же однозначные анти-предпочтения (например, изнасилование героини, см. [Radway 1984]).

В читательских сообществах также популярны обсуждения текстов с конкретными жанровыми признаками: например, любовных романов про вампиров или фантастики про зомби. Это позволяет читателям не только объединяться в сообщества, но и обмениваться рекомендациями книг на любимую тему.

Все такого рода действия — не только игры и челленджи, но и так называемые «тэги» — флешмобы с ответами на заданные списки вопросов — представляют собой разновидность горизонтальных связей в сообществе читателей (строго говоря, в нем вообще мало связей вертикальных — разве что с издательствами). Связи эти трудно поддаются фиксации: не обратись мы к внутригрупповой деятельности — книжным играм — мы могли бы их и вовсе не заметить. Но в то же самое время нет сомнений в том, что они существуют и определяют действия читателей и в конце концов их идентичность: видеоблогеры называют свой сегмент на YouTube — BookTube («БукТьюб»), в Instagram — Bookstagram.

Эти сегменты не выделены на самих ресурсах каким-то отчетливым образом, но читатели, по всей видимости, определяют и ощущают их как существующие.

В заключение отметим, что, если действовать в рамках, подсказываемых ANT или социологией ассоциаций, можно определить такого рода игровые взаимодействия так:

> следуйте за сплетениями акторов через вещи, добавляемые ими к социальным способностям для придания большей продолжительности постоянно меняющимся взаимодействиям [Латур 2014: 97].

Это важно, поскольку в нашем поле мы много имеем дело с вещами (в основном, книгами, но не только[205]), которые порой и действуют, как и объекты в понимании ANT.

— То есть такой роман, где бы герой не давил ни отца, ни матери и где бы не было утопленных тел. Я ужасно боюсь утопленников! [Пушкин]

[204] ЖЖ-сообщество chto_chitat может дать обширный материал по этому вопросу. Первый попавшийся пример:
«Добрый день!
Подскажите, пожалуйста, книги, где присутствуют крылатые существа, кроме самых распространенных (вроде драконов, ангелов или пегасов).
Какие-нибудь крылатые кошки или собаки, хомяки или киты. Не знаю кто еще».
https://chto-chitat.livejournal.com/13161370.html — доступ 04.02.2019.

[205] Можно назвать, например, книжные стеллажи — довольно много высказываний посвящено их организации, расстановке книг и пр.

> ...если мы тверды в своем решении начать с разногласий по поводу акторов и действий, то любая вещь, изменяющая сложившееся положение дел тем, что создает различие, является актором, или, если у нее еще нет фигурации, актантом. Таким образом, по поводу любого агента надо задать следующие вопросы: вносит ли он какое-нибудь изменение в ход действия какого-то другого агента или нет? [Латур 2014: 101]

Мы уверенно утверждаем, что книги (являющиеся здесь, по всей видимости, акторами) вносят изменения в ход действий наших агентов: они «врываются» в их планы чтения, «затягивают» сроки или «затягивают в себя», вызывают отторжение, изменяют чувства читателей, конструируют новые понятия. Но об этом ниже, в следующем параграфе.

4.3. Что читатели любят и чего не любят (качественные наблюдения)

4.3.1. Первая качественная оценка: явно выраженные требования

Для качественных наблюдений за кругом чтения мы обращались, помимо рецензий на известных сайтах, также к кругу видеоблогеров, описанному выше в параграфах 3.1. и 3.3. Нам показалось важным не только сравнить их наблюдения со статистическими данными, но и применить некоторые методы качественного исследования непосредственно к ним.

Если мы более пристально посмотрим на требования читателей к книгам, выяснится, что они в большой мере обусловлены тем, что значительную часть их чтения составляют книги с фантастическими допущениями, и жанровые установки таких книг задают стандарт и, скажем шире — фон чтения. У нас есть пример того, как девушка-книжный блогер перечисляет то, что ее раздражает в книгах: по большей части это сюжетные и мотивные штампы жанра фэнтези[206]:

> 18 вещей, которые бесят в книгах:
> 1. Слитая концовка (скомканный финал), когда ты сильно захвачен героями, а потом концовка на какие-то пять страниц
> 2. Фиксация на образе главной героини, а не на эпических битвах и масштабных событиях
> 3. Любовные треугольники
> 4. Наставник главного героя (старичок, владеющий магией, работает гуглом для главного героя)
> 5. В книге не работает разнообразие рас. Магия ради магии, а не ради сюжета (когда героиня могла быть обычной школьницей, а не потомственной ведьмой)
> 6. Герой слишком быстро смиряется, что он избранный

[206] https://www.youtube.com/watch?v=KcCG3FTOKN8 — доступ 09.04.2018.

7. Герои беспричинно ненавидят друг друга
8. Отсутствует мотивация у антагониста, он просто плохой
9. Когда убийца берется откуда ни возьмись, и у тебя не было шансов его узнать
10. Импонирует сюжет, но язык сухой и отвратный (*«Чтец» Бернхарда Шлинка*) или сюжет полная дичь, но язык такой вкусный, что вы готовы съесть эту дичь (*«Лолита» Владимира Набокова*), теперь всегда ищу баланс между сюжетом и языком
11. Второстепенные персонажи не только картонные, но и не делают ничего
12. Разномастная солянка из имен разного происхождения
13. Разговорчики перед смертью («я тебя убью — нет, это я тебя убью»)
14. Современный сленг (в художественной литературе очень режет глаза)
15. Чересчур хитро выдуманные имена
16. Слишком сексуальные героини в комиксах (когда это их единственная черта, а все другие персонажи уродливы им в противоположность)
17. Рояли в кустах (но ружья на стене и рояли в кустах — это разные вещи)
18. Акцентированное на мимике внимание (прищуривает, вскидывает бровь — и ты сразу понимаешь, что это не реальный человек, а нарисованный образ автора, а в хорошей книге ты как будто знаешь, что он настоящий).

Ее же предпочтительные темы для развлекательного чтения выглядят так (она обозначает это как «мои книжные да»):

> Сказки на новый лад
> Бойся своих желаний
> Путешествия во времени/параллельные реальности
> Нетипичный young adult
> Герой находится на грани своих возможностей
> Абьюз (токсичные отношения), чтобы порыдать[207].

При этом читатели (в основном читательницы) никак не рефлексируют, например, то, что круг их чтения составляет по большей части не высокая литература, что они читают «не то, что должно» — напротив, они уверены в своем выборе, не говорят о том, что хотели бы побольше читать «классики» и не соотносят свой выбор чтения с рекомендациями литературных критиков. Можно сказать, сама инстанция литературной критики, вообще «рекомендация сверху», рекомендация кого-то, имеющего больший символический капитал, для них не существует.

Вообще, некоторые требования современных читателей удивительно похожи на описанные в книге [Добренко 1997] требования крестьян и рабочих: книга должна содержать полезные для жизни рекомендации[208], литература должна быть оптимистичной, герой должен быть «как в жизни», сюжет должен развиваться последовательно, должен быть занимательным,

---

[207] Не можем не отослать здесь к описанному выше понятию «шока» у [Felski 2008].

[208] Ср. с тем, что в исследованиях чтения 20-х гг. ⅔ корпуса предлагаемых текстов занимала научно-популярная и пропагандистская литература [Деревенская беднота и библиотека 1927; Крестьянская молодежь и книга 1928]. Исходя из этого, требования читателей неудивительны.

«с приключениями», книга должна быть написана понятным языком, похабщину печатать нельзя.

Пример таких совпадений можно представить в таблице:

Формулировка требований у Добренко	Читатель 20-х годов	Современный читатель
Книга должна быть познавательно полезной. (Книга должна содержать практически полезные («для жизни») рекомендации)	«Полезная. Помещено объяснение непонятных слов и азбука Морзе» (М., 20 л.) — о книге Владимирского «Шахта изумруд»; «Полезная. Учит правильно жить женщину» (Ж., 18 л.) — о книге М. Горького «Мать»; «Полезная. Учит, до чего доводит водка» (Ж., 22 г.) — о книге А. Неверова «Авдотьина жизнь»; «Полезная. Показывает, что деревня страдает от своей темноты» (Ж., 22 г.) — о книге А. Неверова «Андрон Непутевый»	Мне очень трудно разобраться с мотивацией автора. Зачем он это писал, для кого. Говорят, живет же он у себя в Казани, еще книги пишет. И мне тут интересна не целевая аудитория, а вот то, что происходит в голове у автора в этот момент. Потому что лично меня эта книга не поразила, не обрадовала, не возбудила, не сподвигла ни на что, не заставила меня грустить, не дала мне никаких новых мыслей и идей, не дала мне ничего ценного. Вот. Не дала мне никаких новых мыслей и идей, не дала мне ничего ценного. А значит, совершенно бесполезна для меня. Россия многонациональна. Этот постулат в последнее время звучит все чаще. Но кто что знает о жизни, быте, обычаях малых народностей? Меря — знакомое слово. Но как они живут, чем дышат? Осокин рассказывает об этом. Интересно, эмоционально, познавательно. И очень жаль, что книг о малых народах России откровенно мало. Нужно знать тех, кто живет в России, знать свою страну. Ведь это — Родина. — То есть даже с этнографической точки зрения ваша книга бесполезна и никакой информации о подлинных об-

		рядах этих народов не несет, там только вами выдуманное собственное язычество? — перефразировал Известный Психотерапевт. — Ну да, — растерялся от такого уточнения Автор.
Литература должна быть оптимистичной	«Нужно не прошлое, такое обыденное и серенькое, а нужно, чтобы литература диктовала здоровую и красивую, нравственно-красивую жизнь» (рабочая, 23 г. — о «Цементе» Ф. Гладкова)	— Может, потому, что я люблю убегать в тексты, а этот текст выплескивает меня в быт?.. Может, потому, что у осокина оживают страшные вещи и страшно овеществляются люди?.. Может, потому, что в этих драных джинсах рассказах я вижу не особый авторский стиль, а неряшливость и бессмысленность?.. Доктор, что со мной не так?!.
Герой должен быть, «как в жизни»	«Все верно описано, я сама из деревни и могу сказать, что все рассказано точно, как оно и на самом деле бывает», «Кто так хорошо подслушал, да написал, ну точно, как в жизни было!», «Как прочтут в деревне, скажут — небылица в лицах», «А в какой местности это было?», «Поверили бы, если бы было указано, где, в какой губернии, в каком уезде это было, а так получается это не факт, а одна коммунистическая мысль» (крестьяне о «Бабьей деревне» А. Серафимовича)	и в некотором смысле Осокин профессионально занимается именно этим: пишет для телевидения сценарии документальных фильмов о жизни и обыкновениях народов Поволжья — коми, марийцев, чувашей, удмуртов, татар. Он знает эту жизнь в подробностях, любит её, чувствует — и ему совершенно чужда мысль, что она в чём-то уступает жизни «цивилизованной». Скорее напротив. Всё это, правда, — не более, чем материал, который автор использует и толкует по собственному усмотрению и произволу. У него свои техники работы с этой жизнью. Все эти сюжетики, небольшие истории, образы. Кому они, для чего? Для атмосферы? Не знаю, кому конкретно нужна такая атмосфера. Если она точно такая же, как и твоя собственная, жизненная, но

		там вместо твоих любимых яблок — квашеная капуста с клюквой.
Сюжет должен развиваться последовательно. (Повествование должно быть простым)	Книга идет с отрывистыми темами, что не понять, где начало, где конец» (М., 20 л.) — о «Пожаре» Д. Фурманова, «Ничего не понять, дрянь. Все перепутано» (М., 17 л.) — о «Голом годе» Б. Пильняка, «Ничего цельного и определенного, — не понял: какой-то винегрет», «Все описываемое в этой книге происходит отрывками, с появлением все новых и новых действующих лиц и частым повторением уже сказанного, с какими-то несуразными заголовками... Все содержание этой книги представляет какой-то идейный хаос... я не понимаю, для чего книга кончается описанием деревенской свадьбы, а также я скажу, что трудно понять, где начало, где конец. В общем скажу одно, что книга читается тяжело и понять ее трудно» (рабочие о «Голом годе» Б. Пильняка») «Читая эту книгу, я ровным счетом ничего не понял, а потом и оставил ее» (рабочий о Б. Пильняке), «У него много непонятных рассказов, которые нужно подразумевать... Ничего не мог понять», «Рассказы слишком символические, которые едва ли будут понятны широким массам» (рабочие о рассказах Е. Зозули), «Автор эту повесть сочинил больно сложно. Сильно хорошего в ней нет» (рабочий об А. Аросеве)	И в итоге я ничего не могу сказать, потому что устал, утомился, хоть и было интересно, но как-то слишком много. И слишком сюрреалистично. — Ну утопите меня в сухой реке, я не вижу гениальности в приниженности букв и наборе слов. Не вижу гениальности — вижу лень и неряшливость. Что передает, чему служит такая особенность?.. Скорой смене кадров, стремительности, интонации особенной? Равенству перед жизнью и смертью? Не вижу философии... не вижу работы над словом, меткости «каждое словечко на своем месте», не вижу глубоких смыслов в этой смене кадров. Признался осокин: «эта книга напишется за два часа» — вот этому вот верю... — Жизнь есть жизнь. Текст есть текст. Они не идентичны. Не принимаю. В жизни может не быть смысла. В тексте должен быть, даже скрытый, даже завуалированный. Пытаясь понять рассказы Осокина с точки зрения логики, пытаясь найти сюжетность текстов, я потерпела фиаско. Назвать его рассказы абсурдом тоже не получалось, слишком они цепляли. В чем же смысл странных книг автора?

Сюжет должен быть «занимательным», «с приключениями»	«На меня эта книга не произвела никакого впечатления, потому что в этой книге пишутся одни страдания тех оставшихся людей, у которых были убиты на войне родные. И вся книга в таком роде. Все однообразно. Более какого-нибудь происшествия нет. А потому меня этот автор не интересует» — рабочий о книге Л. Франка «Человек добр»	где же сюжет — не знаю. мирон алексеевич распоряжение дал видимо — сюжет не придумывать особо. так-то если посмотреть — типичные читатели хотят какой-нибудь последовательности. если и это неважно — сядем в мерседес-геленваген. поедем дальше. Читая эти затянутые истории без сюжета, чувствуешь себя случайным попутчиком не в меру разговорчивого путешественника, который мучает тебя долгими и бессмысленными историями без сюжета о нём и каких-то тебе неизвестных людях.
Книга должна быть написана «понятным языком»	«Хороша книга тем, что она изложена простым, не слишком литературным языком» (рабочий о романе Э. Синклера «100 %»), «Язык тяжелый, а книга интересная и жизненная» (крестьянин, 19 л. — о «Конармии» И. Бабеля), «Даже не прочитаешь — язык не идет» (крестьянин, 18 л. — о «Радунице» С. Есенина), «Не хорошая книга. Какой-то смешной язык. Никак не разберешь» (крестьянка, 17 л. — о «Бронепоезде» Вс. Иванова), «Непонятно написано, скучная. Название больно забористое и совсем иначе можно понять» (крестьянин, 21 г. — о «Хулио Хуренито» И. Эренбурга), «надо бить авторов, которые делают новую грамматику», «Прочитал книжку «Старинушка» И. Касаткина. С трудом понял, так как чуть ли не после каждого слова точки, запятые, знаки вопросов. С трудом выговариваются слова. Много их с прикраса-	вот опять же ребус, кроксворд © судьба в фуражке? или рыба в фуражке помощника капитана? или рыбу ловят в фуражке — за неимением реки, ручейка, океана? денис осокин задумал стать писателем. правду сказать, стать писателем ему очень-очень хотелось: книжки он любил, да и за сочинения в школе всегда получал хорошие отметки. для начала денис осокин решил отказаться от заглавных букв. так все поймут, что он писатель со своим особым видением мира, а не какое-нибудь там быдло. еще он полюбил знак препинания «тире». рассыпать побольше тире по тексту — и сразу видно — как он — на глазах — приобретает — литературность — и глубину. как следует изучил современные литературные журналы. и заготовил с полдюжины псевдонимов разной степени неле-

	ми, с ласкательными окончаниями. Это трудно прочитывать и выговаривать... На первых страницах надо стараться писать завлекательно, чтобы читатель не оторвался, начиная читать», «Писать нужно легким языком, понятным, популярным, для того, чтобы читатель мог понять то, что пишет писатель»	пости — на случай, если в писатели не возьмут и придется лезть в литературу окольными путями.
Нельзя печатать «похабщину»	«Зачем это только Горький насильников описал. А так бы хорошо» (крестьянин, 18 л. — о рассказе «26 и одна» М. Горького), «Много написано порнографии. Не понравилось» (крестьянка, 22 г.), «Не понравилось. Описывается блуд» (крестьянин, 18 л.), «Стыдно такие книги читать, печатать и в библиотеку покупать» (крестьянин, 18 л.), «Не понравилась. Вторая часть еще гаже первой. Дает вредные советы» (крестьянин, 18 л.) — о книге Калинникова «Мощи», «Неприличная книга. Срам. Не понравилась» (крестьянка, 21 г.), «Не хорошо. Не понравилось. Любиться так по-собачьему приятно, но одного этого мало» (крестьянка, 18 л.) — о книге П. Романова «Без черемухи», «Гулящая баба. Не нравится книжка» (крестьянка, 22 г.), «Не понравилась. Шлюха-баба. Зачем размазали ее в книге» (крестьянин, 17 л.), «Очень хорошая книга. Такие женщины нравятся. Только нельзя быть в блуде. Это не для чего» (крестьянка, 18 л.) — о «Виринее» Л. Сейфуллиной	Промискуитета много, но и он такой нестрастный, негрязный, тихий и домашний. что же касается, кхм… эротической составляющей книги, частенько она, на мой взгляд, оказывалась не к месту, портила впечатление от книги. в то же время, в других зарисовках и рассказах без нее бы никак (например, «овсянки», «половая связь еужена львовского с зеркалом» — естественно). Я хотела все той же нежносеверной атмосферы, романтичной и грустной, а он мне «приоткрыл ноги — поцеловал в намытую середину.» Какие-то — вдруг и иногда — пошлости, грубости, что-то совершенно не вяжущееся с тем, что я себе напредставляла, несмешные шутки. Я думала, ну может пройдет, ну с кем не бывает.

Роман вызывает больше эмоций, чем сборник рассказов, читатели объясняют это тем, что рассказы в сборнике обычно разные по настроению, что вызывает «разброс и шатание эмоций, поэтому общее впечатление тоже получается разболтанным». Отталкивает «отсутствие сюжета, который как завлекалочка тянет за собой по книге».

Отметим также внутреннее противоречие требований: «Так в жизни не бывает — в этой книге совершенно нет сюжета». Вообще балансирование между логичностью и обоснованностью, с одной стороны, и захватывающим сюжетом, с другой, кажется, представляет большую сложность для тех, кто пишет отзывы. При этом логичность должна совпадать, прежде всего, с личным опытом самих читателей — так, чтобы они могли оценить правдоподобие книги[209]. Это крайне важно, поскольку у читателей, по-видимому, нет другого критерия проверки книги (кстати, редко встречаются высказывания вроде «им как-то сразу веришь» — скорее, напротив, «о нет, я бы поступила не так, зачем он это делает?!»).

Выдвигая претензии к тексту, читатели в первую очередь опираются на собственный жизненный опыт: так они оценивают, могла ли героиня выкрутиться из сложной ситуации или нет — исключительно путем сравнения с собой либо с опорой на прочитанные прежде книги:

> Одна из немногих прочитанных мной книг, где магические способности персонажей не выглядят подобно роялю в кустах («ща мы накачаем скиллы и попремся выяснять у кого круче файерболы» — на этом месте мне становится скучно, и я обычно заканчиваю), магия непринужденно и естественно вписана в мир современных технологий. Я бы сказала, виртуозно вписана[210].

Такой подход к тексту напоминает не только о «наивном реализме» Гуковского (см. [Гуковский 1966]. Он, конечно, первым приходит на память), но и об оппозиции Лотмана–Успенского «иконический знак — конвенциональный знак»:

> Если для иконических знаков в качестве кода выступают непосредственные зрительные, слуховые и тому подобные впечатления, жизненные и бытовые навыки, условность их внутри данного коллектива не осознается, то конвенциональные знаки с их отчетливо разделенными планами содержания и выражения предполагают явное осознание условности их кодов. При этом иконическое может становиться конвенциональным и наоборот… [Лотман, Успенский 1993: 378].

Мы часто можем видеть, даже в примерах, приведенных в этой работе, как читатели смешивают конвенциональные и иконические знаки, нивелируя в своем восприятии конвенциональность художественного текста тем, что

---

[209] Об этом, в частности, писал Карлхайнц Штирле: “The reader responds to the stimuli of the text with stereotypes from his own experience. Since he is unaware of this process, these self-created illusions seem all the more probable and real” [Stierle 1980: 86].

[210] https://holywarsoo.net/viewtopic.php?pid=3958003#p3958003 — доступ 12.08.2019. Скиллы — от англ. skills — навыки, файерболлы — от fireballs, огненные шары, традиционный вид магического оружия в книгах и играх жанра фэнтези.

он соотносится с объективной реальностью и жизненным опытом читателя и поверяется только ими.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1. Большую часть чтения современных горожан занимают книги, что называется, сиюминутные — те, что изданы недавно и скоро забудутся. Отчасти это, конечно, успех маркетинговых стратегий, но также и ориентация на поиск нового, с одной стороны, и выбор привычного — с другой, так объясняются циклы в массовом чтении.
2. Картину чтения определяют, прежде всего, фантастические книги, более того, их жанровые приметы начинают восприниматься как присущие и другим жанрам, «по умолчанию».
3. Если мы берем синхронный срез, то новые и явно недолговечные книги будут преобладать, и, что важно, чаще повторяться у разных читателей (слой книг, которые читают все). Если мы будем наблюдать за чтением в диахронии, на первое место выйдут совсем другие книги. Таким образом, понятия «читаю сейчас» и «читаю всегда, люблю читать» окажутся наполнены принципиально различным содержанием.

Что сами читатели говорят о том, зачем они пишут рецензии?

Например, у нас есть высказывание одной читательницы:

> Именно письменные рецензии позволяют расставить в голове все по местам, упорядочивать впечатления, и это плохо, что я стала пропускать книги и не писать рецензии на них. Сразу дочитав книгу, садилась за чистый лист ворда и набрасывала что-то, может быть, не очень качественно, но это было для меня нужно и важно[211].

Следовательно, рецензия — тоже важный посредник во взаимодействии читателя с книгой. Это не только попытка выплеснуть чувства на лист бумаги (практика, хорошо известная психологам), но и, даже, наверное, в первую очередь — намерение перевести свои ощущения в кодифицированную, более строгую форму, что, как мы видим, помогает читателю в каком-то смысле лучше понять, что он только что прочел.

4.3.2. Неочевидные требования и трудноформализуемые понятия

Вымышленный мир текста обычно функционирует в сознании читателей помимо самого текста, т. е. фразы вроде «Может быть, героиня [делала это], но автор нам об этом не сказала», довольно обычны[212]. Отсюда мы переходим к сложному понятию «лор», очень важному в картине представлений читателя о книге.

---

[211] ПДА.

[212] Можно также привести в пример возмущения анонимного зрителя финала сериала «Игра престолов»: «Вы думаете, нам ВСЕ показали?!».

«Лор», от англ. Lore — предание, легенда, более узко — предыстория, традиция — знания о мире художественного произведения, существующие помимо художественного произведения[213]. Главным образом понятие лора применяется к книгам, хронотоп которых далек от реалистического. В некоторых канонах часть лора формирует сам автор (таково, например, Средиземье Дж. Р. Р. Толкиена), в некоторых — другие авторы (вселенная «Звездных войн»), в некоторых — поклонники.

Кто бы ни являлся автором лора, для его восприятия важно то, что читатели (зрители, игроки — лор бывает и в играх) воспринимают его не как художественную, вымышленную реальность, а как реальность объективную, нечто вроде исторической хроники. Самый простой пример: в двух разных текстах, описывающих мир Средиземья и написанных самим Толкиеном, (приложения к «Властелину колец» и «Наследники Элендила») год смерти одного из королей[214], не попадающего непосредственно в сюжет книг, обозначен по-разному. Читатели рассматривают это не с точки зрения текстологии, а с точки зрения, так сказать, исторической правды: как если бы действительно существовал какой-то истинный год смерти этого короля, а в одном из текстов содержится ошибка против истины.

Часто оказывается так, что мир и лор для читателя важнее текста, текст становится как бы вторичным производным от первичных мира и лора. Поэтому часто можно видеть высказывания вроде: а ведь замысел отличный, но сюжет совершенно провалился:

> Ведь у «Королевской крови» в начале действительно есть потенциал — в антураже городского фэнтези в магическом 21 веке шесть сестер-протагонистов с невероятно разными характерами, убеждениями и стремлениями ищут любовь на фоне глобального конфликта с людьми, богами и миром. Реально мог бы выйти шедевр эпическо-романтического фэнтези...[215]

Знанием лора произведения подменяется понимание его структуры: в частности, возможные неувязки и спорные вопросы обычно разъясняются исходя из внутренних связей мира и банального здравого смысла, а не из структурной необходимости текста. Так, например, нам встретилось обсуждение того, правомерно ли во вторичный текст по миру Толкина вводить ездовых ящериц — и одним из аргументов «за» стало то, что демиург создавал драконов, которые могут выжить в холоде, следовательно, ящерицы возможны.

Читатели говорят о сложноопределимых понятиях (таких, как лор, но не только) как о значимых и ощутимых для них, но в то же время

---

[213] Работ по этой теме пока немного, из того, что нам удалось найти: [Krzywinska 2008]. Также существуют многочисленные википедии по различным совокупным источникам (мир Star Wars, World of Warcraft, Warhammer40k и пр.), являющие собой, по сути, систематизированный лор.

[214] Для интересующихся: речь идет об Арведуи, 15-м и последнем (до Арагорна) короле Артэдайна (1864–1975).

[215] https://holywarsoo.net/viewtopic.php?pid=3472438#p3472438 — доступ 12.08.2019.

затрудняются их определить. Значит ли это, что понятия не существуют? Нет. Значимость, важность делает их существующими.

Это случай, когда в действие вступает принцип «когда я это вижу, я это узнаю». Читателям, в сущности, не нужно умение независимо определить это понятие — достаточно интуитивного понимания того, что они ощущают.

> Они вступают в спор не только о том, какая сила берет верх, но и о тех способах, которыми она дает почувствовать свое влияние. И тут снова главное различие в том, чтобы решить, рассматривается ли сила, однажды наделенная существованием, фигурацией и оппонентами, как проводник или посредник. В каждом случае объяснение актора, полученное на выходе, будет иным… [Латур 2014: 83].

В этой цитате из Латура мы находим подтверждение не только нашему (возможно, смелому) рассуждению о лоре, но и спорам читателей о том, как именно та или иная сила (авторский ли замысел, или лор, или еще более трудноопределимые «законы жанра») влияет на текст и шире — на их восприятие этого текста.

Если мы для простоты ограничимся именно этими внутритекстовыми силами (чего Латур бы не одобрил), мы увидим, как то, что предполагалось проводником, становится посредником: т. е. изменяет связь, вносит в нее возмущения, а не передает сигнал неизменным [Латур 2014].

Если бы авторский замысел (каким бы он ни был), передавался от актора к актору неизменным, этой работы, возможно, вовсе бы не было. Но сосредоточимся сейчас на тех деталях, которые читатели тексту приписывают и тем самым меняют и его, и связь от автора через издателя к читателю, делая каждый актант посредником.

1) Например, существует представление о том, что автор, работая над книгой, работает и над фактической ее стороной — отправляется в архивы, изучает исторический период (см. также [Рэдуэй 2004] — об исторических любовных романах), углубляется в детали (то, что называется «матчастью» — выражение из сленга любителей фантастики, иногда милитаризующих свою речь). Поэтому непродуманность этой самой матчасти[216], ошибки в ней, отсутствие логики (в мире нет компьютеров, но действуют банковские карты), как правило, порицается.

Хорошие примеры несовпадения подхода автора с ожиданиями читателей можно найти, если обратить внимание на тексты, устроенные несколько более сложно, чем обычная беллетристика. Если мы посмотрим, например,

---

[216] Тема матчасти интересно актуализируется в наивном пересказе очерка Ф. М. Достоевского «Ряженый»: например, тот случай с Достоевским, когда в журнале, где он был редактором, опубликовали повесть про дьяка.

> Повалились статьи, подписанные сначала «псаломщик», потом «священник» про «вон, про попов пишут, а даже матчасти не знают!!!». На что Достоевский ответил: «с добрым утром, батюшка, во-первых, вы сами матчасти не знаете, во-вторых, вы пишете очень похоже на писателя Лескова, это к чему бы это?» — https://holywarsoo.net/viewtopic.php?pid=5193899#p5193899 — доступ 25.03.2020 (см. [Достоевский 1980: 77]).

на то, как отзываются читатели на роман Евгения Водолазкина «Лавр» с несколько необычной темпоральной структурой, мы обнаружим там множество свидетельств того, как «новая идея огорашивает человека, к ней не подготовленного»:

> Потрясли словечки комплимент, тет-а-тет, комсомольская площадь (!), пластиковые (!) бутылки, пациент — и это в средневековье??? Такое обращение автора со словом и фактами просто оскорбительно для читателя. Не рекомендую[217].

> Сказочная ерунда, ладно стилистика древнерусская, но читать невозможно из-за ляпов! средневековый врач… стулья в доме… пластиковые бутылки в весеннем лесу… и это я прочла чуть больше 100 страниц, остальное вряд ли осилю, зря потраченные деньги[218].

Зато «полное и точное» (разумеется, в той мере, в какой читатель это умеет понять и оценить) описание материальной реальности мира всячески приветствуется:

> Для меня очень важна материальность и вещественная наполненность мира… У [автора] мир наполнен незнакомыми и знакомыми предметами, во многом чужд… но в этой чуждости нет вымученности...[219]

Важность фактологического наполнения книги в чем-то соотносится с упоминавшимся выше понятием «полезности», «практической пользы», а также «знанием» у [Felski 2008] — идеей того, что художественная книга может быть и познавательна, и в этом ее достоинство[220]. Рядом с отзывом «Полезная. Учит, до чего доводит водка» можно поставить отзыв 2012 года «Интересен материал о юродивых, лекарственных травах, которые использовали наши предки — автор обнаруживает знание данного предмета»[221].

Однако факты «могут не позволить хорошо выстроить драму»[222] — подразумевается, что автор ими ограничен, что создаваемый им мир — это мимесис имеющейся реальности, вымышленной или нет. Отсюда уже недалеко до представления о том, что есть некий склад сюжетов или иных структурных составляющих текста, с которым авторы только консультируются, как с библиотекой, но не выдумывают нового и не создают новых связей внутри имеющихся структур.

Кстати, сами авторы уже давно следуют за этим стереотипом, включая в послесловие с благодарностями список людей, помогавших им с фактическим наполнением книги.

---

217 https://www.labirint.ru/reviews/show/1781981/ — доступ 12.05.2020.

218 https://www.labirint.ru/reviews/show/1763352/ — доступ 12.05.2020.

219 https://holywarsoo.net/viewtopic.php?pid=3958003#p3958003 — доступ 12.08.2019.

220 Например, некоторые читатели радуются разнообразию в хронотопах у автора, поскольку так они узнают новое о незнакомых им сферах деятельности, исторических периодах и т. п.

221 https://www.labirint.ru/reviews/show/457346/ — доступ 12.05.2020.

222 ПДА.

Здесь встает вопрос, поставленный 40 лет назад Цветаном Тодоровым в эссе *Reading as Construction*: есть ли разница между вымышленной вселенной, порождаемой автором, и вымышленной вселенной, конструируемой (при чтении) читателем? (См. [Todorov 1980: 73]). Тодоров полагал, что разница есть и она может быть весьма существенна. На примере наших читателей мы видим, что это не всегда так, и автор скорее стремится «придвинуть поближе» мир своего текста к читателю.

2) Читатели довольно часто предполагают, как именно автор строил свой текст, и почти никогда эти предположения не начинаются, скажем, со структуры, или описываемой идеи, но почти всегда — с отдельных сюжетных фрагментов:

> По мне книга строилась по ярким для автора моментам, а не по опорным точкам сюжета.
>
> Вот придумал автор сцену с медведем и подтянул всё остальное, чтобы в книге она была.
>
> <...>
>
> Нет, какие-то события сюжета всё равно опорные для построения книги, но яркий момент важнее и выбор между ними очевиден.
>
> И получается так. Есть яркие образы или моменты, а между ними натянут сюжет и ткань повествования трещит и рвется. Все сюжетные и логические дыры оттуда[223].

При этом они могут опираться на собственный опыт творчества:

> Я так первые фики[224] писала. Прогнуть повествование, но чтобы эта сцена была! Она ж клёвая! Или фраза, или диалог. Или чтобы герой почувствовал именно это. Какой-то образ или момент. Натянуть сову на глобус, но впихнуть понравившуюся сцену![225]

3) Отдельное важное достоинство автора — умение «прописывать героев». Это с трудом формализуемое, но все же устойчивое понятие, означающее не только индивидуальность героя или его речевой характеристики, но и, видимо, влияние образа на читателя:

> Живо прописан Андрей Петрович — этакий классический неудачник, но знаком плюс. С одной стороны, жаль, что он не смог устроиться после того, как его профессия канула в небытие, с другой — есть досада за то, что он не захотел приложить усилий, чтобы адаптироваться к новым реалиям времени[226].
>
> Он чертовски хорош в прописании героев, он хитро играет на контрасте, все его герои абсолютно по-разному думают, ощущают мир, воспринимают друг

---

[223] https://holywarsoo.net/viewtopic.php?pid=3429438#p3429438 — доступ 13.08.2019.

[224] Имеются в виду сочинения фанатов по мотивам существующих произведений: fanfiction — фанфик — фик. К слову, составляющая fan в этом усечении пропадает, оставляя только fic[tion].

[225] Там же.

[226] https://fantlab.ru/user22762/responses — доступ 13.08.2019.

друга, я вижу мысли каждого героя, я вижу мир сквозь их призму, у каждого героя своя судьба и свое личное предназначение...[227]

Читателям важна разница, контраст между героями: когда все, например, «неоднозначны», или не имеют прямо выраженных в тексте положительных черт, это означает, что читателю не с чем сравнить, и он не может выстроить устойчивую структуру текста и удержать ее. Такое высказывание нам встретилось, например, о книге Гиллиан Флинн «Острые предметы», которая заимствует некоторые приемы романа-нуар, и поэтому там нет ни положительных героев, ни героев, которые совершают хорошие поступки.

4) В книге важен сюжет. Но не только сюжет сам по себе, но и то, когда он начинается — книга, в которой сюжет никак не завязывается, полностью хорошей быть не может. Отзывы, кстати, нужны читателям и для того, чтобы «узнать, будет ли в книге, наконец, сюжет»[228].

Здесь стоит оговорить следующее: большинство книг, которые входят в круг чтения наших читателей, очень, скажем так, неразнообразны. В них, как правило, последовательный и легко вычленяемый сюжет, фрагменты из прошлого героев (так называемые *флешбеки*) выделяются графически и стилистически, сложное типографское оформление или иноязычный текст без перевода отсутствует. Эти книги, в общем, довольно просто читать. Поэтому, когда читатель сталкивается с книгой, устроенной иначе, сама структура текста начинает ему мешать и мы можем услышать что-то вроде:

Пугают и отворачивают от себя игры автора со временем. Эта временная каша мне совсем не кажется «вкусной». Я ничего не имею против линейно разворачивающихся событий со своими причинно-следственными связями»[229].

Сюжет для читателя становится не просто важным, он становится своего рода локомотивом, который тянет за собой по книге. Причем сюжет рассматривается почти исключительно как линейная последовательность событий, и даже уже — как последовательность действий героев. «Увлекательный сюжет» — это прежде всего узкий фокус повествования, не отвлекающий читателя на что-либо еще.

5) Текст активно влияет на читателя. Более того, хороший текст обязан это делать. Метафоризируют это влияние читатели по-разному:

Я не могла оторваться, не могла их оставить, не могла успокоиться, потому что мне нужно было узнать, что с ними все хорошо[230].

Обратим внимание, как это перекликается с высказыванием читательницы из работы Дж. Рэдуэй: «Бросить историю на середине значит оставить героиню в середине ее кошмара, в то время как вы и есть эта героиня» [Рэдуэй 2004: 103].

---

[227] ПДА.
[228] ПДА.
[229] https://www.labirint.ru/reviews/show/2008409/ — доступ 12.05.2020.
[230] ПДА.

Другая метафора — «книжное похмелье». Читатели описывают его как реально существующее состояние, «когда вы еще не отошли от мира прочитанной книги». Заметим, что они говорят не о книге, а о «мире книги» — здесь это вложенное в нее понятие, в отличие от лора. Мир книги обязан «захватывать», «погружать в себя», страницы в книге «не должны перелистываться с усилием» [Maryl 2008: 404], но вхождение в мир книги должно быть «мягким», не бьющим наотмашь. С другой стороны, сюда же относятся многочисленные типовые высказывания «тронуло/зацепило», намекающие (как и приводимое ниже сравнение с «колючей проволокой»), что в прослеживаемые связи входит еще и телесное измерение.

Это неудивительно: поскольку мы имеем дело с акторами-предметами, телесность будет присутствовать. Она не всегда вызвана непосредственно книгой — как, например, в случаях, когда читатели говорят: «вот, берешь в руку, сразу видно, книга», «смотрите, какая толстая», играют в угадывание книги вслепую, роняют книги себе на ноги при записи видео и т. д. — перечисление может быть длинным. Но и ассоциативный ряд баннеров и хедеров (графических заголовков) на страницах исследуемых сайтов имеет связь с телесностью — мы видим тактильно и температурно приятные предметы: чашка с чем-то горячим, мягкая ткань свитера, свернувшийся кот, наконец, осмеянный всеми плед. Так же выглядят и фотографии, иногда добавляемые к отзыву[231]. Сюда же мы добавим и то, что читатели предпочитают взаимодействовать с бумажными книгами, и часто ищут конкретную, приятную именно для них — обложкой или шрифтом, весом или форматом. Наконец, *хруст* раскрываемой книги и ее запах добавляют аудиальное и ольфакторное измерения телесного.

К телесному измерению примкнет и желание, чтобы книга была большой. Одна из наших читательниц так отозвалась о романе Итало Кальвино «Невидимые города»: «Она [*книга*. — *А. Г.*] заняла бы первое место, если бы в ней было 55 романов — слишком маленькая»[232].

Наши не претендующие на полноту наблюдения уже показали нам, что книги циклизуются[233], а внутри этих циклов книги как бы размножаются почкованием. В издательской истории некоторых многотомных фэнтези-эпопей есть расхождение между исходно задуманным числом томов и числом, в итоге вышедшим[234]. Более того, мы заметили, что внутри та-

---

[231] Иногда же они реализуют метафору эстетического — цветы на фоне, красивый пейзаж, каким-то образом ассоциирующийся с книгой и пр.

[232] ПДА.

[233] Или сериализуются — судя по тому, что в некоторых библиотеках книги одного автора, объединенные одним героем, именуются «серией».

[234] Приведем в пример «Отблески Этерны» Веры Камши: анонсированный третий том расщепился на три части, причем в последней — пять отдельно изданных частей, каждая объемом больше, чем один первый том.

кого циклизованного корпуса одного автора объем каждой последующей книги заметно вырастает[235].

Трудно судить, каково направление этого влияния: запрос читателей влияет через посредство издателя на автора, или автор предпочитает писать больше, а читатели приноравливаются к новому объему. Латур сказал бы, что оно направлено сразу в обе стороны.

Тем не менее, большая книга, с точки зрения читателей, — это хорошо, а большой объем чтения всегда желательнее малого. Читатели сетуют на тонкие книжки и радуются большому размеру главы: «24 страницы — это я понимаю!»[236], отмечают в читательских итогах года «самую длинную книгу» и «книгу, которую вы читали дольше всего».

Итак, мы перечислили важные составляющие книги с точки зрения читателей. Резюмируем их словами самой же читательницы:

> Было бы все остальное (**матчасть**, **логика**, **мир**, **персонажи**, **сюжет**) (*выделено нами. — А. Г.*) по уму...[237]

Однако все вышеперечисленные составляющие текста обычно указываются (и, по-видимому, функционируют у читателей отдельно друг от друга — например, читатели могут находить в тексте логику, но считать мир недостаточно хорошо разработанным, а *матчасть* недостаточно обоснованной.

> Сюжет провисает, фокус теряется, куча флешбек, [плохое] строение книги. Можно было сделать лучше? Можно. Но над этим придется работать долго и упорно.
>
> В итоге: книга написана плохо, построена плохо, сомнительная мораль и отношения героев, сами герои не очень[238].

> Меня бы скорее дернуло упоминание бриллиантов в сеттинге, где бриллиантовая огранка не изобретена. Именно потому, что там не может быть такого слова. Это как в пове (*от англ. POV — point of view, повествование от лица какого-либо персонажа. — А. Г.*), например, какого-нибудь йомена определения «машинально» или «автоматически» — потому что йомен не знает машин и автоматов, с механическими движениями которых он мог бы сравнить чьи-то действия. Хотя это тоже нормальные слова современного русского языка. Но их употребление в некоторых сеттингах стало бы стилистической ошибкой[239].

То же самое касается стиля и сюжета: стиль, как было указано выше, рассматривается в отрыве от содержания, а в качестве огрехов стиля приводятся исключительно те, что кодифицированы:

---

[235] Так, объем книг писательницы детективов Элизабет Джордж вырос от первой книги цикла к последней на сегодняшний день от 309 до 755 страниц.

[236] ПДА.

[237] Ср. также наблюдения Элизабет Лонг: For example, many groups show irritation with some aspects of literary modernism, preferring a clear narrative structure and recognizably “realistic” characters over textual experimentation [Long 1993: 203].

[238] https://holywarsoo.net/viewtopic.php?pid=3404016#p3404016 — доступ 12.08.2019.

[239] https://holywarsoo.net/viewtopic.php?pid=2871116#p2871116 — доступ 12.08.2019.

> Итоговая вычитка — это работа учителя РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ. Все эти путания конспирации и конспирологии, грамматические и стилистические ошибки, восхитительные повторыповторы, все эти вот дела — работа учителя русского[240].

Как положительные качества книги отмечают: «мелодичность слога»[241], хорошо продуманный мир, логичность поступков, многогранность героев:

> У каждого героя свои пунктики, свои мысли по каждому поводу, свои желания и триггерные точки, и они не совпадают, и именно это делает героев максимально живыми, они раскрывают друг друга, автор не подыгрывает героям и не делает одних ужасными, а других пушистенькими…[242]

Здесь нам представляется важным заметить, что все описанные выше свойства отмечают отдельно, как нечто такое, что отличается от их общего читательского фона.

Кроме этого, отмечают удобство чтения, когда отдельные смысловые фрагменты разделяются абзацами, и интересный прием, когда меняющийся фокус повествования помечается курсивом. Напомню, что по большей части они читают исключительно бумажные книги.

Однако визуально непривычное оформление, например, как в упоминавшемся выше «Лавре» Евгения Водолазкина, может быть принято за типографский брак: «Единственный вопрос по оформлению — на некоторых страницах в книге целые абзацы замноготочены. Это новый вид брака?»[243]. Относительно этой же книги многие читатели отмечают, что ее неудобно читать из-за того, что прямая речь в ней не выделена пунктуацией[244].

Мы уже говорили выше, что «комфортность» чтения крайне важна для наших реципиентов: неприятную в чтении книгу они, вероятно, либо не будут дочитывать, либо будут «домучивать» (выражение из их лексикона, развернутое читательницей — «она [книга] мучила меня, а я мучила ее»[245] — совершенно латуровское описание объекта как актора). Дополнительный пример: «Хотела прочитать, но некомфортна в чтении, наждачная, как колючую проволоку в руках перебираешь»[246]. Или — отдельное наименование в итогах года «Книга, которая вывела меня из зоны комфорта».

В целом такие книжные номинации — от коллективных (на разном уровне — страны, ресурса, сообщества) до личных и предназначенных

---

[240] https://holywarsoo.net/viewtopic.php?pid=3994484#p3994484 — доступ 12.08.2019.

[241] Интересно, что в этом высказывании читательница разводит слог и стиль, для нее это две разные, не взаимопроникающие конструкции: «Хороший слог, мелодичный, не напрягающий, он хорошо ложится на уши, а вот в технике языка — постоянно к месту и не к месту вставляла три мимики — округляют глаза, судорожно сглатывают».

[242] ПДА.

[243] https://www.labirint.ru/reviews/show/1928940/ — доступ 12.05.2020.

[244] Причем читатели называют это «стилем автора» — из чего мы можем сделать вывод, что под стилем они понимают все, что относится к форме произведения.

[245] ПДА.

[246] ПДА.

конкретной персоне — тоже попытка структурировать и иногда назвать то, что оставляет по себе сильные чувства. Используя школьную метафору, читателю нужна полочка, на которую он поставит эту конкретную книгу. Иногда имеющихся в их распоряжении средств (шаблонов для итогов года, списков челленджей и проч.) оказывается недостаточно — и тогда читатели изобретают свои, весьма причудливые. Например, «Медведи, лазеры и водка» для «книги, в которой все это могло бы быть, и я бы не удивилась»[247] — иными словами, для самой абсурдной книги, прочитанной за год. Или эта же читательница проводит тонкое различие между «книгой-протертые штаны (от ерзания на стуле)»[248], читаемой с желанием поскорее узнать, чем же закончится, и «неосиленным книжным кактусом» — эту книгу ей читать не хочется, в отличие от предыдущей (однако она ее все-таки дочитывает).

Попытки структурировать и назвать островки в этом книжном море (а также помочь в этом другим пловцам — это явным образом артикулируется во многих высказываниях), глядя только из своей собственной перспективы, не обогащенной никакой институцией, навязывающей порядок, формируют весьма интересную конструкцию поля литературы. Оно становится не выстроенным в каком-то хотя бы временном порядке, не иерархизованным — но плоским[249], двухмерным. На этом поле рядом встают Лев Толстой и Оксана Панкеева[250] — почему бы и нет, они оба издающиеся авторы. В этом взгляде есть идея плагиата (как идея взаимодействия авторов), но нет понятия влияния, потому что вообще нет внутрилитературных связей и литературного процесса. Словом, это поле, не в бурдьеанском, конечно, понятии, где существуют авторы — такие же люди, как читатели, и действующие так же, только время от времени производящие куски художественного текста. К ним и применяются все те (и исключительно те) мерки, которые читатели могли бы применить к себе. Авторы находятся в неразрывной связи с читателями (они пишут для читателей, это неявное, но подразумеваемое правило). Однако это поле не общее для всех читателей, не универсальное, а индивидуальное: каждый из читателей выбирает, чем его наполнить (или уставить?), исключительно сам. В этом поле может вовсе не быть, например, книг, написанных более 10 лет назад (заметим, это не прямой критерий выбора, а всего лишь общий признак). Может не оказаться т. н. «классики» (книг мертвых авторов). Может почти не быть книг без фантастических допущений, а иногда, напротив, они могут преобладать. Каждый отдельный предмет в этом поле, т. е. книгу, могут навещать один раз, а могут к нему

---

[247] Мы назвали бы это кэмпом или гротеском, но читательнице явно недостаточно такого простого ярлычка.

[248] Другая читательница обозначает похожую номинацию «У меня книжка кончилась» (подразумевается: жаль, что кончилась).

[249] Хочется думать, что Латур бы одобрил такую двухмерность пространства.

[250] Оксана Панкеева (р. 1967) — украинская писательница-фантаст, пишущая на русском языке. Известна романами в жанре фэнтези с сильной любовной составляющей.

возвращаться (перечитывать). Последнее происходит, видимо, гораздо реже, или, по крайней мере, это не актуализируется в высказываниях. И это поле структурирует и придает значимость отдельным его компонентам («самая важная книга года!») только и исключительно сам читатель.

4.3.3. Автометаописания читателей

Руководствуясь методологией Бруно Латура, мы не могли пройти мимо постулата «Позвольте акторам говорить самим».

К тому же, когда мы говорим о сообществе читателей, мы не можем пройти мимо предположения, что сообщество определяют сами акторы, следовательно, сообщество читателей — это то, что читатели считают таковым. В этой главе мы перечислим некоторые попытки читателей описать самих себя, но не только — еще и описать те чувства, ощущения, действия, которые могут их объединять. Читатели называют их привычками, страхами, болезнями, перечисляют собственные телесные и творческие практики, делятся тем, что отталкивает их от чтения или привлекает к нему. Постараемся, разумеется, не сводить разнообразие слов и представлений к некоторому единому словарю, в рамках нашей методологии это было бы непродуктивно. Таким образом у нас получится весьма широкий спектр отбора: это и вопросы, заданные кем-то другим, и попытки саморефлексии без исходной посылки, и попытки найти себе место в существующей классификации.

Словом, как читатели отвечают на вопрос, кто они такие?

Начнем с очевидной вещи — попыток автотипизации. Людям важно говорить о том, что их объединяет с другими, делиться тем, что другие (как будто бы) не поймут, разделять общее с теми, кто таков же, как ты сам. Точно так же, как существуют публичные группы во «ВКонтакте» с названиями вроде «Типичный [некто]», точно так же существует в глазах самих читателей типичный читатель или некоторые его разновидности.

В описании таких типизаций надо иметь в виду, что разного рода классификации — популярный жанр в интернете. Отчасти списки типов читателей, появляющиеся в интернете, скорее уловка для привлечения внимания, чем реальная потребность. Но это только одна сторона истории. Вторая состоит в том, что в комментариях к таким классификациям появляются те самые читатели, которые примеряют на себя указанные типы.

По большей части такого рода классификации представляют собой разрозненные списки, не имеющие основания (и вызывающие мысли о Борхесе). В частности, так выглядит один из популярных англоязычных списков «13 типов читателей», значительная часть русскоязычных более или менее восходит к нему:

Series Junkies
Literary Snobs
The Polygamist Reader

The Habitual Book Clubber
The Partial Reader
The Re-Readers
The Physical Book Loyalists
The Spoiler Lover
Nonfiction Lovers
Fiction Fanatics
Adult YA (*Young Adult. — А. Г.*) Addicts
The Movie Adaptation Lover
The Emotional Reader[251]

Однако мы обнаруживаем в этих списках и некоторые интересные закономерности, например:

1. Argumentum ad verecundiam[252]. В попытке санкционировать появление текста в пространстве, придать ему вес, авторы адресуются к тому или иному авторитету. Например, к писателю или поэту (в зависимости от того, что читают эти читатели):

> Читатели по-разному реагируют на стихи, считает Н. С. Гумилев. Но каждый из них почему-то считает, что он в данной области авторитет, чье мнение всегда правильно. То есть все судят по принципу нравится/не нравится, но вот только каждый расставляет свои акценты. Итак, существует три главных типа читателей поэзии: экзальтированный, наивный и сноб. О них я и расскажу подробнее[253].

В другом списке отсылают к Кольриджу[254], причем неясно, действительно ли это Кольридж, ссылки, конечно же, нет ни в посте-первоисточнике, ни у того, кто скопировал это себе, и мы даже не знаем, проверял ли кто-нибудь атрибуцию цитаты[255]. Но это неважно ни нам, ни автору — автор полагается на опыт поэта, Кольридж выступает тут исключительно в качестве освящающего авторитета, вроде Ленина.

Другой вариант — отсылка к авторитету ученого. Нам, в частности, попался пересказ статьи Л. И. Беляевой из сборника «Литература и социо-

---

[251] https://www.bustle.com/articles/166488-13-types-of-readers-everyone-knows-because-we-arent-all-alike

[252] См. [Локк].

[253] https://aminoapps.com/c/knizhnyi-klub/page/blog/tipy-chitatelei-chto-my-ishchem-v-poezii/G5Eb_zLdTnuzwaRNG2LLqVlmkeVl0RrqzG5 — доступ 15.12.2019.

[254] https://anya-sun.livejournal.com/301426.html — доступ 15.12.2019. Обратим внимание, что по форме это цитата в цитате: пользователь цитирует другого пользователя, который уже цитирует Кольриджа. При этом сам Кольридж, по-видимому, отсылается к Мишне: «[Существуют] четыре типа [учеников], занимающихся у мудрецов: “губка”, “воронка”, “фильтр” и “сито”. Губка впитывает все; в воронку с одной стороны входит, а с другой выходит; фильтр пропускает вино, но задерживает осадок; сито задерживает муку [крупного помола], но пропускает мучную пыль» (Мишна, Авот 5:15).

[255] Мы проверили: это действительно Кольридж, фрагмент из конспекта его лекции о Шекспире 1811–12 гг., записанных Дж. Коллиером [Coleridge 1849].

логия» (см. параграф 2.5.3.) с ее типологией читателей[256]. Заметим, что публикатору совершенно все равно, как давно вышла статья, в каком контексте была опубликована и на что опирался ее автор. Однако комментаторы откликнулись, причем в основном негативно: им не понравился ни сам факт разделения, ни то, что эмоциональное восприятие в типологии Беляевой стоит как будто ниже других:

> Потрясающее разделение на группы. Раз я жду от книги, что она вызовет во мне какие-либо эмоции, то я не способна не то что к анализу, а даже к самостоятельным оценкам и суждениям. Да что за бред-то.

> всех, кто не хочет относиться к определенному типу, нужно лишать чтения и вообще, лучше изолировать от общества.

2. Попытки применить имеющиеся классификации к чтению: выделяют читателей интровертов и читателей-экстравертов, например, читателей полигамных и читателей моногамных (тех, что читают сразу несколько книг и тех, кто читает только одну книгу). К этой версии списков близко примыкают известные списки советов вроде «Что читать/носить, если вы Козерог».

3. Попытки найти и упорядочить реально существующие привычки и манеру чтения (то, что мы назвали бы практиками чтения): читатель, который шевелит губами во время чтения[257], постоянно плачет, заглядывает в конец, часто отвлекается, комментирует собственное чтение, заглядывает в конец книги… Часто такого рода попытки реализуются в игровой форме, форме скетча с одним участником. Очевидно, что для снимающего ролик (чаще всего это подросток) это не только попытка саморефлексии, размышления о том, каков я, но и попытка самопрезентации.

В этом поле имеются не только классификации. Есть и размышления самих читателей, каким должен быть идеальный читатель, иными словами, чистые автометаописания. Без аргументации к авторитету не обходится и здесь, например, блогер, рассуждая об идеальном читателе, ссылается на Набокова, в частности, приводя следующую цитату:

> ...хороший читатель — тот, кто располагает воображением, памятью, словарем и некоторым художественным вкусом, причем последний я намерен развивать в себе и в других при всякой возможности[258].

Интересно, что блогер приводит цитату именно из того фрагмента лекций Набокова, где тот проводит над студентами эксперимент, давая им список из десяти определений читателя и предложив выбрать четыре, которые должны обеспечить хорошего читателя:

---

[256] https://www.livelib.ru/news/post/17564-tipologiya-chitatelej — доступ 15.12.2019.

[257] Интересный пример «филогенеза в онтогенезе»: человеческое чтение двигалось от чтения вслух к чтению вполголоса, через шевеление губами к чтению полностью про себя. Об этом переходе см. [Свенбро 2008; Паркс 2008].

[258] https://youtu.be/-WiN_oDXTbo — доступ 24.02.2020.

1. Состоять членом клуба книголюбов.
2. Отождествлять себя с героем/героиней книги.
3. Интересоваться прежде всего социально-экономическим аспектом.
4. Предпочитать книги, в которых больше действия и диалога.
5. Не приступать к чтению, не посмотрев экранизацию.
6. Быть начинающим писателем.
7. Иметь воображение.
8. Иметь хорошую память.
9. Иметь словарь.
10. Иметь некоторый художественный вкус [Набоков 1998].

Обратим внимание, как этот список частично совпадает с приведенными выше 13 типами читателей. Студенты, пишет Набоков, отдали предпочтение отождествлению, действию и социально-экономическому аспекту, что опять же интересно совпадает с описанными неоднократно выше требованиями читателей к книге, их размышлениями о том, что они находят для себя в чтении [Добренко 1997; Рэдуэй 2004].

Тот же самый блогер сформулировал требования для себя самого как для идеального читателя. Выглядят они так:

> А сам для себя я был бы идеален при соблюдении следующих условий. Во-первых, выделять на чтение столько времени, чтобы не мучиться угрызениями совести, что я мало читаю. Во-вторых, вчитываться в текст и анализировать его так глубоко, чтобы самому себе не казаться наивным читателем. И третье — запоминать прочитанные книги. Пусть будет так. Достаточно утилитарно и в целом — невыполнимо. Но — идеально[259].

Отсюда мы видим, что этот читатель недоволен, в сущности, количеством времени и глубиной погружения в книгу, своим взаимодействием с книгой, но не, скажем, качеством книг. Быть может, такое сравнение не очень правомерно, но признаки себя как идеального читателя напоминают о нормативно-педагогической рамке советской работы с читателем — читать больше, читать вдумчивее, запоминать (и отчитываться) о прочитанном.

Теперь перейдем к еще одному специфическому явлению — передаваемому от читателя к читателю списку вопросов, раньше это именовалось «флешмоб», теперь в среде книголюбов именуется «тэг» (видимо, от англ. tag). Именно этот список — переводной, с упоминавшегося выше ресурса goodreads.com. Называется он, уже на нашей почве, «Проблемы типичного читателя»:

1) В вашем списке к прочтению 20000 книг, как вы решите, какую книгу прочесть следующей?
2) Вы добрались до середины книги и поняли, что она вам не нравится. Бросите ли вы ее или продолжите читать?
3) Год подходит к концу, а вы не можете выполнить книжный вызов на GoodReads. Пытаетесь ли вы наверстать упущенное и как?

[259] https://youtu.be/-WiN_oDXTbo — доступ 15.01.2020.

4) Обложки серии, которая вам нравится, отличаются по оформлению, что вы будете делать?
5) Все в восторге от книги, которая вам совсем не нравится. С кем вы поделитесь своими чувствами по этому поводу?
6) Вы читаете книгу в общественном месте и понимаете, что вот-вот расплачетесь. Что будете делать?
7) Вышло продолжение вашей любимой книги, но вы многое забыли из предыдущей части. Будете ли вы перечитывать первую книгу? Или пропустите вторую часть?
8) Вы не хотите, чтобы никто брал у вас почитать книги. Как вы вежливо откажете?
9) В прошлом месяце вы начали читать 5 книг и ни одну из них не закончили. Что будете делать?
10) Выходит так много новых книг, которые вам не терпится прочитать! Сколько книг вы купите?
11) Как долго новые книги будут стоять на вашей книжной полке, прежде чем вы начнете их читать?

Что мы можем сказать о читателе, судя по перечисленным проблемам? Он читает какое-то невероятное количество книг, при этом структурирует чтение (у него есть список), но не всегда справляется с наплывом новинок. Он читает довольно много серийной продукции и книг со сквозным сюжетом. Он покупает в основном бумажные книги. Ему по какой-то причине трудно или неловко бросить книгу не дочитав. И, наконец, он испытывает яркие эмоции от книг. Разумеется, не все, кто отвечал на вопросы, находили эти проблемы релевантными для себя. Но и те, кто отвергал их как важные, отстраивал свой собственный образ, в конечном счете, руководствуясь ими же, только от противного.

Другой похожий список по структуре и содержанию ближе к игровым спискам из части 3.2., но он в большей мере говорит о том, что в театре называется «разрушением четвертой стены»: о попытках взаимодействия с книгой как с реальностью. Этот список иногда так и называется «Всемогущий читатель»:

1. Если бы ты мог воскресить любого писателя, кого бы ты выбрал?
2. Книги какого писателя ты бы хотел, чтоб выходили бесконечно?
3. Какую бы книгу ты сделал бесконечной?
4. В какую книгу ты бы хотел переместиться?
5. Какой книжный предмет ты бы хотел иметь?
6. Какого книжного персонажа ты бы хотел переместить в реальный мир?
7. Какие 2 книги ты бы хотел объединить?

Не претендуя на какие-то значительные обобщения, прокомментируем некоторые пункты.

Пункт первый, о воскрешении писателя, вызывает у читателей желание воскресить прежде всего тех, кто погиб рано, трагически, не закончил ка-

кие-то книги (Антуан де Сент-Экзюпери, Мервин Пик, а также Пушкин и Бродский). В ответ на вопрос о бесконечно выходящих книгах читатели часто вспоминают об авторах, отличающихся «серийным» подходом к книгам (вплоть до особенностей публикации) — они называют Диккенса и Конан Дойла.

В вопросе о бесконечной книге читатели обнаруживают интуитивное понимание того, что не всякая книга может потенциально стать бесконечной, а лишь та, в которой имеется такой структурный потенциал: открытый финал, неисчерпанность хронотопа и так далее[260].

Вопросы о перемещении в книгу и из книги вызывает интересную оппозицию: с одной стороны, читатели понимают и прямо заявляют, что в объективной реальности вернее всего уживется герой (хотя бы формально) реалистического повествования. С другой стороны, сами они хотели бы переместиться и в фэнтезийный текст тоже.

Самым легким оказывается вопрос о предмете из книги — читатели охотно называют разнообразные магические артефакты — вавилонскую рыбку, умклайдет, миелофон и т. п.

Последний вопрос, как нам сначала показалось, говорит о двух книгах одного автора, которые по неясным причинам издаются отдельно, хотя могли бы и вместе. Но нет: оказалось, что речь идет о двух книгах разных авторов, хронотопы и героев которых читатели хотели бы совместить. В фанатском творчестве такое называется «кроссовер». Иногда это происходит со структурно похожими текстами («Гарри Поттер» и «Хроники Нарнии», или «Гарри Поттер» и фильм «Общество мертвых поэтов» — заметим здесь, что объединение в первом случае происходит по жанровым и структурным признакам, во втором — по хронотопу), иногда с максимально далекими — хроники Шекспира могут объединяться с длинными эпическими аниме-сериалами.

И последний, пожалуй, из таких списков — о читательских практиках. Сами читатели именуют его «Книжные привычки»:

1) Где ты обычно читаешь?
2) Ты предпочитаешь книжную закладку или простой листок бумаги?
3) Ты можешь просто остановиться во время чтения или тебе обязательно нужно дочитать до конца главы?
4) Ты ешь или пьёшь во время чтения?
5) Телевизор или музыка во время чтения?
6) Читаешь по одной книге за раз или сразу несколько?
7) Ты всегда читаешь дома или где-нибудь ещё?
8) Читаешь вслух или про себя?
9) Пропускаешь ли ты страницы во время чтения?

[260] Из неожиданного: читатель хочет, чтобы никогда не заканчивалось «Путешествие из Петербурга в Москву» (см. https://www.livelib.ru/selection/856114-vsemoguschij-chitatel — доступ 07.02.2020).

10) Бережно ли ты читаешь книги?
11) Ты пишешь в книгах?
12) Какую книгу вы перечитывали несколько раз и могли бы с удовольствием перечитать ещё?
13) Хотели бы вы написать свою собственную книгу и о чём?
14) Какие книги вы предпочитаете — бумажные или электронные и почему?
15) А может быть, вы слушаете аудиокниги?
16) Легко ли найти нужную книгу в вашей библиотеке или поиски занимают продолжительное время?
17) Как вы выбираете новые книги для чтения?
18) Часто ли вы пользуетесь советами друзей почитать какую-нибудь книгу, обращаете ли внимание на рекламные анонсы новых книг?
19) Одалживаете ли свои книги знакомым и берёте ли почитать?

Этот список, по всей видимости, не переводной: об этом говорит, например, вопрос «Пишете ли вы в книгах?», обусловленный (пост)советской воспитательной парадигмой, где это было традиционно порицаемым поведением[261].

Структурно он делится, как мы видим, на две части — на это указывает и изменение личного местоимения, и характера вопросов — первая часть до 11 вопроса говорит о частных, единоличных практиках, о том, что между книгой и читателем. Вторая — о выборе книг и взаимодействии со своей книжной коллекцией. Как выяснилось, первоначально список составлял 11 вопросов, остальные прибавились к нему позже.

Кроме очевидных и уже упомянутых нами особенностей современного чтения (изобилие книжного рынка, сложности выбора), здесь в дело вступают вопросы непосредственно телесных практик — как соматических (где ты обычно читаешь, ешь ли во время чтения?), так и перцептивных (слушаешь ли музыку во время чтения, пропускаешь ли страницы?).

Почти все ответившие отрицают, что пишут в книгах, что пропускают страницы (или извиняются, «каются» за это), утверждают, что бережно читают книги и всегда дочитывают до конца главы или хотя бы эпизода (одна читательница заметила при этом, что иначе не сможет найти место, где остановилась). Они отвергают чтение в ванной и требуют, чтобы с их книгами обращались бережно — не перегибали переплет, не хватали жирными руками… Таковы, в целом, культурные установки российского воспитания, в этом читатели им не противоречат.

---

[261] В частности, «Витя Малеев в школе и дома» Н. Носова:
— Смотри, чтоб никаких собак, ни рож, ни чертей в книге не было.
— Как это?
— Ну, возьмешь да нарисуешь в книге какую-нибудь загогулину.
— Зачем же я стану рисовать?
— Будто я знаю! Мое дело предупредить, чтоб ни рож, ни собак. Это книжка общественная. Если б это была твоя собственная книга, тогда, пожалуйста, рисуй, но даже в собственной книжке не надо ничего рисовать, потому что после тебя она достанется твоему младшему брату или сестре или товарищу дашь почитать [Носов].

Теперь скажем немного о том, что сами читатели называют «книжные страхи». На самом деле, это два напрямую не связанных явления — то, что отвращает читателя от чтения, и то, что читателя в его чтении и книжном будущем страшит.

Первое явление варьируется от конкретных авторов, жанров, течений до типов книг, которые читателя пугают — «слишком большие», «библиотечные» и так далее. Отдельно могут пугать особенности издания (предисловия, в которых пересказывается сюжет), слишком мелкий шрифт, либо особенности текста (слишком мало диалогов, нет картинок[262], текст в виде дневника или писем, особенно в ретроспективной форме). Второе явление выглядит обычно так: люди боятся, что читают не те книги, плохо понимают книги, читают слишком мало, не прочтут именно ту книгу, которая перевернет всю их жизнь или не успеют прочесть все, что хотят, боятся утратить свою библиотеку, потерять чужую книгу, боятся, что не встретят книгу, которая понравится им так же сильно, как уже прочитанная.

Здесь мы видим, что чтение для них — это своего рода жизненная задача, которую надо исполнять как можно лучше, иначе она не имеет смысла. Эти страхи к тому же хорошо соотносятся с упомянутым в этом же параграфе выше понятием «идеального читателя»: который читает больше, лучше понимает книги… Иначе говоря, страхи читателей — это страхи не стать идеальным / быть недостаточно идеальным читателем. Но это не тот читатель, которого конструировали теоретики: по признакам, подходу и оптике он скорее похож на того читателя, которого конструировал советский нормативно-педагогический подход. Таким образом, мы видим, как из рекреационного занятия, к которому выдвигаются в основном требования эскапистско-дилетантского характера, чтение превращается в занятие, требующее совершенствования.

Нельзя сказать, что наши читатели движутся от одного полюса к другому, или тяготеют к какому-то одному. Скорее можно сказать, что оба полюса органично совмещаются в одном читателе.

Эти автометаописания, как нам представляется, являют собой разновидность «раскрывающих практик» [Волков, Хархордин 2008: 22], также [Хайдеггер 2011], дающих возможность индивиду состояться в той или иной социальной роли — в нашем случае это роль читателя. Социальное здесь, конечно, относится к социуму, сообществу в узком смысле. Ответы на вопросники, составление типизация и списков, видимо, помогает ответить на вопрос «как быть читателем?», как действовать в этой роли, как стать частью сообщества. В этом смысле все описанные нами действия являются

[262] Не можем не привести здесь общеизвестную цитату из «Алисы в стране чудес»: «Алисе наскучило сидеть с сестрой без дела на берегу реки; разок-другой она заглянула в книжку, которую читала сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров. — Что толку в книжке, — подумала Алиса, — если в ней нет ни картинок, ни разговоров?» [Кэрролл].

перформативными — они сами по себе являются и знаком принадлежности к сообществу, и декларацией желания к нему принадлежать.

Читатели, как мы видим, считают нужным совершать какие-то еще действия для того, чтобы приобрести идентичность читателя — помимо собственно чтения книг. Собственно, именно это и стало нашим главным открытием, когда мы обратились к более широкому описанию практик помимо отзывов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе мы пытались, по возможности, совместить старые подходы и открытия с новыми методиками и наблюдениями.

Нам удалось собрать достаточно много сведений о круге чтения современных читателей и о них самих. Количественным данным главным образом посвящена вторая глава работы. За базовые социально-демографические данные мы благодарим команду сайта LiveLib. Основную часть данных мы собирали сами из открытых источников при помощи специальных программ, которые выгружали необходимые нам сведения в формате таблицы. Прежде всего это были данные о рейтингах популярности с сайта LiveLib. Рейтинги, которые мы собрали, были качественно различными: среди них были как те, что встроены в архитектуру сайта и составляются по особым (и точно не известным нам) формулам, так и те, которые представляют собой личный выбор пользователей (то, что они сами советуют другим читать). Мы также воспользовались данными видеоблогеров, чтобы сравнить персонализированный подбор новинок книжной индустрии все с теми же рейтингами. На этом пути нам также удалось обнаружить некоторые интересные закономерности, в частности, то, какие внутритекстовые предпочтения можно выявить из этих рейтингов, а также авторы какого периода, помимо современных, наиболее популярны. Помимо этого, нам удалось обнаружить, что не только современная издательская политика тяготеет к объединению книг в циклы, но и читатели также предпочитают именно такие книги — с повторяющимися героями и декорациями, но новым сюжетом. Вопрос о том, диктуют ли издательские практики читателям предпочтения, или дело обстоит обратным образом, может обсуждаться. С нашей точки зрения, существенна сама эта позитивная корреляция.

Мы ожидали предпочтения массовой литературы, неясным оставалось только, какой именно. Как мы показывали выше, для изученного сегмента чтения это в основном фэнтези и литература с фантастическими допущениями. Но, имея дело с массовым читателем и экстенсивным чтением, приходится использовать понятие массовой литературы не в структурном смысле, а в социологическом, как в цитированном выше определении Ю. М. Лотмана — т. е. исходя из «…функционирования в общей системе текстов» [Лотман 1993: 381] и из отношения сообщества к тексту.

Если использовать такой подход, мы увидим, что наряду со Стивеном Кингом «массовыми» становятся, например, и Ремарк, и Джек Лондон, и Булгаков, и Оруэлл — все те «мертвые авторы», которых мы так часто видим в структуре чтения. Пока у нас есть только некоторые предположения о том, что заставляет читателей обращаться к этим авторам — возможно то, что эти тексты являются своего рода «знатными предками» современной формульной литературы. Оруэлл задает жанр антиутопии, Булгаков — т. н. «городского фэнтези», Джек Лондон — историю преодоления (сюда входит, например, очень популярная эго-литература о травме)

и описание опыта выживания в дикой природе, Ремарк, возможно, целое направление — young adult, где молодые люди впервые сталкиваются с настоящей жизнью без прикрас и в отличие от литературы, рассчитанной на подростков, уже могут пострадать. Мы сознаем всю смелость этого наблюдения, но оставляем за собой возможность его высказать.

Кроме того, мы провели небольшое сравнение рейтингов с разных ресурсов, в частности, рейтингов продаж популярного магазина Ozon и библиотеки по подписке Bookmate. Даже самое поверхностное сравнение показало, что сравниваемые рейтинги содержат настолько разные книги, что даже на больших цифрах совпадения будут минимальными. Несмотря на всю разницу пользовательского опыта, который предлагают эти платформы, к ним в любом случае обращаются те, кто читает (и покупает) книги. Но во всех трех случаях мы видим разные книги и, видимо, разных читателей, особенно если определять читателя как функцию от круга чтения, что, конечно, является упрощением.

Далее мы работали с деятельностью читателей внутри сообщества, оставив в стороне жанр читательской рецензии. Помимо специфических занятий видеоблогеров (таких, как книжные планы, отчеты о покупке книг, о том, как продвигается чтение той или иной книги), нас очень интересовала такая активность, как «книжные игры». Мы пришли к решению не ограничиваться исключительно текстовым выражением деятельности по двум причинам. Сами информанты во время невключенного наблюдения и интервью не раз сообщали, что отзывы или рецензии — не единственное, чем они занимаются, функционируя как члены сообщества. В первом же интервью нам сообщили про феномен «книжных игр», и, собственно, поскольку сам актор тем самым заявил о важности явления, мы не могли обойти его стороной. Все это, конечно, потребовало расширения нашей оптики до более крупного набора практик. К тому же нам быстро стало ясно: не все, что говорят читатели о книгах, выражается в формате рецензии. Поэтому для сбора мнений мы обращались к дискуссиям на различных ресурсах, смотрели видеоблоги, наблюдали за книжными играми, книжными марафонами и тому подобной деятельностью. Разумеется, этой работе необходим был надежный фундамент из точных данных, которые мы собрали ранее.

На этом этапе мы пришли к идее описать найденное нами, пользуясь терминами и методологией Бруно Латура. Первоначально мы просто взялись описывать имеющиеся у нас данные, но в процессе поняли, что тем самым прослеживаем в том числе и связи внутри сообщества, образующие само сообщество:

> ...на первый взгляд может показаться, что социологам легче выделить одну группу, чем заниматься картографией разногласий по поводу образования групп, дело обстоит совершенно наоборот, и по вполне эмпирической причине. Группообразование оставляет гораздо больше следов, чем уже стабилизированные связи, которые по определению могут оставаться безмолвными и невидимыми. Если какой-то ансамбль просто есть, то он невидим и о нем нельзя

> сказать ничего, он не производит следов и потому не дает никакой информации. Если же он виден, то в таком случае этот ансамбль производится, и он будет порождать новые интересные данные [Латур 2014: 47].

Самым интересным оказалось то, что связи эти обладают двумя неизменными свойствами. Они трудно формализуемы, трудно поддаются фиксации, и тем не менее существуют и определяют довольно значительную часть действий участников сообщества, а также их идентичность.

> Отнесение себя к той или иной группе — это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей [Там же: 43].

Именно обращение к методологии Бруно Латура позволило нам найти и описать некоторые важные связи внутри сообщества. Работа исключительно с количественными данными не дала бы нам возможности выявить сообщество книжных (видео)блогеров или активных участников книжных игр. Мы могли предполагать, что это будут по большей части женщины, с высшим образованием, без детей, жительницы крупных городов, но нам это ровно ничего не сказало бы об их читательских вкусах и привычках. Нам пришлось следовать в обратном направлении — от вкусов и привычек к соединяющих акторов связям, и только затем дополнить эти знания данными о поле, возрасте и образовании.

В начале этой работы мы заявили, что будем прослеживать связи. Нам удалось это сделать хотя бы в какой-то мере посредством наблюдения за видеоблогингом, рассказами об участии в книжных играх, книжных марафонах и тому подобном. По нашим наблюдениям (результат был ожидаемым), связи в этом сообществе в основном горизонтальны. По крайней мере те из них, что актуализируют сами читатели: они крайне редко в своих высказываниях апеллируют к некоему авторитету (критику или популярному блогеру), но, напротив, часто замечают, что о книге говорил такой же читатель, как они — возможно, их друг, приятель, или просто знакомый по хобби. По всей видимости, актуализируется более значимая в их глазах связь.

Второй вариант такой актуализации — о книге говорило все сообщество (BookTube, Bookstagram), и это еще раз нам демонстрирует неявные, но существующие и важные для участников связи, соединяющие их, и их важность в глазах читателей. То, чего мы извне можем не видеть, определяет саму манеру высказывания и способ суждения о книге.

В третьей главе мы обратились к другому полю исследования — отзывам на тексты школьного канона из популярной библиотеки Flibusta. В выборе именно этого поля нами двигало не только желание изучить краткие и сверхкраткие отзывы на безусловно знакомые, хрестоматийные тексты, но и идея проследить связи между отдельными акторами на принципиально иначе устроенной платформе.

Определив для начала корпус текстов, отзывы на которые будут собираться, мы изучили саму платформу и особенности общения в ее условиях.

Устройство ее таково, что установление связей между пользователями затруднено, пишущий отзыв читатель как бы остается в одиночестве, не имея возможности отследить реакцию на свое высказывание.

Качественные наблюдения за особенностями отзывов на тексты школьного канона позволили нам выявить некоторые часто встречающиеся категории отзывов, по большей части актуализирующие эмоциональное восприятие текста либо автора, со знаком плюс или минус. Особняком стоят попытки историко-литературного комментария, в которых пользователь, сообщая некоторые исторические либо текстологические факты, тем самым показывает свою осведомленность и, по сути, говорит не о тексте, а о себе. Мы также наблюдали устойчивость некоторых сообщаемых фактов: в частности, постоянно повторяется и так же постоянно разоблачается история о том, что Лев Толстой якобы назвал роман «Война и міръ».

Отсутствие устойчивых связей между пользователями в рамках именно этого взаимодействия приводит к тому, что хулиганские или иронические отзывы другие пользователи могут принимать за чистую монету (обычно в рамках сообщества с устойчивыми связями либо сам пользователь представляет, на что способен конкретный участник, и может его оценить, либо другие пользователи подсказывают ему). Между пользователями редко завязываются диалоги в силу неудобства платформы, каждый из них остается для другого не осязаемым актором, а набором букв. Большинство отзывов и не рассчитаны на то, чтобы на них откликнулись, а являют собой чистое эмоциональное высказывание без ожидания ответа.

В главе 4 мы обратились к качественным наблюдениям за читательскими предпочтениями, которые относятся главным образом к современной литературе с фантастическими допущениями, которая составляет основное чтение современных онлайн-читателей. Поэтому неудивительно было обнаружить, что значительная часть того, что им нравится и не нравится, относится к конвенциональным ходам именно этого жанра.

По нашим наблюдениям, читатели выделяют в книгах как отдельные, несвязанные, но важные для себя понятия сюжет, язык, героев и *матчасть* (последнее трудно формализуемое понятие относится означает примерно логику материального мира книги). Последнее понятие также тесно связано с представлением о том, что автор любой книги много работает именно над фактологическим наполнением текста, и с тем, что от книги требуется познавательность.

Как нам удалось выяснить предпочитаемые нашими читателями книги, как правило, не имеют недостатка в эмоциональности (в широком спектре — от сентиментальности до угрозы и отчаяния), и это, пожалуй, одна из их основных отличительных черт и критериев выбора. Книга должна возбуждать эмоции, над ней можно и нужно плакать, или смеяться, или погружаться в нее полностью — но эмоции должны быть «предсказанными», или, вернее выразиться, предсказуемыми. Читая любовный роман, читательница вправе ожидать, что встретившиеся в начале герой и героиня пройдут долгий путь взаимного сближения, а в конце поженятся,

и отступления от этого пути могут и отвратить читательницу от книги (такой случай описывает Дж. Рэдуэй: в романе главный герой погибал в середине книги, а героиня сходилась с другим, и продавщице книг пришлось отдельно готовить своих покупательниц к такому повороту). Вероятно, книги того же Ремарка также популярны по причине их высокой чувствительности и устойчивой схемы сюжета (хотя финал их обычно печален).

Текст, с точки зрения наших читателей, должен быть эмоционален в двух измерениях: он должен *содержать* эмоции и *вызывать* их (даже весьма сдержанно написанные тексты способны вызывать глубокие эмоции — очевиден пример романов Хемингуэя). Чтение про изображаемые чувства и переживание чувств — один из самых важных аспектов взаимодействия с книгой. При этом чувства помещаются в неэксплицируемую, но строгую рамку: они должны следовать известной читателю формуле (как в любовном романе), они должны находиться в моральной рамке имплицитного автора («автор должен показывать свое отношение к героям»), иначе читателю не на что опираться. Наконец, не всякие вызванные книгой чувства читатель охотно принимает: например, безнадежность, чувство угнетения, отчаяния, неопределенности не принимаются, а напряжение и страх — напротив, желанны (о чем говорит популярность такого жанра, как триллер). О тех книгах, что вызывают у них положительный отклик, читатели часто говорят: *они дают нам надежду*.

Еще один важный аспект ожиданий от чтения, смыкающийся с познавательной функцией у Риты Фелски и аристотелевским анагноризисом и мимесисом — это необычность и разнообразие. Чем дальше описываемый мир от мира читателя, чем неожиданнее и ярче интрига, чем необычнее механизмы, лежащие в основе вымышленного мира и сюжета — тем выше оценивается книга. Однако эмоциональный, интеллектуальный и ценностный опыт героев должен в значительной мере совпадать с таковым у читателя, иначе он не ощущает единения с героем, и герои остаются ему чужими и как бы ненужными. В этом, на наш взгляд, одна из причин неприятия школьного канона.

Когда мы наблюдали за таким явлением, как книжные игры, мы также пришли к выводу, что само их устройство, позволяющее выбирать книги по некоторым заданным критериям, помогает не только в образовании горизонтальных связей, но и в структуризации чтения, представляющей собой большую проблему в условиях современного книжного рынка. Внешние рекомендации или выданные в игре критерии играют роль островков определенности в книжном море.

Кроме того, мы провели небольшое сравнение запросов читателей-крестьян 20-х гг., как они описаны в [Добренко 1997] с запросами читателей современных, и выявили большую степень сходства. В частности, современные читатели точно так же не приемлют «похабщину», предпочитают приключения, четкий сюжет и ищут в книге непосредственных практических знаний (познавательности).

Далее, оставаясь в рамках методологии Латура, мы «позволили акторам говорить самим», т. е. обратились к автометаописаниям читателей. Как стало ясно из наших наблюдений, читатели, во-первых, охотно сами себя классифицируют (при этом могут отвергать классификации «извне»), во-вторых, много размышляют над тем, каким вообще должен быть идеальный читатель, и в-третьих, пытаются совершенствоваться в деле чтения, рассматривая это как некоторую экзистенциальную цель.

Из этих автометаописаний можно составить портрет современного активного читателя: он читает очень много, пытается структурировать свое чтение, рефлексирует над своими пристрастиями, испытывает яркие эмоции от чтения и, наконец, размышляет над телесными практиками, связанными со чтением.

Самым неожиданным открытием в процессе работы оказалось то, что не существует «читателя вообще», даже применительно к одной стране и к одному городу. Картина чтения будет сильно отличаться даже в пределах крупных городов, общего у читателей сейчас немного и будет становиться все меньше. Это обусловлено активной дифференциацией рынка с сопутствующим уменьшением тиражей и увеличением числа книжных наименований. То, что мы сейчас видим, больше напоминает скопление небольших кругов чтения, иногда пересекающихся, иногда нет.

Изучая описанные в работах социологов количественные данные [Дубин, Зоркая 2008], мы все время задавались вопросом: насколько эти данные (и другие того же рода) могут помочь в характеристике читателя как субъекта и ответить на вопросы не количественного, но качественного характера? Когда мы узнаем, что 43% читающих книги полагаются на рекомендации друзей и знакомых, у нас встает вопрос, а какие книги рекомендуют эти знакомые и в каком отношении на них полагаются опрошенные? Все ли книги они выбирают по совету знакомых или только часть? Либо, когда мы видим место чтения в общей структуре досуга, то должны спросить себя: одинаково ли это для столиц и провинции, для всех возрастных групп? Другими словами, мы обязаны задавать вопрос «Кто это читает?» [Suleiman 1980], то есть, как принадлежность к определенной страте, влияет на выбор практик чтения и влияет ли вообще?

Все, что мы описали в нашей работе, было попыткой картографировать неизвестную нам доселе территорию путем прослеживания связей, и тем самым очертить контуры сообщества читателей, хотя бы в самом приблизительном виде.

Разумеется, само появление сообщества именно читателей, концептуализация его как особого, со своими конфигурирующими практиками, структурой потребления, правилами соответствия индивида сообществу, невозможно без глубоких изменений самого чтения и поля книжного рынка. Если раньше читателем как будто по умолчанию считался каждый, кто владеет грамотой (хотя это и было не совсем верно), и это делало саму идею сообщества читателей труднопредставимой: сообщество с настолько размытыми границами — не сообщество. Теперь же, во-первых, чтение

утратило доминирующую позицию в потреблении информации, и во-вторых, и это уже в большей степени относится только к постсоветскому пространству — изменился, дифференцировался книжный рынок, появились иные стратегии выбора книг для печати и продажи и конечная нацеленность этого рынка на развлечение, а не воспитание (на свободные эмоции, а не нормативность).

Несконфигурированное, размытое сообщество читателей, ограниченное не собственными практиками, связями и правилами, а внешней нормативно-педагогической рамкой (читателем ведь мог считаться не всякий, а только тот, кто *правильно* читает *правильные* книги, см. параграф 2.5.3.) не имело шанса быть прослеженным и зафиксированным. Попытки создания внешних конституирующих практик (читательские клубы и конференции, литературные суды) растворялись, как капли краски в воде. Сейчас же нам не только легче проследить за действиями и практиками читателей, особенно в интернете, но и к тому же есть что прослеживать.

Фуко в «Археологии знания» [Фуко 1996а] предполагает, что общественная формация являет собой совокупность практик и определяется через насыщающие ее практики, особенно центральные (так определяется полис, *société*, *res publica* и так далее). Таким образом, любую формацию можно назвать конфигурацией практик.

Когда мы говорим о сообществе читателей, мы восстанавливаем его из увиденных нами практик, следуя принятой нами методологии Бруно Латура. Если люди осуществляют какую-то общую или объединяющую их деятельность по известным им правилам (или условиям явленности), то мы можем счесть их сообществом. Именно это мы видим в случае сообщества читателей.

Как оно изменилось в сравнении с предыдущими поколениями? Начнем с того, что его действительно стало проще отследить — не в документальном смысле, а в смысле являемых сообществом феноменов, в том числе и отзывов, и групповых практик, а не только сведений библиотечного абонемента. Эти феномены больше не нуждаются в запросе от исследующей или обучающей институции — участники сообщества производят их сами, без внешнего запроса, благодаря чему мы видим не точечные результаты анкетирований, а связную систему вкусов, желаний и действий.

Второе, не слишком явным образом следующее из первого: чтение постепенно мигрирует от фоновой повседневной деятельности в направлении хобби. Тому есть несколько причин. Первая: падение гегемонии медиума. Печать больше не является единственным способом получать информацию либо развлекательный контент (это наилучшим образом доказывает популярность YouTube и Instagram как платформ, ориентированных исключительно на аудиовизуальное потребление), то есть человеку вовсе не обязательно вообще что-либо читать, как только он покидает любую образовательную институцию. Многие этого и не делают. Приверженными чтению, таким образом, остаются лишь те, кого этот способ получения информации привлекает (и развлекает) больше. Похожая

миграция произошла в развитых странах с шитьем и вышиванием: из важной деятельности, которой вынуждены были владеть все женщины, они превратились в хобби для увлеченных. Разумеется, это приводит и к повышению доли и значимости рекреационного чтения. Вторая причина: насыщенность книжного рынка. Неограниченность этой насыщенности как бы подстегивает с одной стороны, читать как можно больше, потому что это увлекательно и интересно, с другой стороны, стимулирует подбирать свое чтение тщательнее, структурировать его, так как прочесть даже все, что нравится, невозможно. Именно поэтому горизонтальные рекомендации, списки чтения, связи внутри сообщества так важны, они помогают не утонуть в книжном море.

Третья причина и, возможно, она является основной: появление легкого и удобного средства для обсуждения книг. Более того, в сетевой среде можно найти единомышленников по любому вопросу и обсудить самые неожиданные вкусовые пристрастия, чего в сравнительно узком кругу личного общения можно и не встретить. Благодаря интернету читателям легче объединяться в сообщества (и выше побуждение это делать), а исследователям проще фиксировать их следы.

Именно вследствие такой миграции мы можем и легко отследить, и ограничить сообщество читателей: оно стало сплоченнее, границы его — четче, коль скоро чтение все больше становится не фоновой, а выделенной рекреационной деятельностью.

Здесь, конечно, нужно еще упомянуть влияние технических средств, нового распределения времени и новых способов чтения — от аудиокниг до подписки на любимого автора, выкладывающего продолжение книги на сайте. На самом деле, все это прежде всего помогает вписать чтение в повседневную рутину, а принадлежность к сообществу повышает степень вовлеченности, так сказать, помогает не отставать (вспомним читательницу, которая «находила время» для чтения благодаря книжным играм). Вовлеченность в сообщество, ощущение принадлежности и создание этой принадлежности очевидным образом подогревают читателя изнутри, делают его более активным.

Как мы уже сказали выше, мы пытались совместить старые подходы с новыми наблюдениями. Это не вполне случайно: мы, конечно, стоим на плечах гигантов. С одной стороны, мы говорим о реальных читателях, хотя и посредством их высказываний и статистических данных, с другой стороны, двигаясь к методологическому осмыслению тех или иных явлений, обнаруженных нами, мы вынуждены опираться на нечто, обнаруженное и сформулированное давно. В частности, это можно сказать о сорокалетней давности цитате из Жака Леенхардта:

> ...new situation has been created with the formation of a new reading public, whose organic relationship to the producer has nearly completely disappeared. The codes of production of literary works have become alien to the spontaneous codes of readers. This gap between productive and receptive codes has recently been given a theoretical formulation, in order to designate as old-fashioned the procedures whereby

> meaning is communicated. Since all direct communication implies a homogeneity in the productive and receptive codes, certain contemporary critics have shown such communication to be the mere reproduction of the dominant ideology [Leenhardt 1980: 207].

Наши наблюдения подтверждают идею расхождения рецептивных и продуктивных кодов, но движутся дальше: литература начинает предлагать читателям тексты с понятными, знакомыми им рецептивными кодами. Это вопрос не только коммерциализации книжного рынка (который никогда не был в полной мере некоммерческим), но и в большой мере влияния идеи «текст не существует без читателя».

Чтение, как мы видим, не акт «покорного потребления» [Там же], а процесс активного присвоения (appropriation) и в конечном счете пересоздания. Исследователи, работающие с читателями, особенно в рамках феноменологического подхода, много говорили о *конструкции* и *ре-конструкции*, и мы тоже возвращаемся к вопросу создания, к идее того, что читатель создает текст.

Мы пришли к выводу, что изменение медиума (т. е. появление интернета в широком пользовании) изменило структуру чтения самым кардинальным образом именно в той части, где читатель становится производителем текста. Дело не только в связывающих сообщество практиках, о которых речь шла выше, но еще и в том, что удобство медиума побуждает читателей становиться писателями и менять структуру чтения уже самостоятельно. Современная жанровая литература (прежде всего фантастика и фэнтези, но также и любовно-эротический роман) — это в очень большой мере литература неизданная, не прошедшая процедуру публикации на бумаге, просто выложенная в интернете (по крайней мере на первых порах, потом текст может быть и опубликован, т. е. пройти старую процедуру валидации[263]). Фактически это означает, что читатель начинает писать для читателей, переходя в роль писателя и образуя уже сообщества писателей (litnet.com, author.today и т. д.), наследующие старое традиционное имя «самиздата». Изнутри этих сообществ писатель может переходить в роль читателя, и сам писать именно то, что хотелось бы ему прочесть, то, что он находит для себя приятным и интересным[264]. Это, в целом, соответствует старой идее «узурпирующего слабого» у де Серто: когда сильный узурпирует власть над производством смыслов, слабый изнутри подрывает эту власть, пародируя ее повадки, или дистанцируется от нее, занимаясь исключительно собственными смыслами.

Добавим тут, что вся эта деятельность, ее сложный механизм находятся полностью вне ока институций, вне ока того, что де Серто называл «новой

---

[263] См. случай «50 оттенков серого» Э. Л. Джеймс как наиболее показательный: первоначально это был фанфикшен по вампирской саге «Сумерки» Стефани Майер.

[264] См. также у Дж. Рэдуэй: читательницы любовных романов начинали писать сами, чтобы подарить любимым писательницам «такое же приятное чтение, которое она создала для меня» [Рэдуэй 2004: 100].

ортодоксией»: книжные критики редко пишут о книгах, которые больше всего популярны у читателей, литературные премии, особенно российские, существуют в почти изолированном от этого мира пространстве, не говоря уж о литературоведении, сосредоточившемся, кажется, в основном на мертвых авторах. Может быть, только те, кто работает с книжным рынком, видят эти подводные течения. И тем не менее — это и есть современные читатели, преданные, деятельные и страстные.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

ПДА: Полевой дневник автора, 2016–2020.

Таблицы рейтингов: Электронный ресурс. Google Sheets: https://clck.ru/MqitT (доступ 10.05.2020).

100 лучших книг 1991: 100 лучших книг // Книжное обозрение. 1991. № 23.

Банк 1926/1: *Банк Б.* Ежедневный учет читательских интересов // Красный библиотекарь. 1926. № 1.

Беккер 1933/11: *Беккер М.* Молодой читатель в роли критика // Молодая гвардия. 1933. № 11. С. 143.

Беккер 1933/6: *Беккер Мих.* Читатели и критика. Из бесед с читателями-комсомольцами // Литературный критик. 1933. № 6.

Беккер 1933/7: *Беккер Мих*. Читатель и критика. Второй обзор // Литературный критик. 1933. № 7. С. 200.

Борович 1922: *Борович Б. О.* Пути сближения книги с читателем: Опыт методологии культурной работы в библиотеке. Харьков, 1922.

Борхес 1992: *Борхес Х. Л.* Новые расследования. СПб.,1992.

Достоевский 1980: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 21. Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878. Л., 1980.

Какая книга… 1927: «Какая книга нужна крестьянину». М.; Л., 1927.

Клименко 1928/7: *Клименко А*. О библиотечном маклерстве // Красный библиотекарь. 1928. № 7.

Кэрролл: *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в Стране Чудес; Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. Пер. Н. Демуровой. М., 1985.

Левада, Голов 1990: *Левада Ю. А., Голов А. А.* Есть мнение! Итоги социологического опроса. М., 1990.

Лесков: *Лесков Н. С.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 1957.

Любимов 1931: *Любимов А.* На библиотечном фронте неблагополучно // Красный библиотекарь. 1931. № 4. С. 15.

Мазнин 1932/3: *Мазнин Дм.* Знаем ли мы читателя? // На подъеме (Ростов-на Дону). 1932. № 3.

Носов: *Носов Н. Н.* Витя Малеев в школе и дома. М., 1986.

Писатель перед судом рабочего читателя 1928: *Брылов Г., Вейс Н., Сахаров В.,* под ред. Культотдела ЛСПС. Писатель перед судом рабочего читателя. Вечера рабочей критики. Л., 1928.

Полякова 1928/9, 11: *Полякова Л.* К вопросу о методике обработки читательских отзывов // Красный библиотекарь. 1928. №№ 9, 11.

Программы 1932: Программы русского языка и литературы. М.: Наркомпрос. 1932.
Пушкин: *Пушкин А. С.* Собрание сочинений. Т. 5. Романы. Повести. М., 1960.
Рабочие о литературе, театре и музыке 1926: *Крылова С., Либединский Л., Ра-Бе (Бек А.), Тоом Л.* Рабочие о литературе, театре и музыке. Л., 1926.
Скубачевская, Надозирная… 2016: *Скубачевская Л. А., Надозирная Т. В., Слаутина Н. В.* ЕГЭ. Литература: универсальный справочник. М., 2016.
Смушкова 1927: *Смушкова М.* Очередные задачи библиотечной работы в городе // Массовая работа в библиотеке. М.; Л.: Долой неграмотность, 1927.
Стругацкие 1992: *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Понедельник начинается в субботу; Сказка о Тройке: Повести. М., 1992.
Топоров 1927/6, 1928/1–2: *Топоров А. М.* Деревня о современной художественной литературе // Сибирские огни. 1927. № 6. 1928, №№ 1–2.
Топоров 1930, 1967: *Топоров А. М.* Крестьяне о писателях. М.; Л., 1930; М., 1967.
Фридьева 1924/1: *Фридьева Н.* Современные запросы городского читателя и активность библиотеки // Красный библиотекарь. 1924. № 1.
Щукина 1926/1: *Щукина А.* Изучение читателя по отзывам о книгах // Красный библиотекарь. 1926. № 1.
Э. К. 1925/8: *Э. К.* Анкета не оправдалась // Красный библиотекарь. 1925. № 8.

Coleridge 1849: *Coleridge S. T.* Notes and Lectures Upon Shakespeare and Some of the Old Poets and Dramatists: With Other Literary Remains of S. T. Coleridge. London, 1849.

Исследования

Абрамов 1970: *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР. М., 1970.
Алчевская 1888–1906: *Алчевская Х.* Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. М., 1888–1906.
Амесс 2008: *Амесс Ж.* Схоластическая модель чтения // История чтения в Западном мире: от Античности до наших дней. Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М., 2008, С. 138–160.
Андерсон 2016: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2016.
Ан-ский 1901: *Ан-ский С. А.* Народ и книга. М., 1901.
Банк 1969: *Банк Б. В.* Изучение читателей в России: (XIX в.). М., 1969.
Баркер, Эскарпи 1979: *Баркер Р., Эскарпи Р.* Жажда чтения. М., 1979.
Блок 1973: *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.
Вахштайн 2013: *Вахштайн В. С.* К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками // Социология власти. 2013. № 3.

Виттман 2008: *Виттман Р.* Революция чтения в конце XVIII в.? // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М., 2008. С. 359–398.
Волков, Хархордин 2008: *Волков В. В., Хархордин О. В.* Теория практик. М., 2008.
Выготский 1987: *Выготский Л. С.* Психология искусства / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1987.
Гадамер 1988: *Гадамер Х. Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
Гадамер 1991: *Гадамер Х. Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.
Гинзбург 1994: *Гинзбург К.* Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 32–61.
Гофман 2004: *Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
Графтон 2008: *Графтон Э.* Гуманист за чтением // История чтения в Западном мире: от Античности до наших дней. Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М., 2008. С. 225–265.
Гройс 1993: *Гройс Б.* Стиль Сталин // Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993.
Гуковский 1966: *Гуковский Г. А.* Изучение литературного произведения в школе. М., 1966.
Гуссерль 1999: *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999.
Деревенская беднота и библиотека 1927: *Банк Б., Виленкин А.* Деревенская беднота и библиотека. Л., 1927.
Добренко 1997: *Добренко Е.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
Дубин 1990: *Дубин Б.* Если нет денег — дайте свободу // Библиотекарь. 1990. № 10.
Дубин 2010: *Дубин Б.* Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010.
Дубин 2017: *Дубин Б.* Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. М., 2017.
Дубин, Зоркая 2008: *Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Чтение в России — 2008. Тенденции и проблемы. М., 2008.
Дубин, Зоркая 2009: Дубин, Б. Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов. Электронный ресурс: http://polit.ru/article/2009/03/18/reading/ — дата обращения 14.01.2017.
Жабицкая 1974: *Жабицкая Л. Г.* Восприятие художественной литературы и личность: Литературное развитие в юности. Кишинев, 1974.
Зенгер 2008: *Зенгер П.* Глава 5. Чтение в позднем Средневековье // История чтения в Западном мире: от Античности до наших дней. Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М., 2008. С. 161–189.
Зенкин 2017: *Зенкин С.* Теория литературы: проблемы и результаты. М., 2017.

Изер 2004: *Изер В.* Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология. М., 2004, С. 201–224.
Ингарден 1962: *Ингарден Р.* Исследования по эстетике. М., 1962.
История русского читателя 1973: История русского читателя. Вып. 1 / ЛГИК; ред. И. Е. Баренбаум. Л., 1973.
История русского читателя 1976: История русского читателя. Вып. 2 / ЛГИК; ред. Е. Я. Зазерский. Л., 1976.
История русского читателя 1979: История русского читателя. Вып. 3 / ЛГИК; ред. И. Е. Баренбаум. Л., 1979.
История русского читателя 1982: История русского читателя / ЛГИК; ред. И. Е. Баренбаум. Л., 1982.
История русского читателя 2010: История русского читателя: сб. ст. / Ред.-сост. П. Н. Базанов, В. В. Головин. СПб., 2010.
Кавалло, Шартье 2008: *Кавалло Г., Шартье Р.* (ред.-сост.). История чтения в Западном мире от античности до наших дней. М., 2008.
Канторович 1984: *Канторович В. Я.* Литература и социология: статьи, воспоминания. М., 1984.
Книга и чтение 1973: Книга и чтение в жизни небольших городов. М., 1973.
Крестьянская молодежь и книга 1928: *Банк Б., Виленкин А.* Крестьянская молодежь и книга. М.; Л., 1928.
Лайонс 2008: *Лайонс М.* Новые читатели в XIX в.: женщины, дети, рабочие // История чтения в западном мире от античности до наших дней. Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М., 2008. С. 399–441.
Латур 2014: *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
Литература и социология 1977: Литература и социология. М., 1977.
Локк: *Локк Д.* Опыт о человеческом разумении. М., 1985.
Лотман 1977: *Лотман Ю. М.* Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Т. 9. С. 55–61.
Лотман 1993: *Лотман Ю. М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 380.
Лотман, Успенский 1993: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Условность в искусстве // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 376.
Макеев 2008: *Макеев М. С.* Николай Некрасов: поэт и предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2008.
Маслова, Шляпентох 1974: *Маслова О., Шляпентох В.* Что они знают друг о друге // Литературное обозрение. 1974. № 2.
Набоков 1998: *Набоков В. В.* Лекции по зарубежной литературе. М., 1998.
Паркс 2008: *Паркс М.* Читать, переписывать и толковать тексты: монастырские практики раннего Средневековья // История чтения в Западном мире: от Античности до наших дней. Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М., 2008, С. 122–137.

Полунов 2010: *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
Рейтблат 2009: *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по истории социологии русской литературы. М., 2009.
Рикер 1995: *Рикер П.* Повествовательная идентичность // Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995.
Рубакин 1895: *Рубакин Н. А.* Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры и наблюдения. СПб., 1895.
Рубакин 1928: *Рубакин Н. А.* Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М.; Л., 1928.
Рэдуэй 2004: *Radway J.* Reading the Romance. North Carolina, 1984 / Рэдуэй Дж. Читая любовные романы. Женщины, патриархат и популярное чтение. М., 2004.
Савинова 2007: *Савинова М. А.* Народные чтения как одна из форм внешкольного образования в России (вторая половина XIX – начало XX века) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2007. № 7.
Свенбро 2008: *Свенбро Й.* Древняя Греция в эпоху архаики и классический период: возникновение практики «безмолвного чтения» — чтения про себя // История чтения в Западном мире от Античности до наших дней. Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М., 2008, С. 53–89.
Серто 2013: *Серто М. де*. Изобретение повседневности. СПб., 2013.
Советский читатель 1968: Советский читатель: Опыт конкретно-социологического исследования: [Сборник статей] / [Ред.-сост. Н. Е. Добрынина и Е. Е. Троицкая]. М., 1968.
Советский читатель… 1992: Советский читатель (1920–1980-е годы) / СПбГИК; ред. И. Е. Баренбаум. СПб., 1992.
Соколов et al. 2016: *Соколов М. М., Соколова Н. А., Сафонова М. А.* Статусные культуры, биографические циклы и поколенческие изменения в литературных вкусах читателей петербургских библиотек // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 3.
Тынянов 1977a: *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
Тынянов 1977b: *Тынянов Ю. Н.* О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
Фуко 1996a: *Фуко М.* Археология знания. М., 1996.
Фуко 1996b: *Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 47–97.
Хабермас 2016: *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.
Хайдеггер 2011: *Хайдеггер М.* Время и бытие // Метафизика. 2011. № 1. С. 205–224.
Шюккинг 1928: *Шюккинг Л.* Социология литературного вкуса / Под ред. и с предисл. проф. В. М. Жирмунского. Л.: Academia, 1928.

Эко 2007: *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2007

Эскарпи 1972: *Эскарпи Р.* Революция в мире книг. М., 1972.

Якобсон 1964: *Якобсон П. М.* Психология художественного восприятия. М., 1964.

Яусс 1995: *Яусс Х. Р.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–85.

Blackwell: *Blackwell A*. Visual Representation // Lowgren, J. et al. The Encyclopedia of Human-Computer Interaction, 2nd Ed. Web resource: https://www.interaction-design.org/literature/book/the-encyclopedia-of-human-computer-interaction-2nd-ed/visual-representation (last seen 21.04.2020).

Bourdieu 1993: *Bourdieu P*. The field of cultural production: Essays on art and literature. Washington, 1993.

Braslavski et al. 2016: *Braslavski P. et al.* Large-scale log analysis of digital reading // Proceedings of the Association for Information Science and Technology. 2016. Vol. 53, № 1. P. 1–10.

Buckels et al. 2014: *Buckels E. E., Trapnell P. D., Paulhus D. L.* Trolls just want to have fun // Personality and individual Differences. 2014. T. 67.

Certeau 1982: *de Certeau M.* La lecture absolue (Théorie et pratique des mystiques chrétiens: XVIe–XVIIe siècles) // Problèmes actuels de la lecture. 1982. P. 65–80.

Chartier, Gonzalez 1992: *Chartier R., González J. A.* Laborers and Voyagers: from the text to the reader // Diacritics. 1992. Vol. 22.

Cheng 2017: *Cheng J. et al.* Anyone can become a troll: analysis and simulation of online discussion sections show circumstances that can cause civil commentators to engage in aggressive behavior // American Scientist. 2017. Vol. 105, № 3.

Cheng et al. 2015: *Cheng J., Danescu-Niculescu-Mizil C., Leskovec J.* Antisocial behavior in online discussion communities // Ninth International AAAI Conference on Web and Social Media. Palo Alto, California, 2015.

Cooper 1999: *Cooper A.* The inmates are running the asylum. Indianapolis, IA, 1999.

Culler 1980: *Culler J.* Prolegomena to a Theory of Reading // The reader in the text: Essays on audience and interpretation. Princeton, 1980. P. 46–66.

Curtis 2010: *Curtis N.* Modular web design: creating reusable components for user experience design and documentation. San Francisco, 2010.

De Walt et al. 1998: *DeWalt K. M., DeWalt B. R., and Wayland C. B.* Participant Observation // Handbook of Methods in Cultural Anthropology, edited by H. R. Bernard. Calif., 1998.

Dimitrov et al. 2015: *Dimitrov S. et al.* Goodreads versus amazon: The effect of decoupling book reviewing and book selling // Ninth International AAAI Conference on Web and Social Media. Palo Alto, California, 2015.

Dunham 1990: *Dunham V.* In Stalin's time: middleclass values in Soviet fiction. North Carolina, 1990.

Felski 2011: *Felski R.* Uses of literature. Maiden, MA, 2011.
Fish 1980: *Fish S. E.* Is there a text in this class? The authority of interpretive communities. Cambridge, MA, 1980.
Frost 2016: *Frost B.* Atomic design. Pittsburgh, 2016.
Gibson 1979: *Gibson J. J.* The Ecological Approach to Visual Perception. Boston, 1979.
Golf-Papez, Veer 2017: *Golf-Papez M., Veer E.* Don't feed the trolling: rethinking how online trolling is being defined and combated // Journal of Marketing Management. 2017.
Hartley 2001: *Hartley J.* Reading Groups. A Survey Conducted in Association with Sara Turvey. Oxford, NY, 2001.
Josza, Leenhardt 1982: *Leenhardt J., Josza P., Burgos M.* Lire la lecture. Essai de sociologie de la lecture. Paris, 1982.
Krzywinska 2008: *Krzywinska T.* World creation and lore: World of Warcraft as rich text // H. G. Corneliussen and J. W. Rettberg, Eds. Digital Culture, Play, and Identity: A World of Warcraft Reader. Cambridge, MA, 2008. P. 123–142.
Lacan 1948: *Lacan J.* L'agressivité en psychanalyse // Revue française de psychanalyse. Paris, 1948. Vol. 12, № 2.
Latour 1987: *Latour B.* Science in action: How to follow scientists and engineers through society. Cambridge, MA, 1987.
Latour, Woolgar 1979: *Latour B., Woolgar S.* Laboratory life. The social construction of scientific facts. Beverly Hills, Calif., and London, 1979.
Leenhardt 1980: *Leenhardt J.* Toward a sociology of reading // The reader in the text: essays on audience and interpretation. Princeton, 1980. P. 205–224.
Leibov, Vdovin 2020: *Leibov R., Vdovin A.* What and How Russian Students Read in School, 1840–1917 // Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena (Ed.). Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia (252−316). Milano, 2020.
Long 1993: *Long E.* Textual interpretation as collective action // Boyarin J. (ed.). The ethnography of reading. Calif., 1993. P. 180–211.
Long 2003: *Long E.* Book Clubs: Women and the Uses of Reading in Everyday Life. Chicago, 2003.
Lovell 2000: *Lovell S.* The Russian reading revolution: Print culture in the Soviet and Post-Soviet eras. Hampshire, England, 2000.
Maranda 1980: *Maranda P.* The dialectic of metaphor: an anthropological essay on hermeneutics // The reader in the text: essays on audience and interpretation. Princeton, 1980. P. 183–204.
Maryl 2008: *Maryl M.* Virtual communities — real readers: New data in empirical studies of literature // Auracher J., van Peer W. (eds.). New beginnings in literary studies, 2008.
Maryl 2014: *Maryl M.* Czytanie romansu online. Kolektywny odbiór literatury w Internecie // Tropy literatury i kultury popularnej. Warszawa, 2014. P. 321–340.

Nielsen 1997: *Nielsen J.* How Users Read on the Web. Web resource: https://www.nngroup.com/articles/how-users-read-on-the-web/ (last seen 21.04.2020).
Nielsen 1999: *Nielsen J.* Designing web usability: The practice of simplicity. San Francisco, 1999.
Norman 2002: *Norman D. A.* The Design of Everyday Things. New York; Paris, 2002.
Radway 1984 = Рэдуэй 2004
Stierle 1980: *Stierle K.* The reading of fictional texts // The reader in the text: Essays on audience and interpretation. Princeton, 1980. P. 83–105.
Suleiman 1980: *Suleiman S. R.* Introduction: Varieties of audience-oriented criticism // The reader in the text: Essays on audience and interpretation. Princeton, 1980. P. 3–45.
Todorov 1980: *Todorov T. et al.* Reading as Construction // The reader in the text: Essays on audience and interpretation. Princeton, 1980.

KOKKUVÕTE

Ilukirjandusliku teksti reaalse retsipiendi probleem: kaasaegsete lugejapraktikate analüüs

Meie huvi kaasaegse lugeja vastu polnud mitte sugugi viimases järjekorras tingitud asjaolust, et sisuliselt pole meil eriti palju teada lugejast kui kirjandusliku protsessi osalisest. Seda instantsi käsitletakse erinevalt, mille tulemusel tekib mulje, et uurijad kirjeldavad kas siis ühte või teist selle mõiste osa, kusjuures keskendumine ühele osale toimub teise osa kitsenduse arvelt.

Käesoleva väitekirja eesmärgiks oli katse kirjeldada kasvõi osa praegu Venemaal moodustunud lugejaskonnast. Metodoloogiaks valisime me Bruno Latour'i metodoloogia ja aktori-võrgustiku teooria, ja nimelt seetõttu käsitlema me lugejaid lugejaskonnana. Aktori-võrgustiku teooria vaatleb kõiki omavahelisi suhteid ühiskonnas heterogeense võrgustikuna erinevate aktantide vahel, seejuures võivad aktandid olla ka elutud, mitte inimlikud. Just aktandid, sooritades tegevusi, moodustavadki võrgustiku, millest koosneb ühiskond. AVT võimaldab ülimalt paindliku instrumentaariumi, seetõttu üritasime me rakendada seda meie uurimissfäärile.

Latour lähtub ideest, et kui me järgime aktoreid ja kirjeldame nende toiminguid, kirjeldame me parimal võimalikul moel seda, mida traditsioonilised sotsioloogid (kelle lähenemist Latour kummutab) nimetavad sootsiumiks.

Kui me räägime lugejaskonnast, taastame me seda meie poolt hoomatud praktikatest, järgides meie aktsepteeritud metodoloogiat. Kui inimesed sooritavad mingit ühist või neid ühendavat tegevust neile tuntud reeglite järgi, siis võime me lugeda neid koosluseks. Just seda me täheldamegi ka lugejaskonna puhul.

See, mida me me oma töös kirjeldasime, oli katse, kasutades Latour'i metafoori, kaardistada meile seniks tundmatut territooriumi seoste järgimise teel, ja samas visandada kaasaegse venemaise lugejaskonna piirjooned, tehes seda kasvõi kõige ligilähedasemal moel.

Kuna me keskendume eraldi küsimusel, kuidas täpselt on lugeja muutunud võrreldes minevikuga, tuli meil süvitsi uurida küsimuse ajalugu. Seetõttu sisaldab väitekirja **esimene peatükk** lugeja uurimise ajaloo lühiülevaadet ja esitab peamised selle filoloogilise instantsi uurimise kontseptsioonid. Selles on esitletud lugemise ajaloolise arengu lühiülevaade. Seejärel siirdume me lugeja uurimise teoreetiliste kontseptsioonide juurde. Esimese massilugeja sotsioloogilisest uuringust läheme me üle retseptiivse esteetika ja implitsiitse lugeja juurde ja edasi antropoloogilise pöörde ja praktikate teooria juurde, aga samuti lugejaskonna vastukaja teooria juurde. Eraldi peatume me lugejate uurimise ajalool Venemaal, kuna see erineb märkimisväärselt sellest, millega on tegemist Lääne-Euroopa traditsioonis. Erilist tähelepanu osutasime me Jevgeni Dobrenko tööle "Nõukogude lugeja vormimine", kuna see on esiteks täies ulatuses

pühendatud lugeja formeerumisele, nagu ilmneb juba pealkirjast, teiseks aga tuvastasime me Dobrenko toodud järeldustes ja näidetes päris palju paralleele meie täheldustega. Lõppude lõpuks on meie uuritav lugeja sellesama süsteemi toode. Nõukogude esteetiline süsteem nägi lugejas mitte uurimise, vaid mõjutuse objekti — "ümbertegemise", "ümbersepistuse" objekti.

Teine peatükk kannab nimetust "Kaasaegsed lugejaskonna praktikad ja kus need toimuvad".

Selles kirjeldame me oma uurimisala ja kõiki sellega seonduvaid vajalikke piiranguid ning esitame samuti hulga- ja kvaliteediandmed lugemisvara kohta.

Mis puudutab piiranguid, siis siin kirjeldame me 2010-ndate aastate lõpu lugejaskonda ja lugejaskonda noortest alla 35 aasta vanustest inimestest, kes on formeerunud kõrgelt diferentseeritud raamatuturu tingimustes. Väitekirjas käsitleme me samuti aktiivseid lugejaid, st inimesi, kes on harjunud lugemises meelelahutust ja ajaviidet otsima. Nende jaoks on lugemine aktiivne meelistegevus, milleks nad võtavad eraldi aja.

Me juhindume kahest Latour'i teesist: "Pole tegevust — pole gruppi" ja "Lubage aktoritel ise rääkida".

Algselt pöördusime me veebilehele LiveLib.ru, mis on loodud eriliselt retsensioonide kirjutamiseks raamatute kohta. Kuid lugejate tegevus ei piirdu üksnes retsensioonidega, vaid hõlmab ka keerulisi võistlevaid interaktsioone (millest me teeme juttu eraldi) ja raamatublogisid. Viimase tegevusviisi uuringu tulemusel kaasasime me uuringusse ka Youtube'i, täpsemalt selle kitsa allhulga — BookTube, nagu seda blogerid ise nimetavad. Samuti kaasasime me väitekirja suurima venekeelse võrguraamatukogu Flibusta lühida ja ülilühida hinnangu väljana.

Kõik need ressursid erinevad oluliselt oma suunitluse ja võimaluste poolest, mis nad kasutajatele pakuvad.

Ressurssi LiveLib kasutasime me samuti andmete kogumiseks lugemisvara kohta. Me kogusime mitut tüüpi reitinguid: aasta lõikes, kuu lõikes, lugejaskonna soovituste reitingut jne "Topp-100 raamatuid kõigil aegadel". Sellel materjalil põhinedes õnnestus meil välja selgitada erinevaid tendentse kaasaegses lugemises, sh neid, mis puudutavad eelistusi autorite osas, žanrite osas ja ajaperioodide osas. Seejärel võrdlesime me neid andmeid lugemisvara loeteludega raamatublogeritelt ja tuvastasime teatud kokkulangevusi.

Meie töö **peatükk 3** on pühendatud hinnangutele koolikaanonile, mis on kokku kogutud võrguraamatukogus Flibusta. Koolikaanoni määratlesime me Venemaa Ühtse riigieksami (Yediniy gosudarstvenniy ekzamen) kodifikaatori järgi. Uuringu alla langes vähim muutlik kaanoni osa, alates Gribojedovist kuni Tšehhovini kaasa arvatud, selle uurimisele eraldatakse informantide teadete kohaselt oluliselt rohkem aega. Ressurss ise, nagu me juba mainisime, huvitas meid lühihinnangu väljana, edasises aga samuti seetõttu, et see erineb oluliselt meie peamisest väljast LiveLib. Andmete kogumise ja väljavõtte silumise tulemusel õnnestus meil paika panna teatud temaatilised muutujad, mis tihti esinevad hinnangutes klassikalistele tekstidele ja tuvastada tekstid, millele hinnanguid pole üldse antud. Selliste hinnangute uuringul õnnestus meil samuti

sedastada, et lugejad mainivad tihti fakte loetud tekstidest, tihti vääri, mida me tähistasime terminiga “faktoidid” (näiteks ettekujutus, et Leo Tolstoi romaani nimetatakse «Война и мір» (st “Sõda ja (koorekiht)”), aga mitte «Война и мир» (st “Sõda ja rahu”)). Mis puudutab sidemeid lugejate vahel, siis on meie tähelduste järgi see platvorm peaaegu “seosetu”. See on eeskätt tingitud asjaolust, et selle platvormi sisseehitatud funktsionaalsed eripärad ei eelda külastajate koosluste moodustumist.

Peatükk 4 on pühendatud kvalitatiivsetele täheldustele lugejanõuete osas. Selles on juttu esiteks lugejaskonnas levivatest praktikatest peale lugemise. Siin tuleb eeskätt ära märkida lugemissuutlikkuse teste: võistlused teemal “Kes suudab lugeda N hulga raamatuid mingi fikseeritud perioodi jooksul”, milleks on tavaliselt aasta. Selliseid teste nimetasime me koguselisteks. On ka kvalitatiivseid teste — raamaturodu lugemine antud parameetrite järgi, arvestusega iga eraldivõetud punkti järgi. Need raamaturodud pole reeglina korrastatud ja neil puudub sisemine loogika. Lugejate jaoks tähendab see vajadust lugemust struktureerida, kuna nad hulbivad raamatumeres, mõistes, et isegi meeldunud raamatuid ei suuda nad läbi hekseldada.

Seda tüüpi raamaturodusid leiame me ka keerulisemates praktikates — raamatumängudes LiveLib’is. Üheks motiiviks osaleda sellistes mängudes on asjaolu, et mäng mobiliseerib lugejaid lugemise alal, kannustab neid leidma lugemiseks aega, nobedamalt lugema ja seega end täiustama. Kõik seda tüüpi tegevused kujutavad endast horisontaalsete sidemete liiki lugejaskonnas. Neid sidemeid on raske fikseerida: kui me ei pöörduks grupisisese tegevuse, raamatumängude poole, võiks need meil üldse kahe silma vahele jääda. Samas puudub kahtlus nende olemasolu kohta ja need määratlevad lugejate tegevused ja lõppude lõpuks ka nende identiteedi. Siin kasutasime me Bruno Latour’i postulaati “Järgige aktorite põimitust ja keerdkäike läbi asjade” — ja läbi raamatute jõudsime me ühiskonna horisontaalsetele sidemete juurde.

Teine osa peatükist on pühendatud lugejate vahetult väljendatud nõudmiste juurde. Kuna nende lugemisvara aluspõhjaks on fantasmagooriliste eeldustega raamatud, siis kehtib enamik nõudeid just nendele, nende tavadele ja struktuursetele erisustele. Seejuures ei adu lugejad mitte mingilgi määral, et nende lugemisvara koosneb suures osa mitte sugugi kõrgkirjandusest ja et nad loevad “mitte seda, mida pidanuks” — nad on oma valikus lausveendunud ja ei anna vihjetki, et nad sooviks rohkem “klassikuid” lugeda ja ei tee oma lugemisvalikus mööndusi kirjanduskriitikute soovitustele.

Eraldi peatume me vähem silmnähtavatel nõudmistel ja raskesti formaliseeritavatel mõistetel. Lähtudes meie täheldustest, et teksti väljamõeldud maailm funktsioneerib lugeja teadvuses tavaliselt tekstist endast eraldiasetuses, käsitleme me raskesti formaliseeritavat mõistet “lorism”, mis esineb mitte ainult ilukirjanduses, vaid samuti muudes meelelahutuslikes žanrides. “Lorist, lorism” tulenevad inglise terminist “lore” — arh. õpetus, (pärimuslik) teadus; teadmustekogu (J. Silvet) — see tähistab teadmisi ilukirjandusliku teose maailmast, mis eksisteerivad täiendavalt ilukirjanduslikule teosele ja selle kõrval. Peamiselt rakendub lorismi mõiste raamatutele, mille kronotüüp on realistlikust kaugelt

eemaleulatuv. Lugejad tunnetavad seda mitte kui ilukirjanduslikku, väljamõeldud reaalsust, vaid kui objektiivset reaalsust, midagi ajaloolise kroonika suguse asjana. Lähtudes sellest eeldusest moodustuvad nende nõudmised eri tüüpi meelelahutuslikule sisule. Teose lorism, selle väljamõeldud maailm osutub tekstist tähtsamaks, tekst aga on vaid algse lorismi derivaat. Teose lorismi teadmine asendab selle struktuuri mõistmist: võimalikud ebakohad, sobimatused, vead ja hälbed ning vaieldavad küsimused seletuvad lugeja arvamusel tavaliselt maailma sisemiste seostega ja banaalse terve mõistusega, mitte aga teksti struktuurse vajalikkusega.

Lugejatel on samuti mõningased ettekujutused sellest, kuidas autor tekstiga töötab. Muuseas on täheldatud, et lugejate arvamusel peab autor pühendama peamist tähelepanu teose faktoloogilisele poolele, ja vaid seejärel keelele. Vormi ja sisu käsitletakse reeglina seostamata kategooriatena, aktualiseerides teksti kui olemasoleva reaalsuse mimesist ehk elutäpset jäljendamist. Kirjanduse väli näib seejuures lamedana ja ilma hierarhiatena.

Peatüki 4 viimane osa on pühendatud lugejate autometakirjeldustele. Otsusel kirjeldada seda ilmingut juhindusime me Bruno Latour'i postulaadist "Lubage aktoritel ise rääkida". Koosluse määravad aktorid ise, järelikult on lugejaskond see, mida lugejad selliseks loevad. Antud peatükis esitleme me mõningaid lugejate katseid end ise kirjeldada, kuid sellega piirdumata — ka katseid kirjeldada neid tundeid, tunnetusi, toiminguid, mis võivad neid ühendada. Sellel väljal eksisteerivad samuti lugejate autotüpiseerimise katsed ja mõtisklused sellest, milline peab olema ideaalne lugeja ja kuivõrd nad ise vastavad sellele ideaalile. Sellised autometakirjeldused on nende praktikate teisend, mis võimaldavad indiviidil asetuda lugeja rolli.

Lõpuks esitame me küsimuse: kuidas on muutunud lugemine võrreldes eelkäivate põlvkondadega? Esiteks, selle jälgimine on tõesti muutunud lihtsamaks — mitte dokumentaalses tähenduses, aga koosluslike fenomenide mõttes. Teiseks: lugemine migreerub vääramatult ja omasoodu igapäevasest tausttegevusest meelistegevuse suunas. See toob kaasa meelelahutusliku lugemise osatähtsuse kõrgenemise ja selle tähenduslikkuse suurenemise. Praktiliselt jääb kogu tegevus, mida me jälgisime ja kirjeldasime institutsioonide valvast pilgust väljapoole, näiteks kirjanduslikust kriitikast või preemiatest. Samas aga ongi need kaasaegsed lugejad: ustavad, tegusad ja kirglikud.

ABSTRACT

The Issue of Real Recipient of a Fiction: Contemporary Reader Practices' Analysis

Not least among the causes of our interest in the contemporary reader is the fact that we do not know much about the reader as a participant in the literary process. This instance is considered in different ways, and it seems that researchers describe either one feature of this concept, or a different one, and focus on one aspect at the expense of others.

This thesis is purposed to describe at least a part of the reading community that has formed in Russia. We chose Bruno Latour's actor-network theory (ANT) as the methodology; accordingly, we view readers as a community. Actor-network theory regards all interactions in the society as a heterogeneous network of various actants, including inanimate, non-human ones. Performing actions, actants render the network that constitutes society. ANT offers a highly flexible set of tools; therefore, we attempted to apply it to our field of research.

Latour works from the assumption that if we follow the actors and document their actions, we will best describe what traditional sociologists (whose approach Latour refutes) call society.

When we talk about a community of readers, we reconstruct it from the practices we have seen, following our adopted methodology. If people carry out some kind of common activities according to the rules they deliberately know, we can consider them a community. This is what we see in the case of the reader community.

What we described in our work was an attempt, if we follow Latour's metaphor, to map a previously unknown territory tracing connections, and thereby outline the contours of the Russian community of readers, at least approximately.

Since we are focusing particularly on the question how exactly the reader has changed compared with the past, we have had to deeply study the history of this issue. Therefore, **Chapter 1** of the thesis contains an essay on the history of the reader studies and presents the basic concepts of this philological entity research. It begins with an outline of the historical evolution of reading. Then we move on to the theoretical concepts of reader studies. From the sociological research of the first mass reader — to the reception aesthetics, and the implicit reader, and further to the anthropological turn and practice theory, as well as reader-response theory. We dwell separately on the history of reading studies in Russia since it was evolving in a fundamentally different way from the European one. We featured Evgeny Dobrenko's book "The Making of the State Reader" since it is solely devoted to the formation of the reader, which is evident from the title, furthermore, among the conclusions and examples given by Dobrenko we have found many that are in line with our observations. After all, the reader we are studying is an inheritor of the same system. The Soviet

aesthetic system treated the reader not as a study object, but an object of influence — "peredelka" or "perekovka" (alteration, re-education, reforging).

Chapter 2 titled "Contemporary Reading Practices and Where They Occur". There we describe our field of research and all the necessary constraints associated with it, as well as provide quantitative and qualitative data about the reading range.

As for the constraints, we describe the community of the late 2010s, and this is a community of young people, up to 35 years old, formed in the conditions of a highly differentiated book market. We are also dealing with active readers, i. e. with people who are used to entertaining themselves with reading. They consider reading as an active hobby, some time allocated to it.

We build upon two theses of Latour: "No work, no group" and "Let the actors speak for themselves".

Initially, we turned to the LiveLib.ru, created specifically for writing book reviews. However, the activity of readers is not limited to the actual reviews but also includes complex competitive interactions and book blogs. Studying the latter type of activity, we also have included videoblogs on Youtube, more precisely, its narrow subset — BookTube, as bloggers themselves call it. We also explored the largest Russian-language network library Flibusta as a field of a short and super short review.

All these resources differ significantly in their focus and in the opportunities they offer their users.

We also used the LiveLib resource to collect reading range data. We collected various charts and lists: best of the year, best of the month, readers' recommendations lists, etc. Using this material, we were able to identify various trends in modern reading, including those related to preferences by authors, genres, and periods. Then we compared this data with reading lists by book bloggers and found some overlaps.

Chapter 3 of our work deals with reviews of the classic school canon collected in the online library Flibusta. We determined the school canon according to the codifier used for the Russian Unified State Exam, USE. The research looked into the least changeable section of the canon, from Griboyedov to Chekhov inclusively; moreover, according to informants, this part is prioritized in the school study. The resource itself, as we have already said, interested us as a short review field, and subsequently also by the fact that it differs significantly from our main LiveLib source. As the result of data collection and sample alignment, we were able to establish detect some thematic variables that are often found in reviews of classic texts and identify texts that are completely devoid of reviews. Also, studying such reviews, we were able to notice that readers frequently mention facts about the texts they read, often false ones, which we designated as "factoids". From the perspective of connection in the readers' community, we defined this platform as nearly disconnected. This is primarily because the built-in functions of this platform do not allow for the formation of communities.

Chapter 4 deals with qualitative research of the readers' requirements. First, we tell about practices beyond reading that exist in the readers' community. Among them, we can note book challenges: competitions organized according to the principle "read N books in some period", usually within a year. We specify these challenges as quantitative. There are also qualitative challenges organized as reading a set of books according to specified parameters, providing reviews on each item. These lists of parameters are usually not structured and have no internal logic. This is a way for readers to structure their reading, as they drown in the sea of books, realizing that they will never be able to read everything they like.

We also find similar lists in more complex practices like book games on LiveLib. One motivation to take part in them is that such a game mobilizes readers, makes them find time to read, read faster, altogether, improve themselves. All these sorts of actions exemplify a kind of horizontal connection in the community of readers. These links are difficult to detect; if we had not turned to intergroup activities such as book games, we might have not even noticed them. Nevertheless, there is no doubt that they exist and determine readers' actions and, ultimately, their identity. Here we used Bruno Latour's postulate "Follow the actors in their weaving through things": through books, we came to horizontal connections in the community.

The second part of the chapter is devoted to the explicit requirements of the readers. Since fantasy, sci-fi, and other books with fantastic presuppositions account for the basis of their reading range, most of the requirements apply specifically to that genre, its conventions, and structural features. At the same time, readers do not reflect in any way that the range of their reading is mostly pulp or leisure fiction, on the contrary, they are confident in their choice, they do not say that they would like to read more of "the classics" and do not align their reading choices with the recommendations of literary critics.

Separately, we dwell on less obvious requirements and concepts that are difficult to formalize. Based on our observation that the fictional world of the text usually functions in the minds of readers in addition to the text itself, we consider a concept that can scarcely be formalized — a "lore". It is present not only in fiction but also in other entertainment genres. "Lore", from an English term that means "legend, fable", or more narrow "prehistory, tradition" can be described as knowledge about the world of a work of art that exists alongside with or apart from the work itself. Mainly, the concept of lore is applied to books that have unrealistic chronotope. Readers perceive it not as a fictional reality, but as an objective one, something like a chronicle. Based on this premise, their requirements for various kinds of entertainment content are formed. The lore of the work, its fictional world, turns out to be more important than the text, thus the text is only a derivative of the primary lore. Knowledge of lore of an artwork replaces comprehension of its structure: possible inconsistencies and controversial issues are usually explained based on the internal connections of the world and common sense, not the structural necessity of the text.

There are also some readers' ideas on how an author works on a text. In particular, our observations indicate that the main author's attention, according to readers, should be paid to the factual side of the work, then to the language. Readers generally regard form and content, as unrelated categories, actualizing the text as a mimesis of the objective reality. At the same time, the field of literature looks flat and has no hierarchy.

The last part of chapter 4 is devoted to readers' meta self-descriptions. We decided to explore this phenomenon, relying on the postulate of Bruno Latour "Let the actors speak for themselves". The actors themselves, hence the community of readers is what the readers perceive as such, define the community. In this chapter, we list some of the readers' attempts to describe not only themselves, but also those feelings, sensations, and actions that can unite them. In this field some readers also make attempts to delineate themselves and to think about what the ideal reader should be and how much they themselves live up to this ideal. Such self-descriptions are a kind of practice that allows a person to grow into the role of a reader.

In conclusion, we ask ourselves the question: how has reading changed compared to previous generations? First, it has indeed become easier to track — not employing documents, but as a community-based phenomenon. Second, reading is gradually shifting from background daily activity towards a hobby. This leads to a proportional increase and consequential growth of the importance of leisure reading. Almost all of the activities we have observed and described are out of sight of institutions such as literary criticism or literary awards. Nevertheless, these are the readers of today: devoted, vibrant, and passionate.

CURRICULUM VITAE

АННА ГЕРАСИМОВА

Гражданство:	Российская Федерация
Дата и место рождения:	11 декабря 1980, Ижевск
Адрес:	142717, Московская область, п. Развилка, 1а–49
Телефон, эл. почта:	+7 916 645-47-36, ghera2001@gmail.com
Языки:	русский, английский, итальянский

Образование

1987–1993	Государственная общеобразовательная школа № 67, г. Ижевск
1993–1997	ИЕГЛ «Школа № 30», г. Ижевск
1999–2004	Московский государственный институт международных отношений, факультет международной журналистики
2013–2015	Российский государственный гуманитарный университет, историко-филологический факультет, центр итальянского языка, магистратура (филология)
2013–2015	Università di Bologna, магистратура (филология)
2016–2020	Тартуский университет, докторантура (кафедра русской литературы)

Профессиональная деятельность

2014–2015	РГГУ, преподаватель
2010–2012	ABBYY Language Services, младший редактор
2003–2013	Бюро переводов «На Профсоюзной», переводчик

Научная деятельность

Области научных интересов: социология литературы, практики чтения, антропология чтения, современная литература, постколониализм.

Опубликовано 6 научных статей, из них 1 — в международном издании.

ELULOOKIRJELDUS

Anna Gerasimova

Aadress	142717, Moskva piirkond, Razvilka alev, 1a–49
Telefon	+372 57-44-83-86, +7 916 645-47-36
E-post	ghera2001@gmail.com
Keeleoskus	vene keel, inglise keel, itaalia keel

Haridus

1987–1993	Riiklik üldhariduskool nr 67, Iževsk
1993–1997	Iževski loodus-, humanitaarlütseum “Kool nr 30”, Iževsk
1999–2004	Venemaa Välisministeeriumi Moskva Riiklik Rahvusvaheliste Suhete Instituut, rahvusvahelise ajakirjanduse teaduskond
2013–2015	Venemaa Riiklik Humanitaarülikool, ajaloo-filoloogia teaduskond, itaalia keelekeskus, magistriõpe (filoloogia)
2013–2015	Università di Bologna, magistriõpe (filoloogia)
2016–2020	Tartu Ülikool, doktoriõpe (vene ja slaavi filoloogia)

Teenistuskäik

2014–2015	Venemaa Riiklik Humanitaarülikool, õppejõud
2010–2012	ABBYY Language Services, noorem toimetaja
2003–2013	Tõlkebüroo “Na profsojuznoj”, tõlkija

Teadustegevus

Teadushuvid: kirjanduse sotsioloogia, lugemise praktika, lugemise antropoloogia, tänapäeva kirjandus, postkolonialism.

Kuus artiklit on avaldatud, neist on 1 artikkel rahvusvahelises väljaandes.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

А. Герасимова. «Рассерженные читатели»: к проблеме наивного рецензента // Русская филология. 27. Тарту, 2016. С. 265–283.

А. Герасимова. «Гоголю советов не давал»: к методологии изучения наивного рецензента // Русская филология. 28. Тарту, 2017. С. 242–257.

А. Герасимова. Наивный рецензент: опыт исследования отзывов на художественную литературу в интернете // Интернет по ту сторону цифр: Сборник статей конференции. М., 2018. С. 116–131.

А. Герасимова. Взлет и падение: об изучении читательских отзывов в 1920-х гг. // Русская филология. 29. Тарту, 2018. С. 221–236.

А. Герасимова. Об одной специфической практике: отзывы на книги в интернете // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 143 (1). М., 2018. С. 222–234.

А. Герасимова. Сообщества читателей и чем они заняты: книжные игры в интернете // Русская филология. 30. Тарту, 2019. С. 208–220.

А. Герасимова. Некоторые наблюдения над современным кругом чтения на примере ресурса LiveLib // Русская филология. 31. Тарту, 2020. С. 292–306.

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Юрий Кудрявцев.** Очерки по русской фонологии и морфонологии. Тарту, 1996. 157 с.
2. **Светлана Туровская.** Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997. 136 с.
3. **Елена Погосян.** Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. 158 с.
4. **Ирина Белобровцева.** Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997. 167 с.
5. **Светлана Кульюс.** Эзотерические коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998. 207 с.
6. **Леа Пильд.** Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999. 136 с.
7. **Роман Лейбов.** «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000. 143 с.
8. **Валентина Щаднева.** Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000. 212 с.
9. **Александр Данилевский.** Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темирязева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000. 151 с.
10. **Татьяна Фрайман.** Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800 — первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002. 165 с.
11. **Татьяна Троянова.** Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имен существительных). Тарту, 2003. 166 с.
12. **Елена Нымм.** Литературная позиция И. Ясинского (1890–90-е гг.). Тарту, 2003. 169 с.
13. **Эрика-Оксана Хааг.** Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004. 165 с.
14. **Вадим Семенов.** Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004. 176 с.
15. **Роман Войтехович.** Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005. 165 с.
16. **Анжелика Штейнгольд.** Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006. 202 с.

17. **Катрин Кару.** Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006. 248 с.
18. **Оксана Паликова.** Двуязычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007. 139 с.
19. **Тимур Гузаиров.** Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.
20. **Татьяна Кузовкина.** Феномен Булгарина: проблема литературной тактики. Тарту, 2007. 163 с.
21. **Ольга Бурдакова.** Имперфективация глаголов v продуктивного класса в современном русском языке. Тарту, 2008. 194 с.
22. **Ирина Абисогомян.** Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения: традиции и новаторство. Тарту, 2009. 200 с.
23. **Ирина Табакова.** Основные типы аббревиатур в современном польском языке (к специфике моделей производящих синтаксических структур). Тарту, 2009. 205 с.
24. **Дмитрий Иванов.** Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. 224 с.
25. **Инна Булкина.** Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту, 2010. 213 с.
26. **Алексей Вдовин.** Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. 238 с.
27. **Ольга Мусаева.** Рецепция творчества Федерико Гарсиа Лорки в русской культуре (1930–1960-е гг.). Тарту, 2011. 217 с.
28. **Мария Боровикова.** Поэтика Марины Цветаевой (лирика конца 1900-х – 1910-х годов). Тарту, 2011. 148 с.
29. **Ольга Ягинцева.** Этимологическое исследование некоторых диалектных названий предметов домашнего обихода. Тарту, 2014. 127 с.
30. **Ирина Рудик.** Русская тема в сборнике Марины Цветаевой «Версты, Стихи. Выпуск I (1922)». Тарту, 2014. 166 с.
31. **Елизавета Фомина.** Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева. Тарту, 2014. 150 с.
32. **Павел Успенский.** Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.). Тарту, 2014. 214 с.
33. **Константин Поливанов.** «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015. 262 с.
34. **Сирье Купп-Сазонов.** О роли грамматики в переводе (на материале временных форм глагола в русском и эстонском языках). Тарту, 2015. 249 с.
35. **Андрей Федотов.** Русский театральный журнал в русском контексте 1840-х годов. Тарту, 2016. 178 с.

36. **Кристина Сарычева.** Восприятие Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в русской литературной критике 1870-х – 1900-х гг. Тарту, 2016. 173 с.
37. **Алисия Чекада.** Теоретические основы составления двуязычного словаря: на примере польского и эстонского языков. Тарту, 2017. 131 с.
38. **Артем Шеля.** «Русская песня» в литературе 1800–1840-х гг. Тарту, 2018. 268 с.
39. **Александра Чабан.** Н. С. Гумилев — критик поэтов-символистов: динамика оценок и эволюция критического языка. Тарту, 2018. 183 с.
40. **Елена Вельман-Омелина.** Эстонско-русский перевод и развитие современной официально-деловой коммуникации: теоретический и практический аспекты. Тарту, 2018. 192 с.
41. **Ксения Филимонова.** Эволюция эстетических взглядов В. Шаламова и русский литературный процесс 1950-х – 70-х годов. Тарту, 2020. 159 с.
42. **Карина Новашевская.** А. А. Шаховской — идеолог русского национального театра. Тарту, 2020. 251 с.